

Центральная и Восточная Европа

между Евросоюзом
и Евразийским экономическим союзом:
перспективы соперничества
и сотрудничества

Central and Eastern Europe

between the European Union
and the Eurasian Economic Union:
Prospects for Competition
and Cooperation

Центральная и Восточная Европа

между Евросоюзом
и Евразийским экономическим союзом:
перспективы соперничества
и сотрудничества

Central and Eastern Europe

between the European Union
and the Eurasian Economic Union:
Prospects for Competition
and Cooperation

Центральная и Восточная Европа

между Евросоюзом
и Евразийским экономическим союзом:
перспективы соперничества
и сотрудничества

Научная редакция

Томаш Стемпневски
Зигмунд А. Станкевич
Анджей Шабацюк

Central and Eastern Europe

between the European Union
and the Eurasian Economic Union:
Prospects for Competition
and Cooperation

Edited by

Tomasz Stępniewski
Zygmunt Stankiewicz
Andrzej Szabaciuk

Люблин-Москва 2019
Lublin-Moscow 2019

Институт Центральной Европы в Люблине
Московский университет имени Сергея Ю. Витте

Рецензенты:

Проф. Кшиштоф Федорович,
Университет имени Адама Мицкевича в Познани

Проф. Тарас Шамба,
Заслуженный юрист Российской Федерации, Европейский институт JUSTO в Москве

Графическое оформление:

Амадеуш Таргонски

Перевод на русский:

Артур Максимов

Перевод на английский:

Авторы и Анджей Шабацюк

Корректор и технический редактор:

Артур Максимов

Компьютерная вёрстка:

Амадеуш Таргонски

ISBN 978-83-66413-11-5

© Коллектив авторов
© Институт Центральной Европы в Люблине 2019

Институт Центральной Европы в Люблине
ul. Niecała 5, 20-080 Lublin, Polska

Содержание

Вступление	9
-------------------------	---

Игорь Андреевич Исаев Идея права и воля к власти: исторический опыт Европы	15
--	----

Томаш Стемпневски Изменит ли Владимир Зеленский Украину?	37
--	----

Сергей Николаевич Бабурин Интеграционный конституционализм: цивилизационный выбор России и Европы в эпоху духовно-нравственного упадка	57
--	----

Зигмунд Антонович Станкевич «Старая» Европа, «новая» Россия и страны «между»: как жить дальше?	77
--	----

Борис Павлович Гуселетов Перспективы развития сотрудничества между Евросоюзом, РФ и Китаем	95
--	----

Пауль Алексеевич Калинин

Принципы прямого действия и верховенства: от права ЕС к праву ЕАЭС	111
---	-----

Роман Николаевич Лункин

Россия и Беларусь в контексте церковной политики: тихая гавань бурных страстей	133
---	-----

Каныбек Ажекбарович Ажекбаров, Толобек Кадыралиевич Камчыбеков

Перспективы сотрудничества Кыргызской Республики и Европейского Союза в рамках евразийской экономической интеграции	147
--	-----

Игорь Ярославович Тодоров, Наталия Юрьевна Тодорова

Украинский выбор в контексте российской агрессии	163
---	-----

Михал Словиковский

Исторический опыт строительства российско-белорусского федеративного государства	181
---	-----

Анджей Шабациук

Российская Федерация и европейский «миграционный кризис»	201
---	-----

Избранная библиография

Selected Bibliography	217
------------------------------------	-----

Об авторах	225
-------------------------	-----

About the Authors	227
--------------------------------	-----

Contents

Introduction	9
 Igor A. Isaev The Idea of Law and the Will to Power: the Historical Experience of Europe	15
 Tomasz Stępniewski Will Vladimir Zelensky Change Ukraine?	37
 Sergey N. Baburin Constitutionalism of Integration: The Civilizational Choice of Russia and Europe in the Age of Spiritual and Moral Decline	57
 Zygmunt A. Stankiewicz “Old” Europe, “New” Russia and “Between” Countries: How to Live on?	77
 Boris P. Guseletov Prospects for the Development of Cooperation between the European Union, the Russian Federation and China	95

Paul A. Kalinichenko

Principles of Direct Action and Supremacy: from EU Law to EAEU Law	111
---	-----

Roman N. Lunkin

Russia and Belarus in the Context of the Church Policy: Quiet Haven of Stormy Passions	133
---	-----

Kanybek A. Azhekbayev, Tolobek K. Kamchybekov

Prospects for Cooperation between the Kyrgyz Republic and the European Union in the Framework of Eurasian Economic Integration	147
---	-----

Igor Todorov, Natalia Todorova

Ukrainian Choice in the Context of Russian Aggression	163
--	-----

Michał Słowikowski

Historical Experience in the Construction of the Russian-Belarusian Federal State	181
--	-----

Andrzej Szabaciuk

Russian Federation and the European “Migration Crisis”	201
---	-----

Избранная библиография Selected Bibliography	217
---	-----

Об авторах	225
-------------------------	-----

About the Authors	227
--------------------------------	-----

Вступление

Современные международные отношения в Центральной и Восточной Европе во многом зависят от стратегической взаимосвязи стран региона с конкурирующими моделями политической и экономической интеграции: моделью, популяризированной Европейским союзом и той, что реализуется Евразийским экономическим союзом. В эпоху глобальных вызовов, связанных с эволюцией существующей системы международных отношений, массовой миграцией людей, изменением климата, новыми вызовами международной безопасности, взаимодействие этих интеграционных моделей может иметь ключевое значение не только для региона, но и в глобальном масштабе.

Европейский Союз является примером успешно проведенной политической и экономической интеграции. Мерилом его успеха является количество стран, желающих присоединиться к европейскому сообществу, и неослабевающая волна иммигрантов и беженцев, желающих связать свою жизнь со странами Ев-

ропейского Союза как местом процветания и безопасности. Ни одна другая международная организация не осуществила такую глубокую и многоплановую интеграцию – как результат, европейская модель остается образцом для других организаций аналогичного характера.

Ключом к успеху Европейского Союза является не только четкая ориентация на экономическую выгоду, которую чувствует большинство граждан государств-членов, но и проявление общих ценностей и солидарности по ключевым вопросам, важным с точки зрения стран региона. Стандартизация и унификация норм, забота об окружающей среде и защита прозрачности и целостности политических процессов и, прежде всего, политика развития, целью которой является сближение государств и отдельных регионов ЕС, способствуют построению лучшего и более предсказуемого будущего.

Несмотря на кризисы, с которым сталкивается европейское сообщество, подавляющее большинство государств-членов признают многочисленные преимущества принадлежности к Европейскому союзу и предпочитают реформировать эту модель, а не разрушать ее. Они полагают, что европейская интеграция является лучшей гарантией от соперничества между державами, от эскалации политической напряженности и возникновения новых вооруженных конфликтов. Время после Второй мировой войны – один из самых длительных периодов без внутренних конфликтов в истории европейского континента. Многие европейские политики понимают, что мир сам по себе является наивысшей ценностью, ради которой отдельные европейские страны должны быть готовы пойти на уступки и компромиссы в интересах других.

Политическая и экономическая интеграция на постсоветском пространстве была попыткой восстановить связи между постсоветскими государствами после распада Советского Союза. В отличие от западноевропейской модели, где движущей силой интеграции были два ранее противоборствующих государства –

Германия и Франция – в постсоветской интеграционной модели в политическом и экономическом отношениях доминировала Российская Федерация. Это оправдано, потому что Россия – страна с огромным людским, экономическим и военным потенциалом.

В настоящее время трудно четко определить, как в будущем будут выглядеть интеграционные процессы на постсоветском пространстве. Будем ли мы наблюдать процесс углубления интеграции по западному образцу, постепенно расширяющийся за счет политического компонента, или Евразийский экономический союз разделит судьбу других подобных интеграционных проектов, и как, например, Содружество Независимых Государств постепенно утратит свое значение.

Цель представленной научной монографии – показать перспективы сотрудничества и соперничества двух ключевых интеграционных проектов, действующих на пространстве Европы и постсоветского пространства, с точки зрения исследователей из Российской Федерации, Польши, Кыргызстана и Украины. Здесь представлены статьи ученых, взгляды и подходы которых не просто различаются, а порой противоречат друг другу в принципиальном плане. Более того, в некоторых вопросах они просто непримиримы, что в определенном смысле является отражением нынешнего состояния отношений между Россией и Западом. Но это и повышает ценность данной публикации, поскольку читатель имеет уникальную возможность самостоятельно оценивать позиции разных авторов, выявлять все «про» и «контра», выбирать для себя то, что более всего подходит для выработки личного взгляда на современный мир. Пока возможно подобное уважительное научное общение людей разных мировоззрений, остается надежда, что европейцы когда-нибудь станут едины.

В монографии в широком понимании рассматриваются различные аспекты отношений между Россией и странами на постсоветском пространстве, а также Европой, включая Центральную ее часть. Анализируются исторические предпосылки, идеологи-

ческие условия, правовой контекст, политические и социальные процессы. Статьи были подготовлены видными специалистами, занимающимися этой темой в течение многих лет. Среди них сотрудники Института Центральной Европы в Люблине, Люблинского католического университета Иоанна Павла II, Лодзинского университета, Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, Кыргызского экономического университета, Института Европы РАН, Дипломатической академии МИД России, Института государства и права РАН, Российской академии социальных наук, Ужгородского национального университета.

Что касается российско-кыргызской части авторского коллектива, то в ней представлены два Заслуженных деятеля науки Российской Федерации – профессора Сергей Бабурин и Игорь Исаев, статьи которых посвящены, соответственно, становлению т.н. интеграционного конституционализма, при котором как экономическая, так и политическая межгосударственная интеграция развивается лишь при опоре на общие элементы в ценностях национальной культуры и духовного наследия объединяющихся народов, и историческому опыту европейских государств – в частности, тревожным симптомам процесса, который получил название «утрата середины», процесса, свойственного политическому и правовому развитию стран Западной и Восточной Европы. Зигмунд Станкевич предпринял попытку осмыслить современную геополитическую ситуацию в Европе в контексте отношений между Россией и странами-членами ЕС и НАТО, и предложить возможные пути снижения напряженности, опираясь, в том числе, на оправдавший себя опыт прошлого. Экономическую проблематику разрабатывали профессор Каныбек Ажекбаров и Толобек Камчыбеков, которые сосредоточились на перспективах сотрудничества Кыргызской Республики и Европейского Союза в рамках евразийской экономической интеграции. В свою очередь, профессор-юрист Пауль Калиниченко сосредоточился на

сравнительном анализе процессов становления и закрепления принципов прямого действия и верховенства в правовых порядках Европейского Союза и Евразийского экономического союза, изучении влияния европейских стандартов и подходов на процесс формулирования принципов прямого действия и верховенства в праве ЕАЭС и становление обособленного евразийского интеграционного правового порядка в целом. Доктор политических наук Борис Гуселетов анализирует нынешнее состояние отношений между Россией и Евросоюзом (ЕС), Россией и Китаем, Китаем и ЕС, и перспективы развития их сотрудничества, в том числе, в рамках китайской инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), предусматривающей создание транспортного коридора между КНР и Европой. Доктор политических наук Роман Лункин из Института Европы Российской академии наук подготовил текст, посвященный сложным вопросам разделения в православной церкви в Беларуси и Восточной Европе. Его статья демонстрирует, как общественно-политические процессы влияют на положение Церкви, а также последствия, к которому это влияние может привести.

Профессор Томаш Стемпневски из Люблинского католического университета им. Иоанна Павла II и Института Центральной Европы в Люблине делает попытку показать как отсутствие системных реформ (в сфере борьбы с коррупцией, в создании основ для функционирования стабильного правового государства со свободной рыночной экономикой) неправильные решения предыдущих президентов воздействуют на нынешнюю ситуацию на Украине. Профессор Михал Словицкий из Лодзинского университета пишет о сложных отношениях между Беларусью и Россией. Он отмечает, что усилия по интеграции России и Беларуси получили новый импульс на рубеже 2018/2019 г., автор критически анализирует последние предложения России в отношении интеграционного процесса между Россией и Беларусью, а также прогнозы ее развития, принимая во внимание имеющиеся

знания о текущем состоянии двусторонних отношений, кроме того, М. Словиковский в своем исследовании указывает на тенденции и процессы, происходящие в Беларуси. Доктор Анджей Шабациук из Люблинского католического университета Иоанна Павла II и Института Центральной Европы в Люблине занимается анализом воздействия так называемого «миграционного кризиса» в Европе на отношения РФ с Евросоюзом. Он пытается показать более глубокие причины растущего соперничества и его возможные последствия. Профессор Игорь Тодоров и доктор Наталья Тодорова из Ужгородского национального университета в Украине анализируют геостратегический выбор Украины в контексте российско-украинского конфликта после 2014 года.

Эта книга является результатом научного сотрудничества между Институтом Центральной Европы в Люблине и Московским университетом имени С.Ю. Витте (МИЭМП). Эта монография является второй публикацией люблинского научного сообщества с исследователями из Москвы. Первой была: Зигмунд Станкевич, Томаш Стемпневски, Анджей Шабациук (ред.), Безопасность постсоветского пространства: новые вызовы и угрозы, Издательство Люблинского Католического Университета Иоанна Павла II, Люблин-Москва 2014, сс. 463.

Редакция монографии хотела бы поблагодарить авторов за их бескорыстные усилия по подготовке научных статей, опубликованных в этом томе. Мы глубоко верим, что они встретят положительный прием у заинтересованных читателей.

Томаш Стемпневски
Зигмунд А. Станкевич
Анджей Шабациук
Люблин-Москва 2019

Игорь Андреевич Исаев

Идея права и воля к власти: исторический опыт Европы

Abstract: The main goal of the article is to highlight the issue of the interaction between rational and irrational elements of legal reality. The historical experience of European countries explores the alarming symptoms of a process called the "loss of the middle", a process inherent in the political and legal development of Western and Eastern Europe. Legal normativism and voluntarism of the authorities, rooted in political theory and practice, remain relevant problems to this day. The political interaction of European states should take this experience of the past into account to formulate a real and effective modern policy.

Keywords: the will, law, power, dictatorship, democracy, equilibrium, abstraction, principles, consensus, equality, publicity, authoritarianism, normativity, society

1. «Романтическое» введение: «верх» и «низ»

Современность рождалась в ситуации войн и кризисов. И это не могло не наложить на неё отпечаток. Индивидуалистический эгоизм сменился эгоизмом коллективным. Агрессия и насилие затаились в недрах государства и корпораций, в политических акциях «по урегулированию». Насилие приняло форму корыстного административного и правового нормирования. Позитивизм государственно-правовой науки превратился в апологетику и политическую схоластику.

Правовой нормативизм чертит свои формы и схемы, внутри которых он предполагает поместить живых существ. Этика и нравственность становятся анахронизмами и поводом для насмешек. Массы и машины, культ которых все нарастает, заполнили собой всё. Человек, становящийся придатком к машине, уже вообще не слышал ничего о гуманизме и не нуждается в гуманитарном образовании. Современность, пришедшая в начале XX в., готовит всё новые эффективные формы для власти и закона – мы пока увидели только некоторые из них. Однако опыт полутора столетий указал на главные тенденции. Поэтому можно себе представить, что из этого вырастет в ближайшее время.

Когда Ханс Зедльмайр говорил об «утрате середины» западной цивилизацией, он имел в виду не только стилевую деградацию европейской архитектуры. Перечень болезненных симптомов, указывающих на увядание культуры, таких как склонность к неорганическому, снятие различий между «верхом» и «низом», умаление человека и т.д., оказался вполне приложимым к соответствующим тенденциям в области политики и права. На фоне эволюции культурных стилей развитие этих феноменов также демонстрировало совершенно определенную тенденцию – поляризацию противоположностей и тяготение к бессознательному, изначальному, темному, к «низу».

Противоположности – культурные, социальные, политические – нарастают здесь вплоть до непримиримости. Тело и дух, дух и душа окончательно отрываются друг от друга; культы прошлого и будущего приводят к разрыву ткани настоящего. Крайний индивидуализм и крайний коллективизм, разлагая подлинную личность, ведут к анархии или предельной унификации. Бессознательное начинает представляться более значимым и подлинным, чем ясное сознание. В иррациональном уравнивается

все то, что стоит выше разума, и то, что лежит ниже его: и все эти симптомы говорят об «утрате середины»¹.

Процесс начался ещё в середине XVIII в. Незадолго до Французской революции в Европе идет активный идейный поиск новых культурных истоков. Новое неренессансное восприятие античности добирается до самых исторических глубин, а на поверхность начинают выглядывать какие-то дочеловеческие, варварские элементы, «суровое и темное величие и тяжеловесная серьезность». Заканчивается гламурная эпоха рококо. Культурное внимание обращено теперь к темным временам этрусков, египтян и норманнов. Дегуманизация жизни и искусства становится очевидной реакцией на ренессансные гуманные образцы.

На основе своеобразно понятых античных образов революция будет формировать свой новый культ. Для того, чтобы избавиться от подлинного культа, она создаст религиозное мировоззрение, по сути, стоящее на одном уровне с иррелигиозным. Само же античное, заимствованное ею начало останется только на поверхности, превратившись в некую эстетическую идеологию.

Статуи, колонны, обелиски, пирамиды, «деревья свободы» «располагают ум к стихийным аксиоматическим операциям с категориями верха и низа: черта поистине удивительная для пространства, столь явным образом отданного во власть горизонтальности», т.е. пустого пространства, на котором начинает строиться новый мир и новый порядок².

Если смотреть с позиций политики, то по своим тенденциям это «последнее» искусство оказывается идеологическим сторонником анархии, а психологически – выражением чудовищного страха и многократно обращенной на себя человеческой ненависти. (Х. Зедльмайр). К этому добавляется ещё и тяга к бес-

¹ См.: Зедльмайр Х., Утрата середины. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 153-158.

² См.: Озуф М., Революционный праздник (1789-1799). М.: Научные монографии, 2003. С. 187-188.

сознательному, древнему и изначальному, к темному и глухому, к настоящему «низу»: сознание закрывается перед трансцендентным «сверху» и открывается бездне «снизу».

Предреволюционное затишье, этот необъяснимый предупреждающий феномен, было пропитано скепсисом и нигилизмом. Власть позволяла иронизировать над собой, крайности поощрялись или терпеливо воспринимались. Насмешки «энциклопедистов» и цинизм де Сада уже предвещали грядущую катастрофу: «старый порядок» изживал себя в беззаконии. Эпидемии страха вызывали ожесточение репрессий и законодательный произвол, но отнюдь не способствовали внутреннему укреплению порядка.

Вспышки коллективного насилия были проникнуты идеей утраченной идиллии и страха перед всем новым и чужаками, носителями новшеств. Религиозные бунты (и протестантство, в значительной степени) были направлены к возврату первоначальной чистоты Церкви. Подсознательные и скрытые идейные корни будущей революции питали веру в возвращение Золотого века, да и сама революция могла стать только «возвращением к истокам», т.е. по сути – реставрацией.

Иррациональное подолгу накапливалось в деятельности институтов и структур, вырабатывая собственные формы: с настоящей жизнью они не имели ничего общего, но на практике оказывались вполне действенными. Как оказалось, хаотическое имело свои собственные закономерности и собственный порядок: ведь «законы нужны даже в аду».

Утрата реальности Бога нарушает само первоначальное чувство реальности вообще и тогда ее место занимают жуткие фантазмы или фрагменты реальности. В качестве магического средства, сверхсознательный элемент (супер-Эго) проникает в бессознательное, но и там не может обнаружить истины. В мельчайших формах «исторического стиля» (при том, что человек утрачивает само чувство исторического) проявляется склонность к использованию умозрительных базовых геометрических

форм. Формы выстраиваются произвольно, чтобы подчеркнуть свой универсальный характер. Методом восприятия мира становится безучастное наблюдение, «нейтральность». (В анализе эпох «деполитизаций и нейтрализаций» Карл Шмитт отличает переход от метафизики большого стиля, свойственной XVII в., к его вульгаризации, которую осуществит Просвещение с его рационализацией и гуманизацией. В этом процессе романтизм оказался промежуточной интеллектуальной инстанцией между морализмом XVIII в. и экономизмом XIX в.) Магическая религиозность переходит в столь же магическую техничность, ставшую настоящей религией и для XX в.

В своем движении гегелевский дух обнаруживал самые разные центры своего пребывания, что приводило к постоянной смене центральных областей, с которыми были связаны изменения в «очевидности убеждений и аргументов, содержание духовных интересов, принципы поведения, тайна политического успеха и готовность больших масс впечатляться определенными внушениями». В XIX в. сначала монарх, а затем и государство становятся нейтральной величиной и в либеральном учении о нейтральном государстве рождается новая политическая теология, в которой процесс нейтрализации уже захватывает политическую власть³.

Просвещение заранее констатировало непримиримые противоречия между государством и индивидом, государством и нацией, допуская здесь наличие только временного равновесия, но не факт внутреннего примирения, т.к. государство представлялось ему каким-то необходимым и внешним злом, возникшим некогда в результате обманного общественного договора. Кантовская противоположность права (легальности) и нравственности (моральности) господствует в современном правоведении, которое видит в нем непреходящее напряжение между различными сфе-

³ См.: Шмитт К., Эпоха деполитизаций и нейтрализаций // Социологическое обозрение, 2001. Т. 1. № 2. С. 48, 53.

рами культуры. Трагизм этой противоречивости исторической и государственной жизни наблюдается даже у Фихте и Шеллинга, положивших начало идее органического единства всех сторон общественной жизни⁴.

Просвещение однозначно ассоциировало идею и разум с неким для него «естественным законом», тогда как воле отводилась только вторичная роль для исполнения акта реализации идеи, роль слепой или даже разумной власти; но идея здесь – всегда законодатель, воля же – только исполнитель. Естественное призвание закона – укрощать и регламентировать власть, и делать это разумно и «просвещенно». В своей совокупности власть выступает здесь в качестве формы, тогда как право оказывается сущностной идеей этой целостности: оно осмысливает и формулирует, власть же оформляет и реализовывает. Духовные идеи определяют государственную и правовую жизнь, но не могут долго существовать и влиять, не будучи облеченными в соответствующие институциональную и организационную формы – история духа – это основание истории, история государства – это уже ее завершение.

Но хрупкое равновесие, обещанное Просвещением, разрушалось вторжением стихийных сил природы и бессознательного. «Политический мазохизм» правящей элиты нельзя было объяснить рационально. (В своих воспоминаниях о революции Ф.Р. Шатобриан не перестает удивляться готовности аристократии к самоуничтожению.) Всплески темной энергии не фиксировались в институтах или в системе: хаос принимал фантастические конфигурации, не поддающиеся осознанию. Чувственность и страсти затеняли все разумные доводы и анализ. (Позже Ш. Бодлер поэтическим чутьем уловил нечто экзистенциально важное в этих симптомах: «революцию совершили люди сладострастные», своими наклонностями и пристрастиями принадлежавшие к уходящему миру. Выступив против него и став

---

⁴ См.: Шпанн О., *Философия истории*. СПб.: СПбГУ, 2005. С. 257-258.

его врагами, они доказали присущую ему смуту, свободомыслие и противоречивые желания: столь свойственные барокко непостоянство желаний и хаотичность сталкивались здесь с холодной незыблемостью верности слову, непреклонностью правосудия и непреложностью божественного порядка. Но когда уже ничто не ограничивает свободы нравов, тогда под блеском празднеств и наслаждений и открывается бездна⁵).

2. «Свет» и «тьма»: разум и воля

Согласно Я. Бёме, сам мрак не есть простое отсутствие света, но лишь «испуг, вызванный его сиянием». Поэтому и зло является абсолютно необходимым принципом, человечество не может без него обойтись, поскольку именно из него и происходит мир: свобода в этой связи представляется только «крайней точкой и является причиной света»⁶. Революция, олицетворяющая свободу, несет этот свет.

Метафоры света, побеждающего тьму, и мира, вернувшегося к своей исходной точке в результате революции – образы, которые были широко распространены накануне 1789 г. «Старый порядок» естественно представлялся в виде темной тучи и мирового бедствия, а борьба с ним символизировала пришествие света. «Солнечный мир революции» – это одно из тех коллективных представлений, которые отличаются весьма обобщенно-расплывчатым характером, что, правда, компенсируется широтой его убедительной силы. Одна и та же энергия могла одновременно служить и смерти, и воскрешению. Все разрушенное «до основания» расчищало место для новых начинаний. Чем непрогляднее был мрак, тем ослепительней сияло солнце на восходе: в таких

⁵ Старобинский Ж., 1789 г.: эмблематика разума // Поэзия и знание. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 373.

⁶ См.: Натаф А., Мэтры оккультизма. СПб.: Академический проект, 2002. С. 163-164.

оценках сходились и революционер Фихте, и контрреволюционер Ж. де Местр. «Старый порядок» с его иерархическими степенями и юридическими перегородками, символами отличия и покровительства должен был быть снесен, а на его месте учреждено однородное пространство новой небесной механики, полностью пронизываемое для света: «Следствием революционного насилия было создание однородного безграничного пространства, открытого поля, по которому свет разума и права мог распространяться во всех направлениях»⁷.

Французская революция поступила с этим миром примерно так же, как религиозная революция поступила с миром иным. Она стала рассматривать сотворенного ею гражданина совершенно абстрактно и вне связи с его происхождением, качествами и отдельными обществами: «восходя к наименее частному в делах общества и правления, эта идея стала понятной всем и воспроизводимой в сотне мест одновременно» (А. Токвиль). Кажется, что революция тем самым открывала широкий путь из старого мира необходимости через временный хаос к новому миру свободы. Но образ будущего, который предлагался ею миру, можно было внедрить в жизнь только усилием воли и приложением значительной энергии. Идея могла быть реализована только посредством воли, воли к власти: но очень скоро такая воля увидит себя уже самодостаточной и родится то, что Хайдеггер назовет потом «волей к воле».

Расчистить место и открыть неограниченное поле возможного был призван самый первый акт свободной воли: «опираясь на стихийные «темные силы», революция свергла «царство тьмы», создав только предпосылки для начинания. Необходимо было заполнить образовавшуюся пустоту некоей новой силой, способной действовать самовластно: такой силой стали универсальные принципы, стремящиеся «удержать в себе власть первоначала»:

⁷ Старобинский Ж., Указ. соч. С. 374-377, 379.

мир создавался заново, рождались новое государство и право, закон появлялся как бы из ничего, уже обладая внутренним содержанием и формой.

Поскольку исторические процессы рассматривались современниками Революции как вполне естественные, то и любое циклическое движение стало казаться им необходимым. В это предреволюционное и неясное время люди возомнили себя социальными архитекторами. Пришла уверенность в том, что новый порядок может быть построен на идеях, опирающихся только на теоретические выкладки, и уже не сама мысль, но практика и исполнение только и могут называться новыми.

Уже с XVII в. у реформаторов обновление мира ассоциировалось с «мировым пожаром». В первоначальном понятии «революция» сливались космический огонь и кровь человеческой доли. Понятие рождалось в метафоре, вся ее политическая эволюция, как одного из архетипических символов, определялась тем, что называют «метафорическим императивом»: революция сближалась с искрой и пламенем, бурей, ураганом и землетрясением, но более всего – с кругами времени и небесными движениями.

К трем традиционным архетипическим формам – воскресению, воплощению и воздаянию добавляется революция, с ее обещанием блистательной новизны. Золотой век проецируется в будущее. Еще в XVII в. революция редко называется революцией, она скорее означает «реставрацию», «возвращение на первоначальное место»⁸. (Питирим Сорокин показал, что все революции роковым образом описывают один и тот же порочный круг: разрушают в процессе своего развития те принципы, во имя которых они начинают свой путь. В разрушении самой революционной идеологии и заключается одна из центральных тем революции: революция, как таковая, не оказывает, казалось бы, ожидаемых

⁸ Ласки М., *Утопия и революция* // *Утопия и утопическое мышление*. М.: Прогресс, 1991. С. 191-192.

предпочтений новому перед старым. «На почве страстного увлечения последним словом последней утопии в ней с внезапной силой вздымаются и самые древние, и самые темные инстинкты. Она представляет собой внезапное оголение бытия, взрыв всех смыслов жизни, погром культуры»⁹: голое насилие тогда переходит пределы всякого нормирования, политического и правового). «Абстрактный идеализм скроен из жесткого материала. И именно тут, где иссякает терпение, возникает идея революции. Это та точка, где чувство совершенства соединяется с потерей умеренности». (М. Ласки).

Французское Просвещение второй половины XVIII в. сделало неуверенную попытку и проявило тенденцию отхода от прежнего, свойственного XVII в. механического и абстрактного к более динамическому и натуралистическому мышлению (Бюффон). Но этот поворот к природе и естественному имел, однако, неожиданные последствия: как заметил Ф. Мейнеке, Руссо в «Общественном договоре», ставившим своей целью свободу, только привел к деспотизму абстрактной «общей воли» – вдруг обнаружилось, что его мышление все еще оставалось в плену старого нормативного духа «естественного права»¹⁰.

Просвещение популистски определило «народный суверенитет» как первичную власть, которая конституирует власть вторичную или государственную: с этого момента и начинается процесс локализации гражданского общества, отделенного от государства. Здесь «действительной» власти противопоставлялась «возможная» власть и эта вторая представляла собой достаточно «бессильное существование общей воли» стремящейся к контролю за действительной властью. Но как заметил великий логик, «нельзя допускать, чтобы власть обособлялась сама, посредством собственного суждения, это было бы восстанием; ибо эта чистая

⁹ Степун Ф., Религиозный смысл революции // Жизнь и творчество, 2008. С. 489-490.

¹⁰ Мейнеке Ф., Возникновение историзма. М.: РОССПЭН, 2004. С. 145-146.

власть сама состоит из множества частных волей, которые не могут конструироваться в общую волю»¹¹.

Но принципы вторгались в реальность истории под влиянием воли и страсти. При этом разум вынужденно отклонялся от своего собственного первичного замысла, запутавшись в обстоятельствах, которые сами вскоре возводились в степень символа, в движение масс и эмблематические образы. Революционная воля и принципы стремились распространиться повсюду, чтобы собрать всех людей в единое политическое пространство, и чтобы сделать всех равными (и одинаковыми?), превратить личность в гражданина и индивида, наделенного равными для всех «правами человека». Законодатель, принявший тем самым на себя обязанности Бога, сам творил «нового человека», эту идеальную мечту всякой революции: принципы, как платоновские идеи, повисают вне времени и пространства, представляя собой идеальные типы для этого творческого процесса.

Однако в реальности умственный свет идей и принципов непредсказуемо соединялся с темной волей и стихией толпы: не сумев предвидеть захлестнувшего его насилия, революционная мысль пыталась управлять хотя бы его реакциями, «говоря на авторитарном языке воззваний и декретов». «Геометрические схемы, абстрактные построения и принципы, излагаемые спекулятивным разумом, не имели свободы действий, а произвол насилия... принимал исключительно элементарную форму разрушения». Революционный акт преобразовывал и сами принципы в жесткие и безжалостные факты истории, и язык принципов смешивался с мраком, страстью, страхом и яростью. Законный порядок, когда-то сформулированный самым ясным образом, оставался тщетным, если не овладевал умами, и не обретал законной силы. «Чтобы подчинить себе «темные силы», слово закона должно было достичь предельной действенности и содержать в себе

¹¹ Гегель Г.В.Ф., Политические произведения. М.: Наука, 1978. С. 222.

мощную энергию. Но цель такого слова – не столько прояснить событие, сколько попытка сотворить его в демиургическом акте»¹². Тогда принципы из формул вербального увещания превращаются в магические заклинания и господство слова уступает место господству факта и действия.

Вырвавшаяся на свободу, воля должна была расчистить место именно для неограниченных возможностей действия. Опираясь на «темные силы», революция свергла «царство тьмы» и теперь же ей следовало назвать иное свое божество, которое займет в пантеоне центральное место. Настало самое благодатное время для официального провозглашения и установления универсальных принципов: «Принцип – это первичное слово, основополагающее высказывание, стремящееся вобрать и удержать в себе лучезарную власть первоначала. То самое ничто, к которому ведет разнузданное сладострастие, должно было пробудить к жизни стойкую добродетель»¹³.

Язык принципов сложился задолго до 1789 г. Большинство их возводилось на фундаменте математической и литературной абстракции, писалось на «чистой доске», что и позволяло с их помощью свободно перестраивать все вокруг коренным образом и на простейших основаниях закона социального бытия. Здесь власть искала для себя устойчивой и выверенной опытом парадигмы действия: принуждение, централизация, регламент – все эти принципы не нужно было изобретать заново. Слова о «равенстве» и «свободе» были призваны только подогреть энтузиазм массы, инстинктивно готовой подчиниться привычным принципам: «темная» масса должна была «просвещаться» при их посредстве, чтобы двигаться к «светлому» будущему. Общее движение и общий порыв давали веру в присутствие и действенность «об-

¹² Старобинский Ж., Указ. соч. С. 382-383.

¹³ Там же. С. 378-379.

щей воли», в которой чаяния каждого найдут свое выражение: чтобы победить «тьму» нужны конечно же объединенные усилия.

Но как только воля, определяющая действительный ход революции, переставала восприниматься как эманация «общей воли», она превращалась в темную «раскольничью» волю, уже не способную объединять, и «свет революции», зародившийся в момент первоначального отступления «тьмы», вновь сталкивался с возвращающейся «контрреволюционной тенью», и революционному разуму не оставалось ничего другого, как прибегать к насилию, чтобы «свет» вновь восторжествовал над «тьмой». В ситуации террора такая борьба продолжается непрерывно. И тогда многообещающий разумный язык принципов, в реальности столкнувшись с противодействием темной материи жизни, внезапно искажается: яркие аллегории теряют свою силу, а за страстными убеждениями просматриваются вполне корыстные личные интересы и устремления. После террора остается только одна воля, уже без принципов: мифология «света» и добродетели теперь неактуальна. Термидорианцы, пережив террор с его абстрактными, но кровожадными принципами, стали прагматиками. Лозунг «правосудие в порядок дня» означал рождение нового взгляда на закон и легальное насилие (остался вопрос: что делать с юридической и институциональной структурами, унаследованными от террора?). «Когда революция, вышедшая за пределы своих границ, останавливается, ее прежде всего возвращают в эти границы». Но заканчивается умеренность и начинается реакция, которую вершат закон и разум. Реакция приходит на смену произволу¹⁴.

«Революционный разум лишь с опозданием произвел на свет Гражданский кодекс и предельно централизованную систему управления». Творением той же воли стала недолговечная Империя, своему революционному прошлому она была обязана прежде всего тем, что оставалась волей, стремящейся к утверж-

¹⁴ См.: Бачко Б., Как выйти из террора? М.: Baltrus, 2006. С. 109.

дению права, но и здесь следствием было не столько право, сколько гипертрофированное самоутверждение воли. На смену ей в XIX в. придет воля, стремящаяся к утверждению воли, воля к власти – темная сила, принципиально отказавшаяся действовать заодно со светом разума¹⁵.

3. Власть абстракции: принципы и силы

Революция стала «триумфом и катастрофой Просвещения» (Б. Кроче): Просвещение, революция и террор долго воспринимались как единое целое и контрреволюционные критики, начиная с Баррюэля, видели в этих событиях результаты некоего тайного заговора просветителей и масонов, а целью деятельности этой «секты» (Ф. Шатобриан) – исключительно разрушение. «Воображаемое общество», которое возникло параллельно и в противовес реальному обществу, обстоятельно формулировало свои абстрактные принципы, в соответствии с которыми следовало управлять. Тяга к обобщениям, стройным законодательным схемам и абсолютной юридической симметрии законов, вера в теорию и презрение к фактам, стремление к радикальному преобразованию государственного устройства – все это пришло в политику из подполья «литературной республики», где действовали далекие от действительности и часто политически безответственные интеллектуалы. По замечанию А. Токвиля, монархия, отдавая бразды правления чиновничеству, сама способствовала тому, что гражданское общество подпало под влияние этой «корпорации деятелей пера»: идейное движение со своими умозрительными принципами вторглось во внешние политические события.

А. Токвиль охарактеризовал предреволюционную деятельность «литературной республики», как вытеснение «политической жизни в литературу»: заведенный политический порядок

¹⁵ Старобинский Ж., Указ. соч. С. 384-385.

и опыт, деловая практика, составлявшая содержание кабинетных «арканов», уступали место общим отвлеченным, для многих привлекательным, теориям государственного устройства. Виной этому была существовавшая централизованная административная власть, разрушившая всякую общественную политическую жизнь, сословную по своей сути, и тем самым сделавшая властителями умов именно независимых философов.

Это движение длительное время зрело в подполье абсолютистского режима, который в силу особенностей своего политического мышления и имеющихся институциональных структур, был не способен воспринимать фактор «общественного мнения» как действенный и легальный. «Литературная республика» просвещенцев, напротив, видела в этом факторе мощную идеологическую и организующую силу: власть мнения и идей казалась более мощной, чем власть организации и бюрократии. Политика приобретала совершенно новый образ и содержание.

Над сложной политической и государственной действительностью длительное время надстраивалось другое общество, вымышленное и ментально тяготеющее к обобщениям и умозрительным построениям, довольствовавшееся в своих построениях всего лишь несколькими простыми и ясными правилами, рожденными «чистым разумом» и «естественным законом»: «Постоянно слышались их рассуждения... о первоначальных правах граждан и публичной власти, ...об ошибочности или законности правовых обычаев и об основаниях, на которых зиждутся законы...». Такого рода отвлеченная и «книжная» политика была широко распространена в предреволюционном обществе¹⁶. (Характерное для масонства тяготение к власти подталкивало его к самоидентификации с государственными институтами: ложа «Великого Востока» приняла форму республиканских Генеральных штатов, ставшей трибуналом для «всей масонской нации». Попытки со-

¹⁶ См.: Токвиль А., Старый порядок и революция. М., 1896. С. 157-161.

здать «совершенную духовную нацию» были свойственны французским ложам уже в середине XVIII в. В 1774 г. парижская «Ложа Великого Востока» учредила Национальное собрание, в котором должны были быть представлены все сословия. В своей практике ложи эпохи Просвещения практиковали выборность, подчинение меньшинства большинству, отчеты руководителей и юридическую разработку своих конституций. Эти практики и ритуалы достаточно быстро проникли в структуры и деятельность ставших оппозиционными режиму представительные органы государства¹⁷).

Огюстен Кошен заметил, что в революционной программе «место реального народа занял такой «народ», который был чужд его инстинктам», зато присвоил и осуществлял все права, которые новый режим отнял у массы народных избирателей. У этой системы было свое имя: «в XVIII в. масоны называли ее системой внутренних кружков». Она базировалась на законе социальной практики, согласно которому любому официальному голосованию предшествует подготовительное, официозное обсуждение. Любая постоянная общественная группа, «народ» – это только непосвященные, в отличие от группы посвященных, более узкой, сплоченной и все видящей. На этой науке, или «королевском искусстве» франкмасонов, базировалась и новая власть, воздействующая на электорат бессознательным и механическим образом. Настоящими кукловодами и манипуляторами становились агенты кружков.

Практика таких обществ более заметно, чем идеи Руссо, влияла на становление демократической идеи закона, точнее, его чисто формальной концепции: в этом выражалась общественная воля, т.е. то, за что проголосовали, «социальное принуждение как та-

¹⁷ См.: Джейкоб М., Масонство // Мир Просвещения. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 276-283.

ковое, без обсуждения и без содержания – догма без веры»¹⁸. (Ж. де Местр полагал, что франкмасонство не имеет ничего общего с террором и его основная идея скорее совпадает с идеей демократической, хотя значительная часть масонов проявила свои республиканские настроения, иногда склоняясь к крайне левым установкам и строгой конспиративной дисциплине (как иллюминаты Баварии). Основной идеей организации оставалась: «свобода расцветает только в солидарности»¹⁹). Поиски политики, основанной на таких абстрактных принципах, обычно обусловлены неприязнью к сложностям самой политики, понимаемой как непрерывная деятельность. Такие поиски, как правило, обусловлены поспешностью, невежеством, неуважением к реальности и интеллектуальной ленью (Э. Берк).

Парадоксальным образом в новом революционном государстве порядок сосуществовал (и гарантировался) рядом с анархической стихией. Странные и невозможные, с точки зрения здравого смысла, законы издавал режим, сам же обеспечивающий их исполнение: это была чрезвычайная власть (в чистом виде выступившая как раз в эпоху террора, который сам по себе не являлся ни системой, ни формой государственности), и воздействовавшая на реальную жизнь через посредство бездушной бюрократической машины, составившей центр новой государственности. В ее деятельности единственным признанным аргументом становится не морализирующая «справедливость» или формальная «законность», но совершившийся факт, который при этом ещё и ссылается на «общественное мнение», уже не заботясь ни о доктрине, ни об интересах и обращаясь только к пассивным силам массы, начиная от стадного чувства и кончая страхом.

Расчлененная масса подвластных оказывается беззащитной перед фактом и тогда ее можно беспрепятственно и равномерно

¹⁸ См.: Кошен О., *Малый народ и революция*. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 247-248.

¹⁹ Натаф А., *Указ. соч.* С. 178.

подсчитывать и распределять – ведь все индивиды однородны, и «политическая арифметика надзора имеет дело с величинами одного порядка»: «Сдерживание страсти страхом при социальной демократии называется добродетелью. Нельзя сказать, что это зло, т.к. преступления не было. Но это нечто худшее»²⁰. И это – предел политического. (У Аристотеля подобный «предел» – это точка, где самодисциплинирование политического становится похожим на деспотизм, на господство «покровительственной власти», которая может господствовать, оставляя общество в состоянии равенства, удовлетворения частных интересов и саморегуляции страстей. Но там, где политика должна была идти вровень с веком и упразднить догмы и табу, на авансцену вышло вовсе не то, чего ожидали, не устранение «предрасудков», а возврат архаического, того, что предшествует всякому суждению, иррациональное²¹).

Революция искренне опиралась на представления о неких идеальных и вневременных истинах и идеальном гармоническом обществе, в основе которого лежат неизменные принципы «свободы, равенства, братства». Результатом же, однако, стала явная неудовлетворительность таких простых форм и ненадежность действительных, созданных революцией социальных институтов. Усложненность реального общества (и составляющих его людей) решающая роль случая, очевидная «слабость разума перед лицом могущественных идей и учений, в которые просто веруют», непредсказуемость событий и неумышленных последствий – все это формировало совершенно иную картину мира и политики, чем та, которую предлагала революция. Зато революция заставила людей признать конкретную эффективность решительных заговоров, проводимых дисциплинированными и организованными партиями, а также использовать иррациональность масс,

²⁰ См.: Кошен О., Указ. соч. С. 258-261.

²¹ Рансьер Ж., На краю политического. М.: Праксис, 2006. С. 47.

указала на слабость либеральных институтов и свежую силу националистических страстей²².

Не идей, но действий требовала революция. (Юлиуса Эвола называли «исследователем пещер духа». Он (как и Рене Генон) подметил, что одним из средств, используемых тайными силами в революции для собственной защиты, является искусное направление внимания своих противников на тех, кто лишь частично связан с подлинной причиной определенных потрясений. Заговорщические группы являются не столько самостоятельными игроками, сколько «орудиями иных сил, и не обязательно человеческих». «Традиционалисты должны хранить идеи и принципы, а не институты» – указывает на «настоящую политическую реальность» Эвола в своем «Восстании против современного мира». Принципы и идеи являются вечными и не обусловлены социальным контрактом.)

Абстракции же не могли породить ничего конкретного, что бы питалось от жизни и реальности. И сама жизнь интерпретировала абстрактные революционные лозунги: абсолютная свобода требовала естественного равенства, которое в действительности невозможно, поэтому абсолютная свобода была вынуждена уничтожать эту самую действительность, а заодно и лиц, подозрительных для нее, вследствие неравенства их образа мыслей. «Уравнивать людей – это значит отрезать головы (Гегель), чем достаточно активно и занималась Французская революция: «Поэтому единственное произведение и акт всеобщей свободы есть смерть», ставшая, как и террор в целом, следствием Просвещения: «люди, испытавшие страх перед смертью, своим абсолютным господином, опять получают склонность к отрицанию и различию», возвращаются к своей субстанциональной действительности. Абсолютная свобода и всеобщая воля уже больше не совпадают

²² Берлин И., Гердер и Просвещение // Подлинная цена познания. М.: Канон, 2002. С. 510.

с единичной самостью и ее непосредственной действительностью, поэтому ее следует считать уничтоженной²³.

Абсолютная свобода в принципе сводится к уравниванию и уничтожению всех различий, и к преобразованию действительности, т.е. именно к революции. Поэтому «революционное государство и живет постоянными переворотами: «одну секту движение выносит наверх, а другая подпадает под колеса», такое государство в перспективе неизбежно распадается на противоположности. Победитель видит в побежденных только заслуживающих уничтожения врагов (как подчеркивает К. Шмитт – все политическое вообще и состоит только из деления на «друзей» и «врагов»). В этой воле к уничтожению и состоит «фурия исчезновения» (Гегель): победившая секта есть действительная «общая воля», которая управляет, а против нее стоит недействительная «общая воля», которая выражается уже не в поступках и делах, а лишь в настроениях и целях, во враждебном государству образе мыслей.

Это – оппозиция, которая действительна только если она существует. Она лишь потенциал силы и права, поэтому учреждающая власть неизбежно прибегает к насилию против этой оппозиции, чтобы сохранить свои приоритеты и собственную потенциальность: оказывается, что революционный террор так же необходим, как и борьба против него. На кон истории же поставлена власть, которая не признает пассивного состояния своих субъектов. Здесь мнения и идеи остаются у оппозиции, у властвующих в распоряжении – власть. Нормы (даже нормы «естественного» и «справедливого») всегда создавались победителем, само мышление революционеров нормативно в том смысле, что все создается впервые и в соответствии с новорожденными представлениями революции: революционное государство выражает мнение всей «нации» (термин, рожденный самой революцией) и указывает ей единственно правильный путь. (При этом, быстро выясняется,

²³ Там же. С. 511.

что народ не может самостоятельно ни руководить, ни управлять в конкретных, частных делах. Поэтому следует что-то оставить от «старого режима», хотя бы некоторый материальный костяк, если не дух конституционного режима – депутатов, чиновников, чтобы запустить в ход административную машину).

Чем более «абсолютным» был предшествующий революции режим, тем более абсолютными являются ее требования. Абстрактное всегда абсолютно, поскольку не нуждается в каузе и контексте. Возникая из ниоткуда, революция претендует на все, она тотальна (во временной перспективе – перманентна), по своей сути. Абстрактные амбиции революции могут ассоциироваться только с понятием господства.

Сущностью Просвещения стала альтернатива, совпадающая с неизбежностью господства. Те, кто обладал властью не верили в объективную необходимость, «даже если ими время от времени так именуется то, что ими же и измышляется». Они только разыгрывали из себя инженеров всеобщей истории. Заговор (игра в заговор) власть имущих был близок самому духу Просвещения: ведь «он враждебен авторитету власти только в том случае, если она не имеет сил принудить к послушанию себе, если она есть насилие, не являющееся фактом». Содержательные цели тогда разоблачаются разумом, будучи представленными в качестве «власти природы над духом» и наносящими ущерб его собственному законодательству. Сам же формальный разум служит любому естественному импульсу. Для властвующих люди становятся только материалом, как для общества – материалом становится природа в целом: стихией разума является только координация, по отношению же к самим целям он нейтрален²⁴.

Однако и «естественный» индивидуум Просвещения, не обманывался насчет истинности идеи представительства, осуществляемого в процедуре законодательства и в ходе общей деятельности,

²⁴ Хоркхаймер М., Адорно Т., Диалектика Просвещения. М.: Медиум, 1997. С. 111.

он не воспринимал это как некое действительное право давать «самому себе закон и самому производить нечто общее». Для него, это означало только единичный акт: там же, где самость представлена другим лицом, как таковая она уже не существует; в действительности же там, где она замещена, ее уже нет.

Абсолютная (абстрактная) свобода принадлежит только «естественному» человеку, как полагает Просвещение, а следовательно всеобщая свобода не может произвести никакого положительного результата или акта, и ей остается только отрицательная деятельность, она есть лишь «фурия исчезновения»²⁵. В такой свободе исчезают все отдельные сущности и границы между ними: целью становится только «общий язык», и языком становится «общий закон», и делом – только «общее дело»: единичное сознание неожиданно осознает себя как «общую волю», оно осознает, что его предмет – данный им же закон. Превращаясь в деятельность, такое сознание порождает уже не единичные факты, а лишь создает свои законы и государственные акты (Гегель).

---

²⁵ См.: Гегель В.Ф., Феноменология духа. М.: Наука, 2000. С. 309-310; Фишер К., Гегель. М.: Соцэкгиз, 1940. С. 304.

Томаш Стемпневски

Изменит ли Владимир Зеленский Украину?

Abstract: The present chapter examines the internal and external determinants of Ukraine's foreign affairs under the presidency of Volodymyr Zelensky. The chapter attempts to offer answers to the following research questions: Can an argument be made that the lack of radical reforms and errors in Ukrainian domestic politics under Petro Poroshenko resulted in his defeat? Will the enormous public trust given to Volodymyr Zelensky and the Servant of the People party force the introduction of systemic reforms in Ukraine? Will V. Zelensky become a mere element of Ukraine's oligarchic political system?

Keywords: Ukraine, Russia, Ukraine's foreign policy, Volodymyr Zelensky

Введение

Во второй половине 2019 г. Украина оказалась в центре американской политики. Это связано с давлением, оказываемым на президента Украины Владимира Зеленского президентом США Дональдом Трампом и его окружением. Речь идет прежде всего о содержании телефонного разговора между Д. Трампом и В. Зеленским в июле 2019 г. Во время этого разговора Д. Трамп попросил Украину начать расследование по делу бывшего вице-президента США Джозефа Р. Байдена-младшего, а также его младшего сына

Хантера Байдена¹. Именно эта просьба стала основанием для подготовки к началу процедуры импичмента Д. Трампа. Таким образом, Украина и ее президент оказались в центре политической игры в США. Можно предположить, что этот факт окажет негативное влияние на внешнюю политику Украины, в частности на мирные переговоры и урегулирование ситуации на Донбассе.

Более того, за последние несколько лет в Украине произошло два события: Оранжевая революция² и Евромайдан³. Оба события оказали огромное влияние на форму внутренней и внешней политики Украины⁴. В данной статье предпринята попытка осмыслить следующие вопросы: в какой степени ошибки, допущенные пре-

¹ Подробнее см.: Szabaciuk A., Ukraińskie implikacje rozmowy telefonicznej Donalda Trumpa i Wołodymyra Zełenskiego // *Komentarze IEŚ*. № 81 (81/2019). <https://ies.lublin.pl/komentarze>.

² Подробнее на тему оранжевой революции: Wilson A., *Ukraine's Orange Revolution*. New Haven: Yale University Press, 2005; *Revolution in Orange: The Origins of Ukraine's Democratic Breakthrough* / Aslund A., McFaul M. (eds.). Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2006; Fournier A., *Patriotism, Order and Articulations of the Nation in Kyiv High Schools Before and After the Orange Revolution* // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 2007. Vol. 23. № 1. P. 101-117; Kuzio T., *Civil Society, Youth and Societal Mobilization in Democratic Revolutions* / Kuzio T. (ed.) // *Aspects of the Orange Revolution VI: Post-Communist Democratic Revolutions in Comparative Perspective*. Stuttgart: Ibidem, 2007. P. 123-152; McFaul M., *Ukraine Imports Democracy: External Influences on the Orange Revolution* // *International Security*, 2007. Vol. 32. № 2. P. 45-83; Umland A., *Domestic and Foreign Factors in the 2004 Ukrainian Presidential Elections* / Bredies I., Umland A., Yakushik V. (eds.) // *Aspects of the Orange Revolution IV: Foreign Assistance and Civic Action in the 2004 Ukrainian Presidential Elections*. Stuttgart: Ibidem, 2007. P. 11-17; Yekelchuk S., *Ukraine: Birth of a Modern Nation*. Oxford: Oxford University Press, 2007; Shekhovtsov A., *The "Orange Revolution" and the "Sacred" Birth of a Civic-Republican Ukrainian Nation* // *Nationalities Papers*, 2013. Vol. 41. № 5. P. 730-743.

³ См.: Olszański T.A., *Pokłosie Majdanu. Ukraińskie społeczeństwo dwa lata po rewolucji* // *Komentarze OSW*, 4.03.2016. № 199. https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/komentarze_199_o.pdf. (дата обращения: 20.07.2018).

⁴ См. также: Szostek J., *Revolution in progress? Continuity and Change in Ukrainian Politics* // *East European Politics & Societies and Cultures*, 2017. (Virtual Special Issue on Ukraine). <http://journals.sagepub.com/page/eep/ukraine-special-issue/virtual-collection> (дата обращения: 20.07.2018); Reznik O., *From the Orange Revolution to the Revolution of Dignity: Dynamics of the Protest Actions in Ukraine* // *East European Politics and Societies*, 2016. Vol. 30. № 4. P. 750-765; Brudny Y., Finkel E., *Why Ukraine is Not Russia: Hegemonic National Identity and Democracy in Russia and Ukraine* // *East European Politics and Societies*, 2011. Vol. 25. № 4. P. 813-833; Ukraina po (Euro)majdanie. Od autorytaryzmu do protodemokracji / Stelmach A., Hurska-Kowalczyk L. (red.). Toruń: Adam Marszałek, 2016; Eberhardt A., *Rewolucja, której nie było. Bilans pięciolecia „pomarańczowej” Ukrainy* // *Punkt Widzenia*. OSW, 11.2009; Arel D., *Orange Ukraine Chooses the West, but without the East* / Bredies I., Umland A., Yakushik V. (eds.) // *Aspects of the Orange Revolution III: The Context and Dynamics of the 2004 Ukrainian Presidential Elections*. Stuttgart: Ibidem, 2007. P. 35-53.

дыдущими президентами Украины, повлияли на то, что государство не смогло встать на путь системных реформ (включая борьбу с коррупцией, создание основ для стабильного правового государства с рыночной экономикой)? Можем ли мы утверждать, что отсутствие радикальных реформ и ошибки во внутренней политике Украины во время президентства Петра Порошенко привели к его провалу на выборах президента? Повлечет ли огромный кредит доверия, который дал народ президенту В. Зеленскому и его партии «Слуга народа», системные реформы на Украине? Будет ли В. Зеленский лишь элементом олигархической политической системы на Украине? Можем ли мы утверждать, что отсутствие радикальных реформ и ошибки во внешней политике Украины во время последнего президентства Л. Кучмы не только способствовали началу Оранжевой революции, но и, в последствии, привели к власти Виктора Януковича и де-факто к Евромайдану? Можно, однако, заметить, что изменения, которые произошли в последние годы, были результатом проблем и ошибок, которые произошли в первом десятилетии XXI в.

1. Смена власти в Украине: Владимир Зеленский на посту президента

21 апреля 2019 г. В. Зеленский победил во втором туре президентских выборов на Украине. Стоит отметить, что предвыборную кампанию умело срежиссировал его штаб, основываясь на успехах юмористического шоу «Квартал 95» и телесериала «Слуга народа» (2015-2017)⁵. Важно отметить, что В. Зеленский победил тогдашнего президента П. Порошенко и таким образом стал надеждой на изменения в украинской политике. Может ли новый президент

⁵ См. также: Bazhenova H., Chleba i igrzysk: wyniki pierwszej tury wyborów prezydenckich na Ukrainie // Komentarze Instytutu Europy Środkowej. № 5 (5/2019). <https://ies.lublin.pl/komentarze>.

реально изменить как внутреннюю ситуацию, так и конфигурацию внешней политики Украины? Или он только вселил надежды в украинское общество, а на самом деле ему будет крайне сложно претворить в жизнь лозунги, провозглашенные во время президентской кампании? Это не меняет того факта, что долгое время как польские, так и западноевропейские эксперты размышляют о направлении внешней политики Украины⁶. Развивается ли она в европейском или пророссийском направлении? Выбор В. Зеленского – это своего рода «прыжок в неизвестность». Неизвестно, как будет в конечном итоге выглядеть внутренняя и внешняя политика Украины во время его президентства. Кроме того, до появления Евромайдана – на рубеже 2013/2014 гг. неоднозначная позиция центра принятия решений в Киеве была обусловлена амбивалентностью украинского общества. В свою очередь вспышка вооруженного конфликта на Донбассе и присоединение Крыма к Российской Федерации привели к тому, что украинское общество стало иначе чем раньше относиться к политике России в отношении Украины. Военный конфликт на Донбассе, который продолжается уже несколько лет, и сложная экономическая ситуация в стране привели к тому, что украинцы сейчас видят другие аспекты этого спора с Россией, а в стране ощущается усталость сложившейся ситуацией. Несмотря на то, что Украина несколько лет существует в новых реалиях, способ мышления, как и ведения политики в этой стране не сильно изменились. Украина уже пережила три революции (революция на граните, оранжевая революция и так называемая революция достоинства)⁷, но ее будущее

⁶ См. также: *Fiszer J.M., Stepniewski T., Polska i Ukraina w procesie transformacji, integracji i wyzwania dla bezpieczeństwa Europy Środkowo-Wschodniej*. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 2017; *Stelmach A., Hurska-Kowalczyk L. (red.), Op. cit.* Toruń, 2016; *Świder K., Rosyjska świadomość geopolityczna a Ukraina i Białoruś (po rozpadzie Związku Radzieckiego)*. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 2015; *Onuch O., Hale H.E., Capturing Identity: The Case of Ukraine* // *Post-Soviet Affairs*, 2018. Vol. 34. № 2-3. P. 84-106; *Stepniewski T., Ukraina: niepewna przyszłość w cieniu przeszłości* // *Wschodni Rocznik Humanistyczny*, 2017. T. 14. № 4. P. 83-94.

⁷ Следует упомянуть о важном проекте 3R. Three Ukrainian Revolutions, который координирует College of Europe w Natolinie (Warszawa) – о трех революциях в Украине, в которых

все еще остается туманным. Однако участие западных государств (особенно Европейского Союза), кульминацией которого стала Оранжевая революция (и частично Евромайдан), инициировало процессы, направленные на пробуждение гражданского общества в Украине, которые также будут влиять на политическую ситуацию в государстве.

2. Внешние детерминанты внешней политики Украины

Прежде всего, следует отметить, что международная обстановка в Украине (в более широком смысле в Восточной Европе) претерпела серьезные изменения в последние годы. В результате смещения границ Европейского Союза на восток и его расширения путем присоединения стран Центральной и Юго-Восточной Европы в 2004 и 2007 гг. изменилась геополитическая ситуация в этой части континента⁸. Расширение ЕС также оказало значительное влияние на внешнюю политику Евросоюза, особенно в отношении его восточных соседей. Внешняя граница ЕС с Россией также приобрела новую конфигурацию в результате чего, такие страны, как Беларусь, Молдова и Украина оказались между расширившимся ЕС и все более напористой Россией. Довольно часто в литературе по этому вопросу говорится о соперничестве между ЕС и Россией за «общее соседство»⁹. Насколько в 2004 г. немногие исследователи соглашались с вышеупомянутым тезисом о конкуренции за Восточную Европу, настолько после 2014 г., то есть после от-

---

участвовал автор статьи в 2017 и 2018 г. Подробнее: <https://www.coleurope.eu/page-ref/3r-project> (дата обращения: 20.10.2018).

⁸ См. также: Moisis S., Redrawing the Map of Europe. Spatial Formation of the EU's Eastern Dimension // *Geography Compass*, 2007. Vol. 1. № 1. P. 82-102.

⁹ Milczarek D., Świat na rozdrożu – ewolucja międzynarodowego otoczenia Unii Europejskiej (część 2) // *Studia Europejskie*, 2010. № 1(53). P. 9-31; Szabaciuk A., Eurazjatycki projekt integracyjny Władimira Putina: szanse i zagrożenia // *Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej*, 2014. R. XII. Z. 5: Rosja Putina – Ukraina – Europa: geopolityka, bezpieczeństwo, gospodarka. P. 75-98.

деления Крыма и поддержки Россией непризнанных республик (ЛНР и ДНР) на юго-востоке Украины, все больше исследователей начали принимать и понимать указанный тезис. Адам Д. Ротфельд справедливо заметил, что «проблемы, которые привели к этой войне, были не результатом напряженности между Россией и Украиной, а ситуацией внутри России и внутри Украины [...] Украина воспринимается нынешними властями в России как внутренняя проблема. Российские политические элиты опасаются, что если в Украине процесс реализации политических устремлений украинского народа будет успешным – это будет вызовом для текущего способа осуществления власти в России. Крупнейшее массовое движение, которое было создано в России после побега президента Януковича – это «Антимайдан». Майдан в Киеве был признан россиянами [здесь имеется в виду – *российские политические элиты* – прим. Авт.] угрозой власти в Москве. Боевые действия на юге Украины должны предотвратить создание Евромайдана в России»¹⁰. Кроме того, конфликт России с Украиной не ограничивается геополитической конкуренцией за пространство, доминированием над территорией юго-востока Украины, суть этой борьбы связана с будущим Украины и России, с тем на какие ценности эти страны будут ориентироваться во внутренней и внешней политике и какие политические системы будут преобладать в них в будущем: демократия или авторитаризм¹¹. Другими словами, украинский кризис ставит под сомнение как восточную политику Европейского Союза в его нынешнем виде (подробнее об этом ниже), так и политику России на постсоветском пространстве. Украина стала областью соперничества между двумя интеграционными проектами: европейским (ЕС) и евразийским (Россия и Евразийский союз, который она строит). Рассматривая

¹⁰ Rozmowa Marcina Zaborowskiego z prof. dr. hab. Adamem Danielem Rotfeldem. Rosja a nowy porządek międzynarodowy // Sprawy Międzynarodowe, 2015. R. LXVIII. № 1. P. 23.

¹¹ Ibidem. P. 27.

эту ситуацию в более широкой перспективе, мы можем сказать, что во всей Восточной Европе мы наблюдаем такое же соперничество, что и в случае с Украиной. С одной стороны, мы имеем дело с деятельностью Европейского Союза в форме таких проектов, как Европейская политика соседства (ЕПС), и опирающееся на нее Восточное партнерство, которые, к сожалению, не меняют качество отношений между ЕС и восточными партнерами¹². Неэффективность ЕПС и кризисы с южным и восточным соседством ЕС вынудили Европейскую комиссию и Европейскую службу внешних связей (ЕСВС) 18 ноября 2015 г. объявить результаты обзора ЕПС. В нем упоминается необходимость подчеркнуть три важных вопроса политики соседства: безопасность, экономическое развитие и миграция. С другой стороны, Российская Федерация предпринимает шаги, чтобы удержать эти страны в сфере своего влияния, а это означает, что им все труднее и труднее освободиться от него. С этой целью Россия поддерживает состояние временности, неопределенности и напряженности в виде «замороженных конфликтов» в постсоветских странах (Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье)¹³. Кроме того, все, кажется, указывает на то, что следующим замороженным конфликтом на постсоветском пространстве станет Донбасс.

События, которые произошли в последние годы в Европейском союзе, а также в его международной среде, оказывают влияние на форму политики ЕС в отношении его соседей. Необходимо упомянуть кризис в еврозоне, проблему с возможностью выхода Великобритании из ЕС (брексит), а также войну в Сирии, огромное количество мигрантов в Средиземноморском регионе, Исламское государство, «неоимперская» политика России (отделение

¹² О вызовах, стоящих перед Восточным партнерством см.: Stępniewski T., The EU's Eastern Partnership and the Way Forward After Riga // *International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs*, 2015. Vol. XXIV. № 1-2. P. 17-27.

¹³ Rotfeld A.D., Porządek międzynarodowy. Parametry zmiany // *Sprawy Międzynarodowe*, 2014. № 4. P. 37.

Крыма и поддержка противников власти в южной и восточной частях Украины) и т. д. В дополнение к упомянутым выше угрозам, в самом Европейском Союзе есть и другие кризисы, которые частично связаны с проблемами адаптации политических систем европейских стран к изменяющейся реальности, на которую нередко влияют внешние потрясения. По словам Яна Зелонки, мы имеем дело не только с кризисом демократии, но и с кризисом капитализма, кризисом европейской интеграции (кризисом лидерства и видения), кризисом беженцев, а также моральным кризисом (о чем также упоминает в своих выступлениях папа римский Франциск)¹⁴. Важно отметить, что кризис в зоне евро и украинский кризис изменили баланс сил внутри Европейского Союза, а Германия стала его невольным лидером¹⁵. В результате кризиса в еврозоне и вышеупомянутых событий внешняя политика Германии и ее роль в ЕС изменились. Суть этой трансформации была представлена Ульрихом Спеком, который заявил, что «украинский кризис показал, что лидерство Германии не ограничивается только внутренней политикой ЕС, где Германия всегда была важным игроком. Берлин сейчас говорит и все активнее действует от имени ЕС во внешних делах, по крайней мере, когда речь идет об отношениях ЕС с его восточными соседями»¹⁶. По его мнению, эта ситуация также связана с расширением ЕС до стран Центральной и Восточной Европы, так как это повлияло на рост силы Германии, а также тем фактом, что «Новая Европа» в основном воспринимает Германию как регионального лидера¹⁷.

¹⁴ Żakowski J., Ogniska choroby. Politolog Jan Zielonka o globalnym kryzysie demokracji // Polityka, 1.01-12.01.2016. № 1/2 (3041). P. 24.

¹⁵ Buras P., Dylematy państwa status quo. Nowa kwestia niemiecka w Europie // Sprawy Międzynarodowe, 2014. R. LXVII. № 4. P. 131.

¹⁶ Speck U., Power and Purpose. German Foreign Policy at a Crossroads. Carnegie Europe, 3.11.2014. <http://carnegieeurope.eu/2014/11/03/power-and-purpose-german-foreign-policy-at-crossroads> (дата обращения: 10.10.2015).

¹⁷ Ibidem.

3. Внутренние детерминанты внешней политики Украины¹⁸

Политическая ситуация в Украине, возникшая в результате событий осени 2004 г., именуемых «оранжевой революцией», способствовала изменению направления движения Украины: от переходного постсоветского варианта ее развития к стремлению к последовательной реализации классической модели национального государства. Украина подтвердила, что это европейская страна не только географически, но и с точки зрения европейских ценностей. Еще одним подтверждением этого факта стала следующая революция – Евромайдан, которая де-факто стала ответом на отказ тогдашнего президента Украины В. Януковича подписать соглашение об ассоциации с Европейским союзом, которое в глазах украинского общества являлся шагом к более тесному сотрудничеству с ЕС и получению перспективы членства. Оранжевая революция (в частности, отношение украинского общества) вызвала симпатию почти на всем континенте и являлась объектом особого внимания многих СМИ. В то время новоизбранный президент Виктор Ющенко совместно с украинским кабинетом министров и парламентом, осуществляя конкретные проекты, начал двигаться в, ранее только декларируемом, направлении внешней политики, ориентированном на интеграцию с европейскими и евроатлантическими институтами¹⁹. Очередной приход к власти В. Януковича привел к тому, что европейский вектор отошел на второй план, а политическая система эволюциониро-

¹⁸ Этот раздел основан на результатах исследований, которые появились в: *Fischer J.M., Stępniewski T., Świder K., Polska – Ukraina – Białoruś – Rosja. Obraz politycznej dynamiki regionu. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 2019. P. 115-130.*

¹⁹ Во время президентства Л. Кучмы Украина часто объявляла о своих планах интеграции с ЕС и НАТО. Однако для многих исследователей внешней политики этой страны было очевидно, что «европейские намерения» Л. Кучмы были просто тактической игрой, позволяющей реализовать «многовекторную» политику, то есть политику баланса между Россией и Западом. Это привело к появлению на Западе такого термина, как *Ukraine fatigue* – «усталость от Украины». Аналогичная ситуация произошла во времена предыдущего президента П. Порошенко, когда он постоянно убеждал западные страны в проводимых в Украине реформах, а реальность была иной.

вала в сторону авторитарной модели. Лишь на Евромайдане на рубеже 2013 и 2014 гг. политическая ситуация изменилась, и президент В. Янукович был отстранен от власти. Новый импульс и оптимизм, связанные с основательными политическими реформами, появились, когда П. Порошенко вступил в должность президента. С точки зрения грядущих лет можно сказать, что некоторые реформы были начаты и частично осуществлены, но перед властью Украины (в частности, президентом В. Зеленским) по-прежнему остается много вызовов. Реформы и преобразования, проводимые в государстве, часто являются лишь реакцией на ожидания Запада, поэтому они вводятся медленно, нерегулярно, непоследовательно, а иногда даже непрофессионально. Таким образом, положительный результат, который в конечном итоге достигается, обычно омрачен негативными явлениями и процессами, наследием предыдущего режима. Как раньше, так и сейчас внутренняя ситуация в стране оказывает гораздо большее влияние на формирование и реализацию внешней политики и политики безопасности, особенно на политические симпатии правящей партии, нежели на интересы государства или на предложения исследователей и аналитических институтов. Кроме того, внутренняя ситуация в Украине обуславливается продолжающимся вооруженным конфликтом на Донбассе. В результате развитие внешней политики и политики безопасности Украины, направленных на интеграцию с европейскими и евроатлантическими институтами, а также процесс внутренних преобразований за последние годы претерпели значительные изменения, однако многие проблемы остаются нерешенными. Конечно, в этой ситуации отчасти виноваты власти Украины, но нынешняя ситуация характеризуется прежде всего непониманием и неприятием как политическими элитами, так и частью общества необходимости проводить сложные и дорогостоящие (в том числе и социальные) внутренние реформы. Более того, трудно изменить образ мышления людей и добиться от них принятия новых демократи-

ческих ценностей Запада. Это особенно верно для людей среднего и старшего возраста, которые в своем подсознании хранят память о прошедшей эпохе, когда они находились под подавляющим влиянием тоталитарной идеологии. Кроме того, психология постреволюционной украинской элиты во многом оставалась постсоветской. Вот почему на протяжении многих лет украинские аналитики, а также многочисленные западные исследователи обозначали те постсоветские черты и особенности, которые все еще характерны для политической элиты государства и части общества в Украине²⁰.

Первая особенность – это олигархизация украинской политики или же «монетизация политики». В этом случае политика не воспринимается как пространство для реализации программ и проектов, связанных с судьбой народа, она не является также средством самовыражения, но способом заработать деньги и достичь конкретных бизнес-задач, с использованием шантажа для воплощения в жизнь намерений (в отношении противодействия нынешней власти). В такой ситуации политические интересы выражаются в деньгах и пересчитываются на них, а власти облегчают доступ к их преумножению.

Вторая постсоветская черта – «политический постмодернизм». Это абсолютное преимущество «политических технологий» перед реальной политикой. Среди политических элит «политический постмодернизм» является результатом отсутствия реальной идеологии. Каждый политик предполагает, что нужно стремиться максимизировать бизнес-планы, которые они устанавливают. Такой подход позволяет делать заявления, не принимая политической ответственности за сказанные слова, сознательно представляя невыполнимые обязательства и предложения, которые

²⁰ См.: Melnyk M., Integracja Ukrainy z Europą Zachodnią jako wybór cywilizacyjny – katalog problemów i pytań / Fijałkowski B., Żukowski A. (red.) // Unifikacja i różnicowanie się współczesnej Europy. Warszawa: Elipsa, 2002. P. 215-220.

идут вразрез с реальными намерениями отдельных политиков или политических сил. К этому можно добавить тенденцию приписывания себе положительных результаты процессов, которые происходят объективно, то есть независимо от конкретных политиков.

Третья особенность – «синдром колониального сознания». Ведущие представители постсоветской элиты получали образование в другой стране (Советском Союзе) и по сей день они не считают себя гражданами абсолютно независимого государства. Политические элиты, как и прежде ищут «руководителей» или центры за пределами Украины, которые смогут взять на себя ответственность за обеспечение «светлого будущего», а также за все существующие и будущие проблемы и поражения государства. Синдром колониального сознания заставляет политическую элиту выглядеть процветающей и достойной не в глазах своих собственных людей, которых они воспринимают как колониальную «биомассу», «людей второй категории», а прежде всего в Вашингтоне, Брюсселе или Москве. В значительной степени развитию этого синдрома способствует география экономических интересов представителей политической элиты, для которой как банковские счета в США и ЕС или самая дорогая недвижимость в Подмосковье, так и признаваемые ними зарубежные центры влияния стоят выше жизненно важных интересов народа и государства. Украинцы возлагают большие надежды на нового президента В. Зеленского и его политический лагерь. На наш взгляд, важно надеяться, что он хотя бы частично оправдает социальные ожидания.

Четвертая особенность – «политическая близорукость». Из-за вышеупомянутых особенностей постсоветская элита обычно не в состоянии сформулировать долгосрочные государственные программы развития, рассчитанные как минимум на 15-20 лет. Планы, которые она представляет, ориентированы максимум на

несколько лет и не касаются основных аспектов функционирования народа и, следовательно, государства²¹.

Проблема в том, что люди с «переходным сознанием» все еще воспринимают власть как систему, а не как миссию служения обществу²². В Украине большинство политических и экономических постсоветских элит, представляющих частный бизнес, а вместе с ними и часть населения не готовы к соблюдению демократических стандартов²³. Кроме того, отсутствие внутренней мотивации в стремлении достичь таких стандартов обусловлено расхождением интересов. Более того, эти представители даже во времена правления Л. Кучмы не отрицали тот факт, что Украина отошла от уровня демократии и европейских стандартов: отсутствия стратегической основ, «бэкграунда» для проведения реформ и достаточной политической ответственности. Кроме того, они подтверждали, что из-за политической нестабильности, несовершенства правовой системы и коррупции в Украине европейцы боятся вкладывать средства в ее экономику²⁴.

Не менее важными внутренними факторами, которые будут влиять на форму внутренней (но также внешней) политики Украины, являются отделение Крыма и вооруженный конфликт на Донбассе.

3.1 Отделение Крыма и война на Донбассе

Дестабилизация политической ситуации в Украине в результате отстранения В. Януковича от власти и прихода к власти тех, кто связан с протестами на киевском Майдане, была использована Россией. «В риторике российских властей также указывалось, что права народа Крыма были нарушены и что ухудшение ситуации

²¹ Подробнее: Droga do Europy. Opinie ukraińskich elit. Warszawa: Fundacja Batorego, 2004.

²² Ibidem.

²³ См., например, интервью с Раисой Богатыревой, Андрией Деркач, Степаном Хавришем, Леонидом Кравчуком и Иваном Курасом, проведенное весной 2003 г. // Droga do Europy. Op. cit.

²⁴ Rjabczuk M., Europejskie marzenia, euroazjatyckie realia // Droga do Europy. Op. cit. P. 12-13.

в Украине представляет для них серьезную угрозу. В том числе по этим причинам 1 марта 2014 г. президент Владимир Путин попросил Совет Федерации одобрить использование Вооруженных сил Российской Федерации на территории Украины «до нормализации общественно-политической ситуации в этой стране»²⁵. Россия в условиях политической нестабильности Украины, используя так называемых «зелёных человечков», а затем фальшивый референдум, присоединила Крым (март 2014 г.) Затем, поддержав непризнанные республики на юго-востоке Украины, дестабилизировала ситуацию в этой части страны. Следует отметить, что с самого начала конфликта между Россией и Украиной («гибридная война»²⁶) стремлением России, на наш взгляд, было и по-прежнему остается сохранение неопределенности в ситуации на юго-восточных рубежах Украины, с тем чтобы впоследствии отторгнуть эти территории, что в конечном итоге привело бы к положению «оккупированных территорий» или созданию квазигосударства (казус Абхазии, Приднестровья, Нагорного Карабаха, Южной Осетии).

3.2 Женевское соглашение по Украине

17 апреля 2014 г. в Женеве встретились министры иностранных дел России, ЕС, США и Украины. Во время этой встречи была принята совместная декларация о ситуации в Украине. Несмотря на то, что в документе был представлен план, который должен был быть реализован для разрешения конфликта, он носил весьма общий характер и, кроме того, предоставлял каждой стороне

²⁵ См.: Bajor P., „Operacja” Krym – aneksja półwyspu i jej konsekwencje // Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej, 2014. R. XII. Z. 2: Majdan 2014: Ukraina na rozdrożu, P. 42.

²⁶ Подробнее о гибридной войне между Украиной и Россией см.: Rącz A., Russia's Hybrid War in Ukraine: Breaking the Enemy's Ability to Resist // FIIA Report. № 43. Helsinki, 2015; Hajduk J., Stępniewski T., Wojna hybrydowa Rosji z Ukrainą: uwarunkowania i instrumenty // Studia Europejskie, 2015. № 4(76). P. 135-151; Stępniewski T., Wojna Ukrainy o niepodległość, pamięć i tożsamość // Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej, 2015. R. XIII. Z. 2: Polityka wobec pamięci w Europie Środkowo-Wschodniej i Rosji. P. 153-166.

свободу толкования положений этого соглашения²⁷. Использовалось слово «все стороны» конфликта, что также вызвало трудности в установлении общей позиции. Тогда тактической целью России было не допустить организации президентских выборов в Украине (назначенных на 25 мая 2015 г.) Важно отметить, что стороны конфликта согласились с тем, что Специальная мониторинговая миссия ОБСЕ будет играть особую роль в целях деэскалации конфликта.

Оглядываясь назад, получается, что позиции сторон означали, что Женевское соглашение не помогло стабилизировать ситуацию на востоке Украины, для которой было важно продемонстрировать миру, что она заинтересована в стабилизации и урегулировании конфликта. Государство стремилось к тому, чтобы Россия признала свое участие в этом конфликте и, подписав соглашение с Украиной, де-факто признала новое правительство в Киеве. В свою очередь, для России было важно, чтобы на нее не были возложены конкретные обязательства, конфликт в соседней стране трактовался, как внутри украинский, а также чтобы не упоминалось присоединение Крыма к Российской Федерации в марте 2014 г.

3.3 Минские соглашения (Минск 1 и Минск 2)

Минск 1. В сентябре 2014 г. и феврале 2015 г. в Минске в результате переговоров были подписаны т.н. Минские соглашения, призванные предотвратить кровопролитие и урегулировать конфликт на Украине²⁸. С 5 сентября 2014 г. в Минске участники так называ-

²⁷ Подробнее на тему Минских соглашений см.: Wierzbowska-Miazga A., Konończuk W., (Nie) porozumienie genewskie w sprawie Ukrainy // Analizy OSW, 24.04.2014. <http://www.osw.waw.pl/pl/publikacje/analizy/2014-04-24/nie-porozumienie-genewskie-w-sprawie-ukrainy> (дата обращения: 24.04.2014).

²⁸ Shelest H., Maksak H., Ukraine's Security Options: Time for Strategic Choices, Smart Partnerships, and Comprehensive Reforms. Caucasus Institute for Peace, Democracy and Development // CIPDD. Tbilisi, June 2016. P. 7. <http://prismua.org/wp-content/uploads/2016/07/ukraine-security.pdf> (дата обращения: 1.07.2016).

емой Контактной группы, состоящей из представителей Украины, России и ОБСЕ, и представителей непризнанных республик, подписали протокол (состоящий из 12 коротких пунктов) относительно прекращения огня на востоке Украины²⁹. Положения соглашений, как и предыдущие из Женевы, носили общий характер и не гарантировали окончательного прекращения огня сторонами конфликта и, следовательно, не стабилизировали ситуацию на востоке Украины. Необходимо отметить, что переговоры по Минскому соглашению были особенно выгодны для России. В то время в Ньюпорте состоялся саммит НАТО, и Европейский союз готовился расширить санкции против России. Благодаря этому соглашению аргументы, выдвинутые ЕС и НАТО по ужесточению санкций против России, ослабли³⁰. Кроме того, Россия стала стороной, стремящейся к миру и стабилизации ситуации на Украине, поэтому она перестала быть стороной, которая является агрессором (официально поддерживает сепаратистов), и стала стороной мирных переговоров.

Минск 2. Несмотря на соглашения в Минске, ситуация не стабилизировалась, и конфликт снова обострился. Между сторонами участились столкновения, которые привели к потерям с обеих сторон. Эта означало, что необходимо было вновь организовать саммит, с целью договориться о новом мирном соглашении. Встреча состоялась 12 февраля 2015 г. в Минске, во время которой лидеры Украины, России, Германии и Франции заключили соглашение (состоящее из 13 пунктов) по разрешению конфликта на Украине (на Донбассе). Документ был официально подписан так называемой контактной группой, то есть представителями Украины, России, ОБСЕ и непризнанных республик. Это также относится к мерам, направленным на реализацию Минских со-

²⁹ Ibidem.

³⁰ См.: Sadowski R., Wierzbowska-Miazga A., Zawieszenie broni na wschodzie Ukrainy // Analizy OSW, 10.09.2014. <http://www.osw.waw.pl/pl/publikacje/analizy/2014-09-10/zawieszenie-broni-na-wschodzie-ukrainy> (дата обращения: 10.10.2015).

глашений от 5 и 19 сентября 2014 г.³¹ В отличие от предыдущего соглашения, на этот раз в договор было включено положение о том, что Украина должна провести конституционную реформу и ввести в действие закон, гарантирующий особый статус для некоторых районов Донецкой и Луганской областей³².

Прошло четыре года с момента подписания Минских соглашений (Минск-2), а конфликт до сих пор не разрешен. Надежда рождается в связи со встречей, запланированной на начало декабря 2019 г. в Париже в так называемом Нормандском формате, с участием лидеров Германии, Франции, России и Украины. Переговоры будут касаться реализации так называемой «формулы Штайнмайера», согласно которой Донбасс, контролируемый сепаратистами, получит особый статус. Для многих украинцев (особенно семей, убитых на поле боя украинских солдат), реализация формулы Штайнмайера будет означать капитуляцию Украины перед Россией Владимира Путина. К сожалению, в настоящее время нет хорошего решения этой ситуации, и Владимир Зеленский пообещал положить конец конфликту на Донбассе во время президентской кампании. Произойдет ли это, покажут следующие несколько месяцев (или лет).

4. Заключительные размышления

Почти 30 лет назад процесс распада советской империи предоставил украинцам шанс сформировать собственное государственное образование. Сложившаяся в конце прошлого века политическая ситуация оказалась настолько благоприятной, что независимость Украины была завоевана без использования политической конфронтации и силовых сценариев. Провозглашение независимо-

³¹ См.: Kardaś S., Konończuk W., Mińsk 2 – kruchy rozejm zamiast trwałego pokoju // Analizy OSW, 12.02.2015. <http://www.osw.waw.pl/pl/publikacje/analizy/2015-02-12/minsk-2-kruchy-rozejm-zamiast-trwalego-pokoju> (дата обращения: 10.07.2016).

³² Ibidem.

сти отдельными республиками стало следствием стремления их жителей решать свою судьбу. Так возникло то, чего не хватало сто лет назад, то есть в начале XX в. – благоприятные политические условия и решимость самих заинтересованных сторон.

Будет ли внешняя политика Украины при В. Зеленском выглядеть иначе, чем в последние 30 лет? Отвечая на этот вопрос, следует иметь в виду довольно сложную ситуацию в современной Украине. Оценивая как внутренние, так и внешние условия в стране, мы можем сослаться на Николая Рябчука, который много лет назад заявил, что в Украине идет «цивилизационная война»³³. Он указывает, что Украина должна сделать цивилизационный выбор. Речь идет не только о выборе между «русским началом» и «украинским началом», но также между «центрально-европейским» и «постсоветским» проектом. Николай Рябчук считает, что «Украина исторически является частью Центральной Европы. С другой стороны, постсоветская альтернатива основана на поиске какой-то отдельной восточноевропейской идентичности: в ней смешиваются православие, ностальгия по СССР и другие противоречия»³⁴. Поэтому борьба за власть между политическими партиями носит второстепенный характер (тактическая цель), тогда как реальная природа дилеммы выбора заключается в необходимости сделать стратегический выбор. Следует задать вопрос: приведет ли Евромайдан и продолжающийся вооруженный конфликт между Россией и Украиной к тому, что европейская интеграция будет выбрана в качестве постоянного направления во внешней политике Украины? Или отсутствие однозначных заявлений ЕС относительно перспектив интеграции Украины приведет к голосу политических сил, которые не пойдут в этом направлении? Похоже, что приход к власти В. Зеленского показывает, что Украина движется к евроинтеграции. Будет ли эта тенденция продолжительной, покажет

³³ Riabczuk M., Op. cit. P. 12-13.

³⁴ Na Ukrainie trwa wojna cywilizacji, rozmowa z Mykołą Riabczukiem // Europa, 2007. № 160.

ближайшие месяцы, а точнее, ближайшие несколько лет. Следует также помнить, что кризисы, влияющие на Европейский Союз, окажут значительное влияние на форму Европейского Союза как международной организации, на форму внешней политики России и на ситуацию в Восточной Европе, и в том числе на форму и направление внешней политики Украины. От того сможет ли Запад успешно помочь Украине реформировать свою политическую и экономическую систему, зависят ее будущее развитие и выбор векторов внешней политики. Однако для того, чтобы помощь ЕС была эффективной, Украина также должна сама провести дорогостоящие и сложные реформы. Вопрос об эффективности этих реформ все еще остается открытым, поскольку новое правительство (президент В. Зеленский) в Украине не смогло решить (до сих пор – конец 2019 г.) самую важную проблему для политической и экономической системы Украины, то есть проблему олигархов³⁵. Без решения вопроса олигархии и влияния ее представителей на политическую и экономическую систему Украины, будет сложно произвести системные изменения в Украине.

Эта статья впервые была опубликована в: „Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej” 2019. T. 1.

³⁵ Подробнее на тему олигархической системы на Украине см.: Stępniewski T., Polityka bezpieczeństwa Ukrainy po 2010 roku // Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej, 2013. R. XI. Z. 2: Słowiański trójkąt: Rosja, Ukraina, Białoruś. P. 143-163; Konończuk W., Oligarchowie po Majdanie: stary system na „nowej” Ukrainie // Komentarze OSW, 16.02.2015. № 162. <http://www.osw.waw.pl/pl/publikacje/komentarze-osw/2015-02-16/oligarchowie-po-majdanie-stary-system-na-nowej-ukrainie> (дата обращения: 20.02.2015).

Сергей Николаевич Бабурин

Интеграционный конституционализм: цивилизационный выбор России и Европы в эпоху духовно-нравственного упадка

Abstract: The article discusses the development of the European Union and the Eurasian Union (the union of states gravitating towards the Russian Federation) in accordance with different civilisation models which favour systems of values that differ in the West and East. The formation of integration constitutionalism is considered not only as a process of extending constitutional-legal relations to supranational subjects but also as a special form of public consciousness characterized by the recognition of a single constitutional basis of the emerging state union as a social value. Both economic and political interstate integration develop only when relying on common elements in the values of the national culture and spiritual heritage of the unifying peoples. It can be successful if its legal basis combines modern realities with spiritual and moral values belonging to its civilisational tradition.

Keywords: integration constitutionalism, tradition, confederalisation, interstate integration, spiritual and moral basis of constitutionalism, civilisation

Русская революция XX в. лишь подстегнула традиционное европейское недоверие к России, появившееся у западных соседей Руси веком раньше. Конечно, ей пытались дать научное и даже цивилизационное объяснение. «...Действительная Европа заканчивается на Висле – утверждал тот же О. Шпенглер – Деятельность немецких орденов в Прибалтике была колонизацией чужой

земли и именно так и воспринималась её участниками»¹. И даже больше. Цитирую: «В действительности настоящий русский духовно нам очень чужд, так же чужд, как индеец или китаец, у которых мы не можем понять всю глубину их души»².

Разрушение СССР, последующее возникновение в новой России политического режима компрадорской олигархии, сменившегося авторитаризмом возродившейся бюрократии, придали русофобии новый импульс. Однако за конкретно-политическими спорами и конкурентно-экономическими разногласиями повседневности в Европе скрываются черты фундаментальных проблем мирового порядка.

Современный европеец зачастую не понимает цивилизационных ценностей народов, для которых религиозная традиция общества есть «пружина, по ослаблению коей все действия машины приходят час от часу в больший беспорядок». Более того, воспринимая духовно-нравственные основы любого традиционного общества как вредные пережитки, этот европеец толкает своё общество и государство к печальному итогу, когда, ниспровергая традиционные духовные основы, «поток беззакония не находит никакой преграды и всюду разносит бедствия и опустошения»³.

Отсюда важен вопрос о цивилизационном выборе народов Европы, важен ответ на вопрос об их схожести и различиях. Прежде всего, народов России и народов Европейского Союза.

Необходимость разрешения глобальных проблем, с которыми человечество сталкивается, начиная с первых десятилетий XX в., вызвала многогранную экономическую кооперацию государств и возникновение нескольких очагов межгосударственной интеграции. К началу XXI в. сложилась устойчивая тенденция

¹ Шпенглер О., Двойной лик России и немецкие восточные проблемы (1923) // Шпенглер О., Политические произведения: Сборник. М.: ИНФРА-М, 2015. С. 31.

² Там же.

³ Святитель Филарет, митрополит Московский. Меч духовный. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 466.

к конфедерализации мирового устройства⁴. Глобализация мира, как и его унификация по североамериканским стандартам ценностей и интересов не получилась – слишком значительны были и остаются цивилизационные различия разных народов. Ныне мы имеем дело с существованием многополярного мира, полюсами в котором выступают самостоятельно развивающиеся цивилизационные системы. Иногда это одно сильное государство, чаще – укрепляющийся через межгосударственную интеграцию союз государств. Не случайно Президент Российской Федерации В.В. Путин в своём Послании Федеральному Собранию России 2018 г. особо подчеркнул: «Изменения в мире носят цивилизационный характер. И масштаб этого вызова требует от нас такого же сильного ответа... В мире сегодня накапливается громадный технологический потенциал, который позволяет совершить настоящий рывок в повышении качества жизни людей, в модернизации экономики, инфраструктуры и государственного управления... Скорость технологических изменений нарастает стремительно, идёт резко вверх. Тот, кто использует эту технологическую волну, вырвется вперед. Тех, кто не сможет этого сделать, она – эта волна – просто захлестнет, утопит»⁵.

Отсюда важен вывод о том, что глобализация оказывает определенное воздействие на содержание, институциональную и функциональную роль права, на стоящие перед ним цели и задачи, на его назначение. Глобализация по-новому создает источники и формы права⁶.

На просторах Европы и Азии в течение веков сменились множество государств и народов, за религиозные принципы и территориальные владения отгрохотали большие и малые войны,

⁴ Современное государство в эпоху глобальных трансформаций: аналитический доклад / И.М. Рагимов, С.Н. Бабурин, Ю.В. Голик [и др.]. СПб., 2019. С. 297.

⁵ Путин В.В., Послание Президента Федеральному Собранию, 1.03.2018. <https://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 24.10.2019).

⁶ Марченко М.Н., Глобализация и основные тенденции развития национальных и наднациональных государственно-правовых систем в XXI веке. М.: Проспект, 2019. С. 51, 53.

а идеального государственного устройства и межгосударственного мира до сих пор нет. Выбор путей развития постоянно колеблется у народов между стремлением замкнуться в самодостаточности, обеспечивая свою безопасность и самобытность, и попыткой создать межгосударственное объединение для совместного решения задач выживания и развития.

В XX в. в Западной Европе после двух мировых войн, наконец, возобладало понимание, что государственный идеал правильнее создавать в обстановке мира и взаимопонимания. Зародилась и всё более совершенствуется европейская межгосударственная интеграция. В Восточной Европе и Азии после великих революций в России и Китае также стали формироваться очаги интеграции.

Лиссабонский договор 2007 г., призванный заменить провалившийся проект Конституции для Европы, стал очередным важным шагом к повышению эффективности Европейского Союза. Он позволил обойти необходимость проведения национальных референдумов, вернувшись к практике ратификации международного договора парламентами государств-участников. Одновременно он укрепил федеративные элементы ЕС и, при сохранении унификационных усилий общеевропейских структур, сделал определенные уступки сохранению духовной и национальной идентичности европейских народов. К сожалению, за словами о правах и свободах человека, западная модель межгосударственной интеграции сохраняет свою секулярную сущность. Как подчеркивал патриарх Московский и всея Руси, разговоры о гуманизме и о личностном начале «только оттеняют обезличивание человека, утрату им цельности души и цельности жизни»⁷.

Уже давно в повестке дня отношений России (и Евразийского Союза) и Европейского Союза стоит вопрос перехода к инте-

⁷ Патриарх Алексий II, Служение делу христианского просвещения. М.: Отдел религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви, 2008. С. 29.

грационному взаимодействию⁸. На надёжной правовой основе надлежит создать четыре общих пространства: экономическое; свободы, безопасности и правосудия; в области внешней безопасности; культуры, науки и образования. Однако ныне сложности возникли не только в межцивилизационных процессах, но и внутри межгосударственных интеграционных моделей. В ЕАЭС это Казахстан, Белоруссия, в ЕС – brexit, да и не только.

Межгосударственная интеграция – это не просто совершенствование межгосударственных отношений, это переход от взаимовыгодного партнерства к формированию общих интересов, объединение сил в стремлении строить благополучное общее будущее. Именно поэтому уместно говорить о возникновении в ходе межгосударственной интеграции интеграционного конституционализма.

Интеграционный конституционализм предполагает перерастание международно-правовых отношений между государствами в общие конституционно-правовые отношения и дальнейшее политико-правовое развитие нового союзного (федеративного) государства, он выступает и новой формой общественного сознания, принимающей конституционные законы объединенного государства как социальную ценность.

Именно интеграционный конституционализм, на наш взгляд, должен стать цивилизационным выбором народов и на Востоке, и на Западе Европы.

Правовая основа межгосударственной интеграции создается только совместными усилиями участников. Тем важнее в процессе современной межгосударственной интеграции четко представлять её цели и задачи, возможные и необходимые последствия, ведь очевидно, что глобализация не порождает шаблонного кон-

⁸ Лихачёв В.М., Россия и Европейский союз в международной системе (дипломатия, политика, право) 1998-2004 гг. Казань: Центр инновац. технологий, 2004. С. 158.

ституционного строя⁹. Предлагая народам поиски совместного ответа на возникающие глобальные вызовы человечеству, интеграция (а в случае с Россией – реинтеграция, восстановление ранее уже существовавшего государственного единства) неизбежно совершенствует механизмы международного права и переводит решение общих вопросов из плоскости международного права в плоскость конституционного строительства.

Ещё Р. Иеринг выделил борьбу интересов тысяч индивидуумов и целых классов, которые «неразрывно сплелись с существующим правом, и последнее не может быть устранено без чувствительного нарушения всех этих интересов»¹⁰. Межгосударственная интеграция всегда имеет и сторонников, и противников как в политической элите участвующих в процессе государств, так и среди народных масс. Существование противоречивых интересов может быть вызвано как меркантильными причинами, так и особенностями культурно-исторического развития, предопределившими формирование нравов и психологических предпочтений различных групп населения. Противоречия, возникающие внутри правовой системы и выступающие в качестве «импульсов» её изменения и развития, могут возникать, подчеркивает М.Н. Марченко, в самых разных сферах правовой жизни и касаться самых разных её сторон¹¹. Лишь консолидация общества вокруг высокой цели социального развития способна снять эти внутренние противоречия и в государстве, и в интеграционном союзе государств.

Современные исследователи не случайно отмечают ускоренное развитие процессов конвергенции конституционного права и международного публичного права¹². А.А. Клишас, например,

⁹ Авакьян С.А., Размышления конституционалиста: Избранные статьи. М: Издательство Московского университета, 2010. С. 291.

¹⁰ Иеринг Р., Борьба за право. пер. с нем. СПб., 1908. С. 8.

¹¹ Марченко М.Н., Глобализация и основные тенденции развития национальных и наднациональных государственно-правовых систем в XXI в. М.: Проспект, 2019. С. 90.

¹² См., напр.: Интернационализация конституционного права: современные тенденции: монография / Варламовой Н.В., Васильевой Т.А. (ред.). М.: ИГП РАН, 2017. С. 37-45.

приветствует доктрину конституционной идентичности государств А. Райнера, направленную на разумное ограничение интернационализации правовых порядков, но вынужден признать, что такое ограничение не отрицает саму возможность формирования межгосударственного регулирования и передачи в этой связи части суверенных прав на наднациональный уровень¹³.

Интеграционный конституционализм Западной Европы, уже практически сформировавшийся, как и интеграционный конституционализм постсоветского пространства, имеющий за плечами тысячелетнюю историю Русской цивилизации и русской империи, но к настоящему времени находящийся в забвении и разрухе, опираются каждый на свои духовно-нравственные основания. Именно эти основания, имеющие различные цивилизационные коды, определяют будущее моделей любой межгосударственной интеграции. Эти основания, на наш взгляд, и на Западе, и на Востоке к XXI в. оказались поражены, пусть и в разной степени, одним фундаментальным пороком – утратой Души.

Вытеснив из системы духовных и социальных координат Бога, гуманизм европейского Просвещения не просто поставил в центр ценностных приоритетов Человека, он постепенно подменил сформировавшиеся веками социальные ценности интересами человека, деформируя в этом направлении саму нравственность. Вероятно, именно такая эволюция привела к безнравственной правовой толерантности современной Европы, к культу однополых семей, к ювенальной юстиции, разрушающей традиционное семейное воспитание. Между тем, на наш взгляд, сам человек как личность не может существовать без представлений о смысле и цели жизни, без понимания ценности семьи, Родины, любви, дружбы, без нравственных критериев поведения в обществе. Лишившись религиозных критериев разграничения добра и зла, поставив вместо

¹³ Клишас А.А., Юридический код государства: вопросы теории и практики. М.: Международные отношения, 2019. С. 302.

них во главу угла индивидуальный интерес, человеческое общество с неизбежностью стало культивировать не только высокий уровень индивидуальных притязаний, потребительское и изживенческое мировоззрение, оно стало погружаться во взаимный личностный эгоизм и массовую инфантильность, в безответственность и распущенность нравов как ключевую черту образа жизни.

Именно торжество атеистического гуманизма, сопряженное с утратой коллективного чувства, прежде всего сострадания и солидарности, привело западную цивилизацию к отсутствию жертвенности в поведении людей, к разрушению самого поведенческого стержня, состоявшего из нравственных и религиозных ценностей. Глубокая и духовно развитая личность перестает быть целью воспитания. Иной подход пока ещё сберегли в Европе славянские и близкие им народы.

Выдающийся русский историк П.Г. Виноградов, работавший в Англии, справедливо относил, среди социальных наук, теорию права к моральным наукам¹⁴. Духовно-нравственное измерение предполагает анализ нравственной природы конституционализма, наделение его объектов и субъектов духовной и нравственной ценностью, да и само его осуществление – на высоких духовно-нравственных принципах. Уравнивание нравственно, политически и экономически различных притязаний в сфере прав человека приводит, как справедливо отмечает А. Шайо, к совершенной неопределенности в конституционном праве, к пагубной неясности вопроса о должной роли конституционного контроля в сфере социальных прав. Венгерский ученый не случайно видит выход в повсеместном учёте нравственных соображений, определяющих общественные настроения¹⁵. Даже в отношении Интер-

¹⁴ Виноградов П.Г., Очерки по теории права. М.: Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон, 1915. С. 10.

¹⁵ Шайо А., Возможности конституционного контроля в сфере социальных прав // Конституционный принцип социального государства и его применение конституционными судами: Сборник докладов. М.: Институт права и публичной политики, 2008. С. 34.

нета, имеющего неправовую природу, всё чаще ставится вопрос о соответствии его пространства нравственным критериям, об оценке информации с нравственно-правовой точки зрения, вводя понятие морального вреда¹⁶.

В защите социальных прав граждан, особенно при пробелах или двусмысленностях конституционных формулировок, единственно оправданный способ защиты будет опираться на реконструкцию нравственных предпосылок тех или иных социальных запросов. Характеризуя сложившуюся ныне ситуацию как «средневековый зверинец социальных прав», А. Шайо видит возможность заполнить лакуны в конституционных текстах именно с помощью социальных ценностей, явным образом разделяемых всеми¹⁷.

Духовно-нравственное измерение любого социального явления предопределяет его значение для общества. Это в полной мере относится и к конституционному контролю, особенно в период глобальных трансформаций, когда именно духовный фактор развития государства дает возможность свободе остаться существенным признаком самого государства. Неотчуждаемыми элементами духовно-нравственной легитимности государства следует считать заботу о человеческом достоинстве и свободе его граждан, их равенстве в правах и свободах, о построении законодательства на сострадании и восстановлении справедливости, вплоть до стремления к всеобщему благоденствию. И это при том, что личная свобода и проистекающие из неё права принадлежат к сфере гражданского общества, а государство является их хранителем¹⁸. Не только консерватизм, но и классический либерализм

¹⁶ Иванова К.А., Степанов А.А., Немчинова Е.В., Нравственность в сети: правовая и неправовая оценка информации при реализации пользователями права на свободу выражения мнения // Российское право. Образование. Практика. Наука, 2018. № 5. С. 66.

¹⁷ Шайо А., Указ. соч. С. 33, 34.

¹⁸ Современное государство [...]. Указ. соч. С. 74.

немыслим без ценностей, неолиберализм же трансформировал ценности в голые эгоистические интересы.

Российской Федерации, государствам постсоветского пространства – участникам евразийского интеграционного проекта, равно как и всем европейским государствам, заинтересованным в укреплении Европейского Союза, на наш взгляд, важно при формировании духовно-нравственного основания интеграционного конституционализма обеспечить его надёжность. Полезно учесть конституционный опыт других стран, взять лучшее из него в свой арсенал. И здесь в современном международном сообществе есть только один, пусть и спорный, опыт существования т.н. нравственного государства. Речь идет об Исламской Республике Иран.

Поскольку именно нормы конституционного права являются исходными в оформлении конституционного строя, роли государства, становлении и развитии общества, закреплении статуса человека и гражданина, осуществлении народовластия¹⁹, принципиальной чертой Конституции ИРИ является закрепление в ней доминирующего положения нравственности в обществе. Само перечисление целей деятельности правительства ИРИ начинается с пункта 1: «Создание благоприятной среды для дальнейшего развития нравственных добродетелей, основанных на вере, богобоязненности и борьбе против всех проявлений разврата и упадка (нечестия и порока)» (ст. 3 Конституции).

Характеризуя Исламскую Республику как систему правления, основанную на вере, Конституция ИРИ среди других элементов выделяет веру в Божественную справедливость создания и установления законов шариата (п. 4 ст. 2 Конституции ИРИ), веру в благородство и высшую ценность человека и свободы, как и его ответственности перед Богом. Именно это обеспечивает равенство, справедливость и политическую, экономическую, социаль-

¹⁹ Авакьян С.А., Конституционное право России: Учебный курс в двух томах. Т. 2. М.: ООО Юридическое издательство Норма, 2005. С. 111.

ную и культурную независимость, а также национальное единство и солидарность (п. 6 ст. 2). «Призыв к добру, проповедь одобряемого и запрещение неодобряемого являются всеобщей обязанностью, которую люди исполняют по отношению друг к другу, государство – по отношению к народу, в народ – по отношению к государству» (ст. 8 Конституции). С полным на то основанием, В.Э. Багдасарян характеризует Конституцию ИРИ как конституцию нравственного государства²⁰.

В современном Иране нет парламентаризма и демократии в их западном понимании. Зато конституционно закреплены: общество народовластия, опирающееся на национальные религиозные и исторические традиции; власть Бога, осуществляемая народом через предоставленное ему Божественное право (ст. 56 Конституции ИРИ). Подчеркивается, что для религиозной демократии равно важны и религиозная, и народная легитимация²¹. Разделение властей в Иране существует, но оно иное, чем в европейских странах. Управление Исламской Республикой Иран осуществляется так же законодательной, исполнительной и судебной властями, но они функционируют под контролем абсолютной власти Имама, согласно статьям Конституции. Все три власти независимы друг от друга (ст. 57 Конституции ИРИ).

Высший орган государственного конституционного контроля Ирана имеет ярко выраженный национальный характер. Соответствие принимаемых Меджлисом законов Исламу и Конституции устанавливает Совет по охране Конституции (Совет стражей), который обладает фактически функциями и верхней палаты, и конституционного контроля (ст. ст. 93, 96 Конституции).

²⁰ Багдасарян В.Э., Конституция Российской Федерации в сравнительном страновом и историческом анализе. М.: Духовное просвещение, 2019. С. 128.

²¹ Хоррамшад М.Б., Сарпарастсат С.Э., Концепции религиозной демократии / Дунаева Е.В., Садра М. (ред.) // Иран в условиях новых геополитических реалий (к 40-летию Исламской революции). М: Садра, 2019. С. 81.

Практика показала, что система жесткого конституционного контроля резко тормозила в первые годы после революции 1979 г. законотворческую деятельность созданного парламента. Процесс принятия законов невообразимо долго, часто без должных оснований затягивался, правительство работало в условиях отсутствия законодательной базы. В целях разрешения этой проблемы Имам Хомейни ввёл в 1988 г. в структуру власти Ассамблею (Совет) определения государственной целесообразности принимаемых решений. С тех пор по настоящее время Ассамблея выносит окончательные решения в спорах между Меджлисом и Советом по охране Конституции. Полномочия Ассамблеи закреплены в Конституции (ст. 111-112).

Конституционный контроль в Исламской Республике Иран включает разветвленную конституционную систему надзорных механизмов. Внутри государственного аппарата надзорную деятельность ведут Рахбар (высший духовный лидер, наделенный правом, при определенных условиях, отрешать от власти даже избранного президента ИРИ), законодательная, судебная и исполнительная власть, отдельно – Совет по охране Конституции. Но выделены также надзор народа за властью, надзор государства над народом и надзор народа над самим собой. Для рассмотрения жалоб, исков и протестов граждан против должностных лиц, организаций или правительственных актов, для восстановления прав граждан создан специальный Суд административной справедливости. Все эти возможности конституционного контроля прямо предусмотрены в ст. 173 Конституции ИРИ²².

Конечно, духовно-нравственные особенности конституционного контроля в современном Иране объясняются его культурно-историческими и религиозными традициями, шиитским

²² Подробнее см.: Бабурин С.Н., Значение Великой Иранской революции для современного мира: духовно-ценностное измерение конституционализма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция, 2019. № 3. С. 78.

миросозерцанием, кстати говоря, внутренне близким православному. По мнению выдающегося мусульманского ученого аятоллы Муртазы Мутаххари, в начале истории люди жили коммунальной жизнью, основанной на коллективизме. «Человеческая боль была общей болью, а чувства – общими чувствами. Каждый жил для коллектива, а не для себя. Даже совесть была коллективной. В доисторические времена человек жил общинным духом и общинными чувствами»²³. Именно институт собственности способствовал и способствует отчуждению человека от своей социальной, коллективной сущности. «Только с уничтожением этих пут может человек заново обрести нравственную целостность, духовное здоровье, общественное единство и благополучие». История неизбежно ведет именно к такому единству. В понимании мусульман, именно исламское бесклассовое общество есть общество без дискриминации, без обездоленных, без лжебожеств; это общество справедливости и отсутствия угнетения, уверен М. Мутаххари²⁴.

Вот на таком духовно-нравственном подходе строится Конституция ИРИ, делая современный Иран по-своему нравственным государством. Эти особенности иранского конституционализма следует осмыслить для возможного, пусть и частичного, применения и в евразийской межгосударственной интеграции, и в интеграционном конституционализме Европейского Союза.

Отсюда и особое значение для наших дней Совместного заявления Папы Римского Франциска и Святейшего патриарха Московского и всея Руси Кирилла от 13 февраля 2016 г. Предстоятели крупнейших христианских Церквей впервые в истории встретились, чтобы призвать объединять усилия ради совместного ответа на вызовы времени. А среди этих вызовов – не только гонения на христиан во многих регионах мира (п. 8 Заявления), но и «пре-

²³ Мутаххари М., Исламское мировоззрение. М.: Фонд исследований исламской культуры, 2010. С. 49-50.

²⁴ Там же. С. 50, 55.

вращение некоторых стран в секуляризованные общества, чуждые всякой памяти о Боге и Его правде», где «христиане всё чаще сталкиваются с ограничением религиозной свободы и права свидетельствовать о своих убеждениях, жить в соответствии с ними» (п. 15). Предстоятели особо предостерегли против такой европейской интеграции, которая «не уважает религиозную идентичность», подчеркнув, что «Европа нуждается в верности своим христианским корням». Они совместно призвали «христиан Западной и Восточной Европы объединиться для совместного свидетельства о Христе и Евангелии, дабы Европа сохранила свою душу, сформированную двухтысячелетней христианской традицией» (п. 16)²⁵.

Высказав озабоченность растущим неравенством в распределении земных благ, нарастающим чувством несправедливости в системе международных отношений (п. 17), они особо подчеркнули важность семьи как естественного средоточия жизни человека и общества, кризис семьи во многих странах (п. 19). «Семья основана на браке как акте свободной и верной любви между мужчиной и женщиной – подчеркивается в Совместном заявлении – Любовь скрепляет их союз, учит их принимать друг друга как дар. Брак – это школа любви и верности. Мы сожалеем, что иные формы сожительства ныне уравниваются с этим союзом, а освященные библейской традицией представления об отцовстве и материнстве как особом призвании мужчины и женщины в браке вытесняются из общественного сознания» (п. 20)²⁶.

Фактически, в Совместном заявлении воплощен призыв духовных лидеров к единению Западной и Восточной цивилизаций, признание, что без поддержки Восточно-Христианской (Русской) цивилизации Западная цивилизация может утратить Путь к Спасению.

²⁵ Совместное заявление папы Римского Франциска и Святейшего Патриарха Кирилла, 13.02.2016 г. <https://www.patriarchia.ru/db/text/4372074> (дата обращения: 21.04.2019).

²⁶ Там же.

Да, Польша и, частично, Венгрия ещё держатся, но есть угроза потери национальной самоидентификации и конституционной идентичности.

Первопричина цивилизационного тупика, в который попало и где погибает в Европе западное христианство, как уже говорилось – это отречение под влиянием Просвещения от Бога как центра духовно-нравственной системы координат. Необходимая для земного бытия индивидуальность переродилась в результате этого в индивидуализм, сочетающий в себе самолюбование и бездушный эгоизм. Очень точно суть вопроса сформулировал выдающийся духовный мыслитель и великий государственный деятель XX в. Имам Хомейни. «Все бедствия, от которых страдает человек, вытекают из его любви к себе, но если бы он воспринимал истинную причину, он бы понял, что его «я» не принадлежит ему – писал Имам Хомейни в своём комментарии к «Открывающей» суре Корана. Следовательно, истинная любовь к себе – это любовь к остальным, но это было ошибочно принято за любовь к себе. Эта ошибка разрушает человека; все бедствия, от которых мы страдаем, возникают от этой ошибочной любви к себе и стремлению к её возвышению. Это желание ведёт людей к смерти и разрушению; оно приводит их к Адскому Огню, и это есть источник всякого греха. Когда человек сосредотачивает своё внимание на себе и всём желаемом для себя, он становится врагом любого, кто стоит на его пути, он не оставляет другим никаких прав. Это и есть источник всех наших бед»²⁷.

Человек, отказавшись от высшего в себе, «становится рабом низменных, inferнальных сил. Утверждая свою независимость, он делается игрушкой в руках смерти»²⁸ – отмечал и Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II.

²⁷ Имам Хомейни, Толкование суры «Открывающая» / пер. с перс. Идрисова К.Х. М.: Научная книга, 2012. С. 102-103.

²⁸ Патриарх Алексей II, Указ. соч. С. 30.

Параллельное возникновение и, в целом, успешное развитие таких интеграционных моделей как Евразийский (Российский, Русский) Союз и Европейский Союз объясняется, прежде всего, тем, что каждая из моделей опирается именно на свои цивилизационные принципы (прежде всего духовно-нравственные и социальные), имеет в своей основе собственный культурно-исторический опыт. Современная государственно-правовая форма этих двух цивилизаций сейчас находится в стадии активного формирования.

Глобальные вызовы современности, особенно нарастание экологической дестабилизации Земли, требуют продуманного объединения усилий всех народов, порождая различные виды и формы интеграции. Наиболее эффективной и перспективной среди них, как представляется, являются механизмы межгосударственной интеграции, опирающиеся на цивилизационную общность народов.

В государствах–родоначальниках конституционализма наиболее корректно и в правовом, и в политическом смыслах создана конституционная основа межгосударственной интеграции. В Конституции Франции, например, целых четыре статьи (раздел XV Конституции) посвящены Европейским сообществам и Европейскому Союзу. В Основном Законе ФРГ записано: «В целях осуществления идеи Объединенной Европы Федеративная Республика Германия участвует в развитии Европейского Союза» (ст. 23). Ради такой межгосударственной интеграции ФРГ «может передавать свои суверенные права на основании закона, одобренного Бундесратом» (там же).

Интеграционный конституционализм послесоветского пространства осложнен принципиально значимыми дефектами действующей Конституции Российской Федерации. Когда конституционной нормой является принцип, что «в Российской Федерации признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (ст. 13 Конституции РФ), то отрицанием всякой идеологии на высшем правовом уровне в России факти-

чески закрепляется идеология нигилизма. Именно отрицание государственной идеологии как таковой предполагает исключение из нравственной и правовой шкалы духовных и социальных ценностей, а это тоже своего рода идеология – идеология, уравнивающая, в том числе, добро и зло. Причем конституционность нормы делает принуждение к такому уравниванию безоговорочно обязательным. Таким образом, Конституция Российской Федерации фактически и юридически создает основу для апокалипсиса. И существующая система конституционного контроля, при отсутствии в ней духовно-нравственных параметров, обязана эту «основу» защищать.

Конечно, даже давно сложившийся конституционализм не без греха. Так, в Конституции Французской Республики закреплено: «Франция является неделимой, светской, социальной, демократической Республикой. Она обеспечивает равенство перед законом всех граждан без различия происхождения, расы или религии. Она уважает все вероисповедания» (ст. 1). Столь обтекаемая формулировка чревата диаметрально противоположными выводами. Можно видеть демократизм веротерпимости, а можно и констатировать социальное оформление цивилизационной капитуляции. Стоит ли удивляться тому обстоятельству, что европейская толерантность, которой исподволь подменили дружбу и взаимопонимание, приводит к утрате европейского цивилизационного кода?

Современный конституционализм стоит перед необходимостью своего духовно-нравственного очищения от наследия эпохи демонстративной нигилистической безнравственности. Причем духовно-нравственный критерий конституционного контроля может базироваться только на религиозных ценностях. И.Г. Фихте с полным на то основанием писал, что лишь религия «способна поднять совершенно над всем временем и над всякой современной и чувственной жизнью, не принося при этом ни малейшего ущерба законности, нравственности и святости жизни, охва-

ченной этой верой»²⁹. Именно эту роль вероисповедания имел в виду Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, когда писал в 90-е гг. XX в: «В трудных исторических обстоятельствах, когда продолжает вестись пропаганда ненависти и насилия, когда пытаются нравственно разложить и даже растлить молодёжь, мы должны свидетельствовать о высоких идеалах, о непреходящих духовных ценностях»³⁰.

Духовно-нравственное измерение конституционных основ российского общества дает понимание необходимости дополнить или изменить целый ряд важных конституционных правовых норм, которые являются предметом особой защиты для субъектов конституционного контроля. Так, следует признать, что за многочисленностью целей принятия Конституции, указанных в её Преамбуле, нет, к сожалению, цели самого конституционного развития общества и государства. Если в отношении государства в Конституции Российской Федерации, действовавшей до 1993 г., провозглашалось целью построение демократического правового государства³¹ (в сохраняющей свою силу и ныне Декларации о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г. было даже добавлено: «в составе обновленного Союза ССР»³²), то в Конституции РФ нет указания ни на цель существования государства, ни на социальную цель развития самого российского общества.

Ещё большая проблема с высшими ценностями, закрепленными в Конституции, которые конституционный контроль призван защищать. Только человек, его права и свободы признаны Конституцией такой высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ), что

²⁹ Фихте И.Г., Речи к немецкой нации / пер. Иваненко А.А. СПб.: Наука, 2009. С. 189.

³⁰ Патриарх Алексей II, Указ. соч. С. 25.

³¹ Конституция (Основной закон) Российской Федерации от 12 апреля 1978 г. (с изменениями и дополнениями от 27 октября 1989 г., 31 мая, 16 июня, 15 декабря 1990 г., 24 мая, 3 июля, 1 ноября 1991 г., 21 апреля, 9, 10 декабря 1992 г.). http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/183126/ (дата обращения: 19.09.2019).

³² Декларация о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12.06.1990 г. <https://constitution.garant.ru/act/base/10200087/> (дата обращения: 6.10.2019).

свидетельствует о сугубо неолиберальном представлении социума лишь противоборством интересов и страт, но противоречит традиционной русской правовой культуре. Не случайно X Всемирный Русский Народный Собор ещё 6 апреля 2006 г. подчеркнул в своей Декларации о правах и достоинстве человека, что права человека имеют основанием ценность личности и должны быть направлены на реализацию её достоинства, а потому содержание прав человека всегда прямо связано с нравственностью. Было подчеркнуто, что существуют ценности, которые стоят не ниже прав человека, такие ценности как вера, нравственность, святости, отечество³³. Голос Собора российским законодателем, увы, не был услышан.

Современный конституционный контроль в России не защищает и не обязан защищать ценности, не указанные в конституции. Возникающие в жизни правовые проблемы осуществления конституционного контроля, отмечаемые учеными³⁴, не распространяются на духовно-нравственную сферу жизни общества, хотя развитие, особенно, во многих ибероамериканских государствах, процедуры ампаро выступает не только совершенствованием механизма судебного рассмотрения конституционности законодательных актов, но и становится средством защиты конституционных прав граждан, даже не указанных прямо в конституциях³⁵.

Религиозные ценности для христиан и мусульман, буддистов и иудеев всегда остаются основой нравственности. Не случайно действующая Конституция Республики Польша – светского государства – называет Бога источником правды, справедливости, добра и красоты (Преамбула Конституции). Но, не только по Латеранским договорам Ватикана конституционные основы госу-

³³ Декларация о правах и достоинстве человека X Всемирного Русского Народного Собора, 6.04.2006 г. <https://www.patriarchia.ru/db/text/103235.html> (дата обращения: 28.06.2019).

³⁴ См.: Шульженко Ю.Л., Конституционный контроль в России. М.: ИГиП РАН, 1995. С. 131-144.

³⁵ Barker R., Constitutionalism in the Americas: A Bicentennial Perspective // University of Pittsburgh Law Review, Spring 1988. Vol. 49. P. 891.

дарства строятся на религиозных принципах. Многочисленные мусульманские государства, тщательно оберегая свой светский характер, то провозглашают свою независимость «с благословения Всемогущего Аллаха» (Конституция Республики Индонезия), то напоминают, что «суверенитет над всем миром принадлежит Всемогущему Аллаху», а создаваемое демократическое государство основывается «на исламских принципах социальной справедливости» (Конституция Исламской Республики Пакистан). Или, например, в одной из самых первых статей Конституции Арабской Республики Египет записано: «Семья – ячейка общества, основанная на религии, морали и патриотизме» (ст. 9 Конституции АРЕ), что делает предмет конституционной охраны конкретным и понятным гражданам государства. Однако, недостаточно провозглашать религиозность, необходимо, чтобы высокие духовно-нравственные принципы пронизывали всю реальную деятельность общества и государства.

Европа опаздывает. Опаздывает и на Западе, и на Востоке. С межгосударственной интеграцией во всех её моделях надо спешить, иначе человечество не сможет согласованными усилиями перейти к устойчивому развитию и просто погибнет от бездуховности, демографического вырождения и глобальных катаклизмов. И произойдет это из-за взаимного недоверия и разобщенности. Пора перестать слушать и слышать только себя, надо выслушать и услышать друг друга. Пора услышать и Обращение Предстоятелей двух крупнейших Христианских церквей от 13 февраля 2016 г. и приступить к непростому процессу взаимопомощи. Цивилизационный выбор в эпоху вялотекущей духовно-нравственной катастрофы должен быть сделан в пользу интеграционного конституционализма и взаимного доверия.

Зигмунд Антонович Станкевич

«Старая» Европа, «новая» Россия и страны «между»: как жить дальше?

Abstract: The article is an attempt to comprehend the current geopolitical situation in Europe in the context of relations between Russia and the EU and NATO member states. It also suggests possible ways to reduce tensions and ensure mutual security which is based, inter alia, on time-tested experience.

Keywords: Europe, Russia, EU, NATO, geopolitics, security, sovereignty, neutrality, cooperation, interstate conflicts, war, peace

Вопрос, выведенный в заголовок этой статьи-размышления, порожден тем грандиозным, но пока ещё недостаточно осознанным геополитическим кризисом, свидетелями которого мы все являемся сегодня, и к которому Большая Европа (от французского Бреста до российского Владивостока), как представляется, дружно шла, как минимум, последние 20 лет¹. Наречие «дружно» здесь используется вовсе не для красного словца, а для того, чтобы особо подчеркнуть, что нынешняя напряженность в отношениях

---

¹ С момента четвёртого расширения НАТО в 1999 г.

между Западом и Востоком континента, при деятельном участии в ее поддержании стран, расположенных между этими двумя полюсами, местами граничащая с реальной угрозой возникновения крупномасштабного, возможно, даже военного конфликта, не имеет только одного автора. Это – коллективное творение практически всех участников европейского политического процесса, хотя степень их вовлеченности и, соответственно, вины за происходящее естественным образом различается.

Одно дело – крупные игроки на европейской сцене (Великобритания, Германия, Россия, Франция²), экономический, политический и военный потенциал которых позволяет им не только проводить практически независимую собственную внешнюю политику, но и оказывать решающее влияние на деятельность союзов и блоков (альянсов), членами которых они являются³. Более того, эти страны, при выраженной политической воле со стороны их государственного руководства, в состоянии существенно повлиять на общую атмосферу в Европе, совместно стимулируя позитивные тенденции (к согласию и сотрудничеству) и нейтрализуя неизбежно возникающие конфликты. И это вне зависимости от того, что на сей счёт думают основные внешние партнеры европейцев (в широком понимании данного определения) – США и КНР.

Конечно, привилегия решать невозможна без соответствующей ответственности. Поэтому не будет большим преувеличением утверждение, что львиная доля вины за ныне происходящее на континенте ложится именно на вышеуказанную «четвёрку». Как представляется, именно она на переломе 80-х и 90-х гг. XX в. имела поистине уникальную возможность открыть принципиально

² Во избежание не соответствующего авторской позиции толкования «иерархии» государств, здесь и далее они перечисляются в алфавитном порядке.

³ Ярчайший пример последнего времени – франко-германские договоренности относительно персонального состава нового руководства Евросоюза. Что касается России, то без ее согласия немыслимо принятие важных решений в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) или Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

новую страницу в истории Европы, навсегда покончив с «разделительными линиями» на ее многострадальном теле. Однако, этот шанс, к великому сожалению, был бездарно упущен – верх в очередной раз, наподобие тому, как это уже происходило, например, после Первой и Второй мировых войн, взяли разнонаправленные эгоистические интересы, препятствующие достижению общеевропейского единства.

Для трех западноевропейских держав (при самом активном участии США) это было стремление извлечь максимальную стратегическую выгоду из поражения в Холодной войне своего основного геополитического соперника на континенте (в лице СССР), лишив его преемника возможности когда-либо в будущем восстановить бывшее влияние и могущество. Отсюда их неудержимое желание превратить западную границу РФ (от Баренцева моря до Каспия) в восточную границу ЕС и НАТО. Отсюда – активное противодействие, в различных формах, любым глубоким интеграционным процессам на территории бывшего СССР, которые инициирует или возглавляет Россия. Наконец, отсюда – чрезвычайно опасные для европейской и глобальной безопасности действия западных союзников по фактическому воссозданию вокруг России т.н. санитарного кордона.

Однако, было бы крайне необъективно возложить всю ответственность за сложившееся положение лишь на ведущие западные державы. Не без греха и сама Россия, которая вначале, желая утвердиться в своем новом политико-государственном качестве, внесла решающий вклад в развал Советского Союза⁴ и всячески (как действиями, так и бездействием) поощряла центробежные тенденции на всем постсоциалистическом и постсоветском пространстве, а затем, когда уже решительно изменилась внутрисоветская и международная конъюнктура (после ухода от власти Б. Ельцина и 9/11 в Нью-Йорке), встала на путь возрождения

⁴ Подробнее см.: Станкевич З.А., Советский Союз. Обрыв истории. М.: Книжный мир, 2016.

традиционной имперскости⁵, только теперь не на почве банальной «дружбы народов», а на основе вульгарного экономического детерминизма и примитивного политического национализма, странная комбинация которых почему-то выдается за современный подход к интеграции.

Свою лепту в ухудшение общей обстановки в Европе в плане стабильности и безопасности, естественно, внесли и другие государства, расположенные в разных частях континента. Хотя здесь необходимо сделать важную оговорку. Одно дело, когда государство, его правящие круги действуют в русле некой общей стратегии, выработанной в рамках союза или блока, в котором данная страна состоит, но в тактических вопросах сохраняет самостоятельность, необходимую для более полной реализации национальных интересов, как это мы видим, к примеру, в политике по отношению к России руководства Италии, Австрии или Венгрии. Совсем другое – когда государства, добровольно или под чужим давлением, идут на сознательное обострение отношений с Россией, полагая таким образом продемонстрировать свою «особую принципиальность» или «непоколебимую верность союзническим отношениям», пусть даже в ущерб собственным интересам, как это недавно сделала Дания, ставящая преграды на пути реализации проекта «Северный поток – 2», а несколько раньше, в 2014 г. – Болгария, фактически заблокировавшая, по требованию Европейской Комиссии (ЕК), аналогичный «Южный» проект поставки российского газа европейским потребителям⁶.

Среди стран, расположенных «между», особое место занимают европейские государства, непосредственно граничащие с Российской Федерацией. Как известно, таких сегодня восемь

⁵ Быков Д., 20 лет Путина и 20 лет отката назад // Собеседник, 13.08.2019. <https://sobesednik.ru/dmitriy-bykov/20190812-putin-20-let-otkata-nazad> (дата обращения: 13.08.2019).

⁶ Злобин А., Газовое дежавю. Болгария попросила возобновить «Южный поток» // Forbes, 21.05.2018. <https://www.forbes.ru/biznes/361789-gazovoe-dezhavyu-bolgariya-poprosila-vozobnovit-yuzhnyy-potok> (дата обращения: 16.08.2019).

– Белоруссия, Латвия, Литва, Норвегия, Польша, Украина, Финляндия и Эстония⁷. Из них: пять стран далеко не дружелюбного ЕС (Латвия, Литва, Польша, Финляндия и Эстония), столько же государств-членов откровенно противостоящего НАТО (Латвия, Литва, Норвегия, Польша и Эстония), одно государство, с которым РФ находится в процессе глубокого и затяжного кризиса (Украина), и одно, с которым, в целом, существуют дружеские, добрососедские межгосударственные отношения, обличенные в форму Союзного Государства России и Белоруссии. Таким образом, Россия сегодня вынуждена существовать и взаимодействовать с соседями в положении, которое, на взгляд автора, по целому ряду показателей, прежде всего, касающихся геополитических позиций страны и безопасности государства, сравнимо или даже хуже того состояния, в котором находился Советский Союз накануне Второй мировой войны.

Необходимо особо подчеркнуть, что, делая подобный вывод, автор лишь фиксирует некое объективно существующее положение, ничуть не претендуя ни на выявление его действительных причин (это тема отдельного, глубокого и всестороннего исследования)⁸, ни, тем более, на распределение ответственности за происходящее, что неизбежно заставило бы занять чью-то позицию и, тем самым, лишило возможности взглянуть на ситуацию объективно, дабы попытаться предложить более или менее реалистический выход из явно наметившегося тупика. А то, что он фактически имеет место, свидетельствуют хотя бы сообщения о жонглировании на грани войны, почти ежедневно приходящие,

⁷ Условно, к этому списку можно добавить ещё стран-членов Совета Европы – Грузию и Азербайджан, а также официально признанные Российской Федерацией Республику Абхазию и Республику Южную Осетию.

⁸ По мнению автора, нынешний накал напряжения в отношениях между РФ и ее европейскими соседями невозможно объяснить лишь украинским и грузинским «казусами», либо стремительной, ничем не оправданной в глазах России экспансией НАТО на Восток. Для этого есть целый комплекс исторических, геополитических, экономических, культурно-цивилизационных и военно-стратегических причин, без четкого понимания которых, объективный подход к проблеме невозможен.

к примеру, с одной из самых чувствительных зон российско-западного противостояния – с региона Балтийского моря⁹.

Взрывоопасную, в целом, ситуацию усугубляет и то обстоятельство, что противоборствующие стороны не проявляют ни малейшего стремления к поиску взаимоприемлемых компромиссов, способных понизить уровень напряженности. Они словно соревнуются в «повышении ставок», хотя время от времени происходят формальные встречи полномочных представителей¹⁰ и на вербальном уровне речь по-прежнему идет исключительно о «миролюбивых целях» и сугубо «оборонительных задачах». На деле же мы с обеих сторон наблюдаем активную подготовку к предстоящей конфронтации, другими словами – к возможному военному решению имеющихся противоречий, которые многим «по обе стороны фронта» уже представляются антагонистическими. И в этом есть определенная логика – ведь невозможно сегодня себе представить, чтобы, ради улучшения взаимоотношений, например, Запад вдруг решил бы на ликвидацию военной инфраструктуры НАТО в Восточной Европе, а Россия, в свою очередь – дала соответствующие гарантии безопасности, подкрепленные военно-техническими мерами, приграничным государствам и осуществила демилитаризацию Калининградской области.

Таким образом, непрерывно ужесточается политика сдерживания России¹¹, усиливаются попытки ее геополитически «запереть» в нынешних границах РФ, используется любой повод для нейтрализации ее влияния на постсоветском пространстве, что неизбежно влечет за собой ответную реакцию в виде наращивания военного потенциала страны и точечных, но весьма болезненных

⁹ См.: Отогнали F-18: самолет НАТО сближился с бортом Шойгу. Газета.ru, 14.08.2019. <https://www.gazeta.ru/army/2019/08/13/12577087.shtml> (дата обращения: 14.08.2019).

¹⁰ На встрече Совета НАТО-Россия достичь сближения не удалось. DW, 25.01.2019. <https://www.dw.com/ru/a-47236647> (дата обращения: 25.08.2019).

¹¹ См.: Nato will Russland ohne Wettrüsten abschrecken // Frankfurter Allgemeine Zeitung, 10.08.2019. <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/nato-will-russland-ohne-wettruerten-abschrecken-16326194.html> (дата обращения: 10.08.2019).

для некоторых соседей России мер «по исправлению исторической несправедливости», как минимум, на территории бывшего СССР. И так по спирали вверх. Понятно, что подобная эскалация, помимо угрозы общеевропейской безопасности, создает ещё огромную, поистине экзистенциальную опасность, прежде всего, для государств «первого ряда» (непосредственно граничащих с РФ), территория которых, в случае возникновения крупного военного конфликта между т.н. коллективным Западом («старая» Европа + США + отдельные страны «между») и Россией, вмиг превратится в поле разрушительного, смертельного боя со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так стоит ли игра свеч? Тем более, что в этой драке победителей определено не будет...

Ясно, что ответ здесь может быть только отрицательным. А дальше требуется четкое понимание того, каким может быть оптимальный выход из этой взрывоопасной ситуации, который позволил бы одновременно, к тому же в максимально щадящем для вовлеченных в данный процесс государств режиме, решать три тесно взаимосвязанные задачи. *Во-первых*, исключить саму возможность возникновения полномасштабной войны или крупного военного конфликта в Европе. *Во-вторых*, обеспечить долгосрочное стратегическое равновесие в Европе как базовый инструмент сохранения мира и стабильности на континенте. *В-третьих*, гарантировать суверенитет, территориальную целостность и безопасность государств «между», прежде всего – государств «первого ряда».

Решение этих задач – дело чрезвычайно сложное, с учетом крайней запущенности имеющихся проблем, требующее от всех участников процесса нормализации не просто доброй воли и конструктивности, но и готовности использовать, наряду с принципиально новыми подходами, оправдавшие себя в прошлом формы и способы выхода из острых европейских ситуаций, в том числе, на институционально-договорной основе. Фактически, речь идет о новом издании *Realpolitik*, вбирающем в себя все то лучшее, что

дал миру и Европе данный политический подход, начиная с времен О. фон Бисмарка и заканчивая разрядкой в отношениях между Западом и СССР периода 1966 – 1979 гг.¹² Речь идет также об инициации и практическом (политико-организационном) запуске нового «Хельсинкского процесса» (условно, «Хельсинки-2»), включая подготовку и подписание нового Заключительного акта и «переформатирование» ныне действующей Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), деятельность которой давно уже потеряла изначальный смысл и фактически превращена в простой инструмент коллективного давления на Россию и прочие «непослушные» страны¹³.

Наконец, речь идет о новом понимании, а точнее – новой интерпретации постоянного (государственного) нейтралитета, без полноценного возрождения которого в специфических условиях XXI в., по твердому убеждению автора, не удастся создать новую, более эффективную систему европейской безопасности. Ведь сегодня нейтралитет в объединенной Европе, как правило, ассоциируется лишь с такими «старыми» странами как Австрия, Мальта, Финляндия, Швейцария и Швеция. А «младоевропейцы» видят панацею от любых угроз и опасностей лишь в виде «зонти-

¹² Как известно, разрядка началась с визита в Москву Президента Франции Ш. де Голля летом 1966 г. и фактически завершилась в декабре 1979 г., с вводом в Афганистан ограниченного контингента советских войск. На взгляд автора, эти 13 лет разрядки, с точки зрения европейской безопасности, могут рассматриваться в качестве одного из лучших и самого перспективного периода во всей послевоенной истории континента.

¹³ Справедливости ради следует отметить, что государства, подписавшие Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству (СБСЕ), включая уже явно разваливающийся к тому времени Советский Союз, в период с ноября 1990 г. (Парижское совещание глав государств и правительств государств-участников СБСЕ) по декабрь 2010 г. (Алма-Атинский саммит ОБСЕ) неоднократно пытались «приспособить» данную систему европейской безопасности к требованиям кардинально изменившейся геополитической обстановки на континенте. Было принято множество деклараций, хартий и прочих документов с звучными, вдохновляющими названиями: например, Парижская хартия для новой Европы, документ «Вызов времени перемен», декларация «О модели общей и всеобъемлющей безопасности для Европы XXI в.», Хартия европейской безопасности и пр. Однако все они, как видно из сегодняшней ситуации, не смогли найти «нового ключа» к решению новых проблем, возникших после исторического перелома 1989-1991 гг. Как представляется, так произошло по одной простой причине – Европу вновь поделили на «выигравших» и «проигравших».

ка НАТО», всецело и, как представляется, легкомысленно полагаясь только на военную мощь этого блока и чудотворную силу ст. 5 Устава Альянса, чем в современных условиях автоматически противопоставляют себя России и ее союзникам¹⁴.

Между тем, на наш взгляд, не меньшее, а может и намного большее значение (особенно, с точки зрения материально-финансовых затрат государств и сохранения морально-психологического спокойствия их населения) для общеевропейской и их собственной безопасности имел бы добровольный, поэтапный, хорошо управляемый, коллективный и гарантированный соответствующими соглашениями переход ряда стран Восточной и, возможно, Центральной Европы (прежде всего, государств бывшего советского блока и бывших советских республик, включая те, которые сегодня не являются членами Североатлантического альянса) в разряд нейтральных. Таким образом, между «старой» Европой и «новой» Россией, являющейся неотъемлемой частью континента, была бы создана серьезная буферная зона (не путать с «санитарным кордоном»), способная не только предотвратить угрозу прямого военного столкновения европейских государств, но и свести до минимума значение существующих между ними «разделительных линий» — хотя бы до тех славных дней, когда у европейцев всех мастей вновь найдется время и воля обратиться к светлой идее Европы «от Лиссабона до Владивостока».

Предвосхищая возможные возражения либо обвинения в идеализме, хочу заметить, что постоянный нейтралитет сегодня не обязательно предполагает отказ государств, обладающих данным статусом¹⁵, от участия в разнообразных блоках и союзах, в том числе, имеющих целью совместную защиту общих стратегических

¹⁴ См.: Польша готова к размещению ядерных ракет США в Европе. [rus.DELFI.lv](https://rus.delfi.lv/news/daily/abroad/polsha-gotova-k-razmescheniyu-yadernyh-raket-ssha-v-evrope.d?id=51398445), 24.08.2019. <https://rus.delfi.lv/news/daily/abroad/polsha-gotova-k-razmescheniyu-yadernyh-raket-ssha-v-evrope.d?id=51398445> (дата обращения: 24.08.2019).

¹⁵ По мнению автора, международно-правовой статус нейтрального европейского государства XXI в. может и должен быть закреплен в новом Заключительном акте нового СБСЕ.

интересов. Одно условие – территория этих государств ни при каких обстоятельствах не может быть использована в качестве плацдарма для военного или иного силового, в том числе, сдерживающего воздействия на третьи страны, на ней не могут находиться иностранные военные формирования любого рода, она должна быть полностью демилитаризована, а собственные вооруженные силы должны быть преобразованы в силы национальной самообороны, со всеми вытекающими отсюда последствиями¹⁶.

Однако было бы в корне неверно сводить новую интерпретацию постоянного нейтралитета стран «между» лишь к их демилитаризации, на которую, понятное дело, никто не согласится, не обладая, к тому же в опережающем порядке, твердыми международными гарантиями собственной безопасности, национально-государственного самосохранения, неделимости суверенитета и территориальной неприкосновенности. А это означает, что переход того или иного европейского государства в разряд нейтрального может состояться лишь на основе многостороннего пакетного соглашения с участием самого будущего «нейтрала» и государств-гарантов, закрепляющего как права и обязательства сторон, так и механизмы (политический и организационно-правовой) его реализации. С учетом того, что столь сложный переход, по определению, не может быть одномоментным актом, в соглашении желательно схематически прописать этапы переходного процесса, на каждом из которых стороны решают конкретные задачи, последовательно двигаясь к поставленной цели.

И, конечно, в соглашении должны быть детально зафиксированы те гарантии, которые даются стране, избравшей для себя путь нейтрального государственного существования. Вопрос гарантий здесь далеко непростой, поскольку, как показал опыт последних

¹⁶ Имеется в виду, что эти силы не будут иметь ни военно-организационной, ни военно-технической возможности вести операции наступательного характера.

десятилетий¹⁷, большого доверия к ним в том виде, в каком они предоставлялись до сих пор, сейчас в международном сообществе нет. Одна из ключевых причин такого положения, на мой взгляд – отсутствие универсального понимания основных угроз существованию современного независимого государства и единых критериев их оценки, допускающей какое-либо внешнее вмешательство, направленное на устранение этих угроз. Как следствие, в международной практике по-прежнему царят двойные стандарты, при которых все определяется согласно древней поговорке: «*Quod licet Iovi (Jovi), non licet bovi*»¹⁸.

Ярче чем где-либо действие данной поговорки сегодня проявляется в вопросе о сохранении территориальной целостности государств. Особенно, когда общепризнанный принцип международного права вступает в реальное, порой достаточно острое противоречие с другим признанным международным установлением – правом наций на самоопределение¹⁹, которое, как известно, приобрело новую актуальность после распада т.н. социалистической системы и крушения Советского Союза, став причиной ряда драматических, порой кровопролитных конфликтов, не только больно затронувших вовлеченные в них стороны, но и негативно отразившихся на общем политическом климате на континенте.

Впрочем, не чужда этой вечной проблеме и Западная Европа – достаточно вспомнить Каталонию и Шотландию. Именно поэтому европейцам, включая Россию как органическую и неотъемлемую часть нашего континента, пора выработать общий подход к решению подобного рода проблем и закрепить его в некой юри-

¹⁷ Прежде всего, отделение Косово и присоединение Крыма.

¹⁸ Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку (латинск.)

¹⁹ Сегодня сложно говорить об этом праве «в чистом виде», в том, в каком его воспринимали и реализовывали ещё в XX в. В настоящее время, в условиях непрекращающейся глобализации и массовой миграции, речь, скорее, может идти о праве на самоопределение крупных, порой многонациональных общностей людей, тем не менее, связанных единством языка, территории, религии, обычаев и традиций, культуры, восприятия своего общего прошлого и видения общего будущего.

дической, обязывающей форме. Более того, желательно на международно-правовом уровне зафиксировать основные механизмы и процедуры подготовки и принятия таких решений, позволяющие, с одной стороны, надежно защитить государства (особенно, небольшие, не обладающие серьезными ресурсами для этих целей) от разрушительного внутреннего сепаратизма и агрессивных посягательств извне, а с другой – обеспечить демократический «развод» в тех случаях, когда на то есть свободно выраженная коллективная воля людей и исчерпаны все остальные возможности сохранить мирное сосуществование на одной территории.

Возвращаясь к теме гарантий, следует обратить внимание на важнейший вопрос безопасности государств, который, как известно, сегодня не исчерпывается только военной проблематикой, хотя она в обозримом будущем, скорее всего, сохранит лидирующие позиции. Не менее важна их политическая и экономическая безопасность, выражающаяся в способности государства эффективно противостоять различным (открытым и скрытым) невоенным угрозам его суверенному существованию. По завершению Холодной войны, абсолютное большинство европейских государств, географически расположенных между Востоком и Западом континента, как уже отмечалось, решает данную проблему достаточно нехитрым способом – путем безоглядного ухода «под крыло» более сильного, на данный исторический момент, объединения, каким, вне всяких сомнений, три последних десятилетия является и ещё некоторое время останется «комплекс ЕС-НАТО».

Но будет ли так всегда? Особенно, с учетом тех «тектонических сдвигов», которые уже наметились и стали достаточно серьезно влиять как на общеевропейские дела, так и на судьбу отдельных членов т.н. европейской семьи²⁰. Не говоря уже о том, что никто

²⁰ Имеется ввиду, прежде всего, Brexit и отчетливая тенденция к усилению национального (национально-государственного) фактора в политике ряда стран-членов ЕС, что чисто объективно подтачивает европейское единство.

сегодня не возьмется точно предсказать, каким будет влияние на объединенную Европу через лет десять-двадцать таких глобальных гигантов как США, Россия или Китай. И, вообще – как изменится баланс сил на планете? Ведь в мире, как известно, нет ничего неизменного, все имеет свое начало, развитие и конец, в том числе, в области международной политики, в сфере отношений между государствами и их объединениями.

Как представляется, с учетом данной аксиомы и следовало бы искать рассчитанный на долгосрочную перспективу институциональный способ гарантирования независимости, безопасности и всестороннего поступательного развития каждой европейской страны – вне зависимости от ее величины, ресурсов и способности действительно влиять на принятие коллективных решений, затрагивающих, в том числе, ее жизненные интересы. Фактически, речь идет о том, чтобы в рамках единой Европы усилить роль и значение макрорегионов, понимая под этим группы государств, объединенных территориальным расположением, общим историческим прошлым, культурно-цивилизационной близостью, геополитической и прочей спецификой, совместимыми интересами²¹.

Впрочем, это не единственный возможный путь решения проблемы институциональных гарантий. В качестве альтернативы можно было бы подумать о создании в Европе мощной региональной организации Движения неприсоединения (ДН), главным об-

²¹ Неким прообразом такого европейского макрорегиона можно было бы считать существующую с 1991 г. т.н. Вишеградскую группу (V4 – Венгрия, Польша, Словакия и Чехия). С тем лишь отличием, что в предлагаемом варианте подобное объединение государств (макрорегион) могло бы обладать определенной коллективной автономией в рамках ЕС, предполагающей, в частности, коллективный голос при решении важнейших общеевропейских вопросов, гарантированное представительство в высшем руководстве ЕС и право на выборочное исполнение общих решений, если они противоречат жизненным интересам государств макрорегиона. Фактически, речь идет о постепенной конфедерализации ЕС, которая, по мнению автора, наиболее полно соответствует наметившейся с некоторых пор тенденции к усилению роли и значения национальных государств. Кроме этого, указанная конфедерализация позволила бы скорее принять в состав ЕС все желающие того страны Европы и, одновременно, отказаться от принципа единогласия стран-членов ЕС при принятии решений, который уже теперь серьезно затрудняет работу Союза, а в будущем может просто парализовать его деятельность.

разом, из числа государств, не являющихся членами НАТО или ОДКБ²². Нет сомнений в том, что такая организация, при ответливом желании руководителей ее стран-участниц активно дистанцироваться от любой конфронтационной политики в Европе, хорошо послужила бы делу утверждения на континенте, на долгосрочной основе, атмосферы взаимопонимания и сотрудничества, а заодно – укреплению общей безопасности и стабильности, в условиях которой неизбежно возникающие между государствами конфликты разрешаются исключительно за столом переговоров, с обязательным учетом коренных интересов всех вовлеченных сторон.

Необходимость совместными усилиями вернуть Большую Европу к существованию в условиях, достойных этого великого, во всех смыслах, континента, сегодня должна быть понята и принята не только в Москве и Брюсселе, Берлине, Лондоне и Париже, но и в столицах государств «между», от конструктивной позиции которых для дела нормализации, кстати, нередко зависит больше, чем от громких заявлений и грозных резолюций мало что решающих органов и организаций. Но прежде все европейцы должны прийти к согласию по ряду принципиальных вопросов, которые впоследствии могли бы лечь в основу нового, более адекватного современной ситуации подхода к безопасности и сотрудничеству в рамках их «общего дома».

Во-первых, следует признать, что только разнообразие, базирующееся на свободном выборе народами способа своего существования, может служить надежной основой для обеспечения мирного и поступательного развития Европы и всех ее государств. Никто, в том числе объединения государств, не имеет монопольного права на унификацию политической, экономической, социальной и культурной жизни на континенте, а попытки

²² К примеру, Белоруссия является членом Движения неприсоединения несмотря на то, что, одновременно, участвует в ОДКБ и в «Партнёрстве во имя мира» под эгидой НАТО.

навязать свои стандарты, от кого бы они не исходили, чем бы не обосновывались и в какой бы форме не предпринимались, ведут лишь к конфликтам и никому не нужной конфронтации. Другими словами, европейская толерантность по отношению к личности, уважение к ее самобытности, неповторимости и естественным правам должна в полной мере экстраполироваться на любую европейскую нацию, создавшую свою суверенную государственность.

Во-вторых, надо согласиться с тем, Россия является неотъемлемой, хотя и специфической (в силу своего расположения на двух частях света и в связи со всеми вытекающими отсюда последствиями) частью Европы и останется таковой до тех пор, пока будет существовать этот континент. Различия в подходах к устройству жизни на континенте и связанные с этим противоречия между Россией и другими европейскими государствами, прежде всего, членами евроатлантического сообщества (ЕС и НАТО), носят естественный и фундаментальный характер, и не могут быть устранены путем давления на российское государство, его изоляции, либо с использованием иной формы «наказания» (например, политических или экономических санкций). Поэтому единственным рациональным путем сближения России и остальной Европы следует считать их постепенную конвергенцию в условиях мирного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества.

В-третьих, необходимо исходить из того, что, хотя геополитические изменения в Европе по завершению Холодной войны и являются необратимыми, это не исключает возможности серьезной перегруппировки сил на континенте в будущем, появление на нем, в качестве самостоятельных «игроков» и наряду с уже существующими, новых государств и их объединений²³, которые будут претендовать на свое реальное участие в определении су-

²³ Нельзя исключить, например, появление в обозримом будущем на востоке Европы нового совместного российско-белорусского государства, равно как и превращение ЕАЭС в более интегрированное (в т.ч., в политическом смысле) объединение.

деб континента. А это означает, что монополия ЕС на европейскую интеграцию, рано или поздно, может быть ликвидирована или, как минимум, ограничена. Поэтому необходимо уже сегодня совместно думать о взаимоприемлемом и идущем на пользу всей Европе способе совмещения коренных интересов Востока и Запада, Севера и Юга нашего континента.

В-четвертых, требуется четкое общее понимание того, что Европа – это, прежде всего, «общий дом» европейцев и только они вправе устанавливать порядки на континенте. Практически, это означает, что совместными усилиями надо найти приемлемую форму ограничения внешнего политического, экономического, военного, культурно-информационного и прочего влияния на европейские дела, постепенно и на равноудаленной основе сокращая возможности в этом плане, главным образом, двух мировых лидеров – США и КНР. Речь, естественно, не идет о разрыве существующих связей, но недопустимо, когда блоковая дисциплина или союзнические обязательства приобретают характер более или менее открытого диктата сильнейшего партнера и становятся обычным инструментом реализации на континенте чужих, неевропейских интересов.

Наконец, *в-пятых*, необходимо общее понимание того, что ни одна проблема современной Европы не может быть решена с использованием силы или с помощью угрозы ее применения. Объективно возникающие между европейскими государствами разногласия, противоречия и конфликты любой сложности могут и должны разрешаться исключительно за столом переговоров, в ходе двустороннего или многостороннего диалога, путем поиска взаимоприемлемых компромиссов и при взаимном учете национальных интересов.

В завершение хотел бы отметить, что работа над новой архитектурой европейской безопасности и сотрудничества, архитектурой, учитывающей в полной мере уроки последнего 30-летия, особенности и тенденции развития Европы в XXI в., является

чрезвычайно актуальной и важной задачей всех европейских государств – от крохотного Люксембурга до гигантской России. Об этом уже активно пишут ученые и специалисты-эксперты в области межгосударственных и международных отношений²⁴, громко заявляют наиболее дальновидные политики, включая руководителей государств²⁵. Будем надеяться, что вскоре эти пока ещё мелкие ручейки здравого смысла и доброй воли превратятся в бурный поток, который снесет все преграды на пути к истинному единству нашей общей Европы.

---

²⁴ См., например: Пастухов В., Мюнхен или Хельсинки? МБХ медиа, 26.08.2019. <https://mbk-news.appspot.com/sences/munxen-ili-helsinki> (дата обращения: 26.08.2019); Россия в XXI в.: глобальные вызовы, риски и решения. Анализ. Экспертиза. М., 2019.

²⁵ См.: Макрон: «Мы определенно являемся свидетелями конца западной гегемонии в мире». ИНОСМИ.ру, 28.08.2019. <https://inosmi.ru/politic/20190828/245721003.html> (дата обращения: 28.08.2019); Статья министра иностранных дел России С.В. Лаврова: «Мир на перепутье и система международных отношений будущего» для журнала «Россия в глобальной политике». http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJEo2Bw/content/id/3792556 (дата обращения: 20.09.2019).

Борис Павлович Гуселетов

Перспективы развития сотрудничества между Евросоюзом, РФ и Китаем

Abstract: The article presents an analysis of the current relations between Russia and the European Union (EU), Russia and China, and China and the EU. It also outlines prospects for the development of their cooperation (including within the framework of the Chinese initiative "One Belt, One Way" (BRI), which provides for the creation transport corridor between China and Europe). It also considered options for integrating the project of the Eurasian Economic Union and the BRI initiative, and for closer interaction between the EAEU and the EU.

Keywords: Russia, the European Union, China, the EAEU, cooperation, BRI

Одной из отличительных особенностей современной системы международных отношений является то, что ее основные игроки в значительной степени ориентируются на решение своих внутренних проблем, а не проблем международных. Это соображение в той или иной мере относится к США, России, Китаю, Индии, и особенно к Евросоюзу, который вынужден одновременно решать проблему брексита, заниматься формированием руководящих органов (Еврокомиссия, ЕЦБ и др.), укреплять финансовую дисциплину в зоне евро, вырабатывать общую по-

литику в вопросе миграции и решать массу других, крайне важных внутренних дел.

Но Евросоюз по своей природе гораздо в большей степени зависит от окружающего мира, чем США, Россия, Китай или Индия. И любые проявления изоляционизма чреваты для него серьезными проблемами в экономике, финансовой области, сфере безопасности. Сегодня Евросоюз меньше уделяет внимания его внешнему окружению, но при этом само внешнее окружение проявляет к Евросоюзу значительный интерес. Особенно это касается Китая, и отчасти России. В конце 2018 г. председатель КНР Си Цзиньпин посетил Мадрид и Лиссабон, в ближайшее время он намеревается побывать в Риме и Париже, а китайская дипломатия ведет активную подготовку к двум многосторонним саммитам 2019 г. – с ЕС в целом и рядом его стран-членов в формате «16+1» (16 стран Центральной Европы и Балканского полуострова).

Российский президент В. Путин недавно встречался с Президентом Франции Э. Макроном, который все более явно претендует на роль нового лидера ЕС.

За этими встречами в верхах, несомненно, стоят важнейшие экономические и политические интересы великих мировых держав, которые стали особенно понятны на фоне агрессивной торгово-экономической политики США, выразившейся во введении серьезных санкций против России, КНР и ЕС.

В этих обстоятельствах особое значение приобретает активное стремление Пекина реализовать его амбициозную инициативу «Один пояс, один путь» (ОПОП), которая позволит ему обеспечить сухопутное сопряжение с Европой. Именно Европа является конечной географической целью проекта «Один пояс, один путь». Европа – важнейший источник инвестиций, управленческих моделей и социальных практик для КНР. А по мере обострения китайско-американских торгово-экономических и по-

литических отношений значение Евросоюза для Китая возрастает еще больше¹.

Россия и ЕС, которые являются ключевыми игроками для успешной реализации этого глобального проекта, в ответ на китайскую инициативу в свою очередь разрабатывают собственные меры, свидетельствующие о готовности сотрудничать с Китаем. Евросоюз даже признал это официально в его недавно опубликованной новой стратегии по Центральной Азии, в которой развитие инфраструктуры на евразийском континенте названо одной из возможных областей, в которых следует развивать кооперацию с внешними партнерами.

Однако пока неясно, как именно будет реализовано подобное взаимодействие – особенно в отношении Москвы. Несмотря на то, что сотрудничество России и ЕС в области инфраструктуры в Центральной Азии в краткосрочном периоде видится маловероятным из-за ситуации на Украине, перспективы для сотрудничества (пусть и слабые) все же остаются. Очевидно одно: у КНР, России и ЕС есть общий интерес – развитие инфраструктуры вдоль транспортного коридора Китай – Европа, проходящего по российской территории и являющегося частью Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). Этот наземный коридор, пролегающий через Центральную Азию, включая Казахстан, известен как Новый шелковый путь.

Пекин уже осуществил значительные вложения в создание этого «моста». Первый его отрезок – железнодорожная ветка, соединяющая Китай с Казахстаном в районе Хоргосского пограничного перехода, частично построен. ЕС и РФ все более ясно осознают их взаимную зависимость от поддержки и участия друг друга

¹ Боссю Ф., Инфраструктурное сотрудничество в Евразии: возможно ли взаимодействие между Россией, Китаем и ЕС в Центральной Азии?, 5.06.2019 г. Российский Совет по международным делам. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/infrastrukturnoe-sotrudnichestvo-v-evrazii-vozmozhno-li-vzaimodeystvie-mezhdu-rossiei-kitaem> (дата обращения: 20.09.2019).

для успешного завершения строительства данного евразийского транспортного коридора.

В рамках ЭПШП существует сухопутный коридор между КНР и Европой, который также проходит через Центрально-Азиатский регион и пролегает в обход России. И Пекин тоже активно инвестирует в его строительство.

1. Реалии и перспективы российско-европейского сотрудничества

Поскольку дипломатические отношения между ЕС и Россией переживают худший период за всю историю, идея о возможном взаимодействии сторон в области совместного развития инфраструктуры в Центральной Азии кажется сегодня маловероятной. Тем не менее, перспективы для сотрудничества сохраняются. И у ЕС, и у России нет иного выбора, кроме как реагировать на амбициозную китайскую инициативу. Общий интерес Брюсселя и Москвы состоит в том, чтобы найти модель взаимодействия с инициативой ОПОП, и постараться хоть как-то нейтрализовать быстро растущее влияние Пекина в Евразии. Это толкает обоих игроков навстречу друг другу в Центральной Азии и открывает новые возможности для их кооперации. Хотя официально ЕС пока заявляет о нежелании налаживать более тесные контакты с Россией, неформальный диалог с ней по Центральной Азии по-прежнему ведется.

Россия со своей стороны все так же добивается установления официальных связей между ЕС и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), что вписалось бы в ее концепцию Большого евразийского партнерства (БЕП), которая предполагает не интеграцию, а кооперацию регионов, повышение связанности вос-

точных и западных стран, и их политическое сближение². Но на сегодня Евросоюз не готов взаимодействовать с ЕАЭС из-за ряда претензий к его незавершенности как таможенного и экономического союза.

Хотя российская концепция БЕП уже доказала свою целесообразность в разрешении ряда внешнеполитических дилемм, она по-прежнему нуждается в дальнейшем развитии, чтобы обеспечить продвижение и защиту долгосрочных интересов России путем переформатирования ее отношений с ЕС и Китаем по ключевым направлениям сотрудничества.

Вместе с тем, не стоит забывать, что идея Большой Евразии родилась из противоречивых импульсов, которые продолжают лежать в её основе. Поэтому российской элите нужно не пересматривать данную мировоззренческую установку в целом, а переосмыслить ее отдельные концептуальные основы для того, чтобы усилить многовекторность российской внешней политики³.

Своим рождением концепция БЕП была обязана разочарованию, которое было вызвано неспособностью России и Евросоюза создать единое экономическое пространство от Лиссабона до Владивостока. Поэтому, сам по себе, проект Большая Евразия во многом вызван ответной реакцией на продемонстрированное Брюсселем отторжение Москвы: Евросоюз больше не сможет относиться к России как к младшему партнеру, от которого ждут соблюдения его законов и норм. Скорее, Россию теперь придется признать равноправным партнером, и ЕС сможет присоединиться к сообществу Большой Евразии только при согласии с ее плюралистическими принципами. Такой подход позволит упорядочить отношения между Россией и ЕС путем формирования

² Баранов Н.А., Политические процессы на Евразийском пространстве в условиях турбулентности мировой политики // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество, 2018. Вып. 1. Ч. 1. С. 28-32.

³ Агасарян А., Евразийская интеграция как новая парадигма развития постсоветского пространства // Международная жизнь, 2014. № 4.

региональной системы в рамках Большой Евразии, действующей в соответствии со своими принципами и предлагающей собственный подход к функционированию глобального мироустройства. Это вполне отвечает стремлению России к установлению плюралистической Евразии, способствует выстраиванию позитивных связей между Москвой и Брюсселем, и наполнению их внутренней динамикой, а также закреплению за евразийским суперконтинентом достойного места на мировой арене⁴.

Таким образом, Москва сможет извлечь выгоду из выстраивания диалога и с Брюсселем, и с Пекином, не ставя под угрозу свое стратегическое партнерство с последним. В процессе диалога Россия будет делать упор на его первостепенную важность для международных отношений, что повысит ее шансы на закрепление за ней статуса великой державы, а также продемонстрирует, что российский вклад в формирование нового международного порядка отнюдь не сводится к его разрушению, как часто утверждают критики. Нынешнее противостояние Москвы и Запада, а также углубление ее связей с Китаем позволило России занять свое место в эпицентре ряда взаимосвязанных, «горячих точек» от Украины и Сирии до Северной Кореи и Ирана, в которых сталкиваются интересы великих держав. В силу этого Россия обрела уникальную возможность оказывать влияние на международный климат и получать от этого огромные дивиденды.

Нынешний тупик в отношениях между Россией и Евросоюзом отчасти является результатом того, что обе стороны отказываются пересматривать ключевые принципы, лежащие в основе их внешней политики. Брюссель никогда не согласится на европейский порядок со сферами влияния в ялтинском стиле, ссылаясь на положение Парижской хартии о том, что все европейские страны

---

⁴ Толорая Г., «Евразийский проект» – ступень к новой системе глобального управления. МГИМО. Рубрика: «Говорят эксперты», 14.05.2018 г. <https://mgimo.ru/about/news/experts/evraziyskiy-proekt-stupen-k-novoy-sisteme-globalnogo-upravleniya/> (дата обращения: 20.09.2019).

должны иметь право распоряжаться своей судьбой. Москва, со своей стороны, считает, что на ее односторонние уступки после окончания Холодной войны ЕС не ответил взаимностью и приступил к построению европейского порядка с центром в Брюсселе, в котором России отводится роль младшего партнера.

Таким образом, проект Большого евразийского партнерства должен максимально расширить круг партнеров, с которыми Россия может развивать конструктивные отношения. ЕС мог бы ответить взаимностью, переосмыслив свою базовую концепцию «устойчивости», которая занимает центральное место в его Глобальной стратегии 2016 года. Евросоюз может сместить акцент с устойчивости своих институтов и укрепления либерального международного порядка на поддержание стабильности и продолжительного сотрудничества на всем европейском субконтиненте, включая Россию⁵.

2. Российско-китайское сотрудничество: от риторики к реальности

Многие эксперты полагают, что плохие отношения России с Западом из-за Крыма и конфликта на Украине подтолкнули ее на Восток, в сторону Китая. С одной стороны, «поворот России на Восток» был отчасти призван укрепить ее статус как великой державы и усилить позиции Кремля в Европе путем углубления связей с динамичными азиатскими рынками. Этот «поворот» был объявлен еще до начала украинского кризиса и, соответственно, он был ориентирован на мир, в котором отношения России с ЕС хоть и оставляли желать лучшего, но не были откровенно враждебными. С другой стороны, неспособность России в 2013 г. убе-

⁵ Пайкин З., Новая парадигма для Большой Евразии, 15.05.2019 г. Российский Совет по международным делам. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-paradigma-dlya-bolshoy-evrazii/> (дата обращения: 20.09.2019).

доть Украину присоединиться к Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС) привела не только к полномасштабному кризису в отношениях с Западом, но и показала необходимость выхода Москвы за рамки постсоветского пространства, чтобы надолго обеспечить себе место среди ведущих мировых держав.

Инфраструктурное взаимодействие по линии Москва – Пекин в Центральной Азии представляется более реалистичным. Россия и Китай уже формально сблизились, договорившись о сопряжении ЕАЭС с ОПОП. Для России этот шаг вписывается в рамки так называемого Большого евразийского партнерства, которое она стремится создать и в котором ОПОП видится как одна из интеграционных инициатив, в совокупности призванных сформировать трансконтинентальное пространство для экономического сотрудничества от Европы до Азии.

Для России основной проблемой сопряжения евразийской интеграции и инициативы ОПОП является то, что она стремится обсуждать не своё подключение к этой инициативе, а ее сопряжение с процессами евразийской интеграции в рамках ЕАЭС, то есть речь идёт не о российском подключении к китайскому проекту, а о сопряжении равнозначных инициатив.

В октябре 2017 г. Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) и министерство коммерции КНР совместно заявили о принципиальном завершении переговоров по Соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве. Стороны договорились, что в максимально короткие сроки проведут юридическо-техническую правку текста соглашения, после чего приступят к выполнению необходимых внутригосударственных процедур для подписания документа. В ноябре 2017 г. делегации Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и КНР согласовали проект Соглашения о товарах и транспортных средствах, перемещаемых через таможенные границы ЕАЭС и КНР.

Это – кульминация активного переговорно-консультационного процесса по продвижению сопряжения евразийской экономи-

ческой интеграции и проекта Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПШП) как части инициативы «Пояса и пути». Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) ведёт переговоры о софинансировании Китаем почти 40 проектов в области транспорта и инфраструктуры в рамках стыковки евразийской интеграции с экономическим поясом «Шёлковый путь». В этих проектах участвуют несколько или все страны ЕАЭС, 11 проектов инициированы Россией. 39 из них касаются строительства новых и модернизации существующих дорог, создания транспортно-логистических центров, развития ключевых транспортных узлов. Среди них строительство высокоскоростной магистрали «Евразия», глубоководного порта в Архангельске и железнодорожной линии «Белкомур».

В 2017 г. ЕЭК сформировала перечень приоритетных проектов, которые будут реализованы странами ЕАЭС и поддержат формирование ЭПШП. В частности, идёт к завершению реализация масштабного проекта по строительству новых автодорог в рамках международного транспортного маршрута «Западная Европа – Западный Китай», протяжённостью 8445 километров. Кроме того, должна быть построена высокоскоростная железнодорожная магистраль «Москва – Казань», поезда по ней должны следовать со скоростью до 400 километров в час; время в пути от Москвы до Казани составит 3,5 часа. В настоящее время прорабатывается вопрос механизмов привлечения китайских инвестиций в этот проект.

В ходе визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Москву в мае 2015 г. стороны подписали «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и “Экономического пояса Шёлкового пути”». В числе приоритетных направлений согласованных усилий по взаимному сопряжению процессов строительства ЕАЭС и ЭПШП – «создание механизмов для упрощения торговли в тех сферах, где для этого

созрели условия, разработка совместных шагов по гармонизации и обеспечению взаимной совместимости правил и норм регулирования, торгово-экономических и иных политик в сферах взаимных интересов; рассмотрение долгосрочной цели по продвижению к зоне свободной торговли между ЕАЭС и Китаем».

В ходе визита В. Путина в Пекин 25 мая 2016 г. был подписан «Меморандум о взаимопонимании между Министерством экономического развития РФ и Министерством коммерции КНР о координации совместных усилий в рамках международных организаций и объединений», который отразил желание сторон ускорить практический процесс сопряжения евразийской интеграции и ЭПШП, включая запуск переговоров по Соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем.

Позиции сторон ещё больше сблизились после проведения в мае 2017 г. в Пекине масштабного международного экономического форума «Один пояс, один путь». Он собрал в столице Китая представителей более 100 стран, среди которых были главы стран и правительств, в том числе президент РФ В. Путин. В работе форума приняли участие главы государств и правительств трёх десятков стран, руководители ряда международных организаций, в том числе ООН, МВФ, Всемирного банка и ВТО⁶.

Скорое подписание Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕЭК и Китаем станет первым осязаемым результатом процесса сопряжения и подтвердит надежду на его благоприятные перспективы.

Однако с точки зрения практического российско-китайского взаимодействия, успехов пока немного. И это сближение на сегодняшний день существует в основном на уровне официальной риторики. Кроме того, претворение в жизнь стремления сотрудничать вне рамок ЕАЭС движется скромными темпами.

⁶ Петровский В., ЕАЭС – Китай: перспективы сотрудничества, 6.02.2018 г. Евразийские Исследования. <http://eurasian-studies.org/archives/6870> (дата обращения: 20.09.2019).

В значительной степени это объясняется отсутствием у Москвы финансовых ресурсов, необходимых для инвестирования в крупные инфраструктурные проекты. С учетом того, что на территории самой России отмечен почти нулевой прогресс в реализации совместных с КНР инфраструктурных инициатив, маловероятно, что Москва сможет вместе с Пекином сделать серьезный вклад в центрально-азиатские проекты.

Практическое российско-китайское инфраструктурное взаимодействие может также осуществляться в рамках многосторонних институтов (например, Шанхайской организации сотрудничества), а также посредством софинансирования проектов, осуществляемых на средства таких организаций как Новый банк развития (НБР), Евразийский банк развития (ЕАБР) и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Однако и в этой сфере пока нет особого прогресса. Все эти банки заключают друг с другом меморандумы о взаимопонимании, но к реализации конкретных проектов до сих пор не приступили.

Если подобные инфраструктурные проекты на основе совместного финансирования начнут реализовываться в Центральной Азии, Россия отдаст приоритет инициативам, входящим в состав Евразийского сухопутного моста, поскольку этот коридор пролегает по ее территории. А вот проекты, реализуемые в рамках коридора Китай – Центральная Азия, в обход России, имеют меньше шансов на поддержку со стороны Москвы.

3. Китайско-европейское сотрудничество: проблемы и перспективы

Как представляется, потенциальное инфраструктурное взаимодействие между ЕС и Китаем в Центральной Азии имеет под собой гораздо более прочный фундамент. Стороны неоднократно заявляли о своих намерениях углубить сотрудничество для совместного развития инфраструктуры в регионе. На

сегодняшний день конкретных проектов на местах реализовано не было, однако ряд фактов указывает на то, что это лишь вопрос времени.

Первое четкое свидетельство этому проистекает из запущенной в 2015 г. Инфраструктурной платформы ЕС – Китай. В широком смысле ее целью является сопряжение ОПОП с профильными инициативами Брюсселя. Одна из конкретных задач платформы – способствовать реализации инфраструктурных проектов в ключевых странах и регионах, по территории которых пролегают транспортные коридоры, соединяющие КНР с Европой.

В этом отношении уже достигнуты определенные результаты. Готов список пилотных проектов, а также создана группа экспертов в составе представителей Европейского инвестиционного банка, Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) и Китайского банка развития. Ее задача – согласовать условия финансирования указанных проектов. До сих пор акцент делался на развитии инфраструктуры в европейских странах и Китае, однако в последнее время Центрально-Азиатский регион все чаще звучит в качестве потенциальной площадки для такого рода сотрудничества. Это нашло официальное отражение и в новой стратегии ЕС по Центральной Азии.

На начальном этапе существовали серьезные опасения по поводу достижимости данного взаимодействия между ЕС и КНР в силу разного понимания инфраструктуры, в частности, и развития, в целом, к которому они вдобавок идут совершенно разными путями. В рамках сотрудничества в целях развития приоритетами для ЕС выступают инклюзивность и устойчивость. В Евросоюзе полагают, что развитие может иметь долговременный характер, если оно сопровождается мерами по повышению эффективности госуправления. Пекин, напротив, делает основной акцент на достижении экономического роста путем улучшения инфраструктуры. В отличие от Брюсселя, китайцы не стремятся оказывать прямое влияние на вопросы управления, придерживаясь принци-

па невмешательства в дела государств и примата их национального суверенитета.

Как представляется, сегодня обе стороны успешно находят общий язык, решив вписать свое потенциальное сотрудничество в рамки Целей в области устойчивого развития, изложенных в Повестке дня ООН на период до 2030 г. Таким образом, создается впечатление, что Китай постепенно приходит к «евросоюзовскому» пониманию инфраструктуры и международного развития. В частности, Пекин больше не фокусируется только на росте экономики – теперь там также готовы участвовать в проектах, направленных на поддержку социального развития и защите окружающей среды.

ЕС и КНР условились, что проекты в рамках Инфраструктурной платформы будут осуществляться при соблюдении принципов рыночной экономики и соответствующих международных норм. Также стороны договорились способствовать открытости, транспарентности и конкуренции в реализации совместных инициатив. Данный пункт был ключевым условием для того, чтобы Брюссель согласился сотрудничать с Пекином в этой области, о чем свидетельствует представленная в сентябре 2018 г. инфраструктурная стратегия ЕС.

Все еще неизвестно, в какую форму будет облечено практическое сотрудничество между ЕС и Китаем в Центральной Азии. Один из возможных вариантов в краткосрочной перспективе – это формат «плавного слияния», в рамках которого Евросоюз мог бы выделить грант в дополнение к одному из займов ЕБРР, а его затем бы дополнил своим кредитом контролируемый Пекином Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ). ЕБРР уже участвует в совместной с АБИИ выдаче займов на проекты в Центральной Азии. Поскольку ЕС часто работает с ЕБРР в этом регионе и считает АБИИ надежным партнером, соблюдающим соответствующие международные нормы, появление подобных схем совместного финансирования — дело ближайшего времени.

В отдаленном будущем может иметь место и прямое взаимодействие между Евросоюзом и такими китайскими финансовыми институтами, как Китайский банк развития и Фонд Шелкового пути. Такого рода сотрудничество уже осуществляется на территории Европы в рамках программы Совместного инвестиционного фонда КНР – ЕС, учрежденной Европейским инвестиционным фондом и Фондом Шелкового пути для сопряжения ОПОП с «планом Юнкера».

В среднесрочной перспективе подобная прямая кооперация между европейскими и китайскими банками развития может стать возможной и в Центральной Азии. Вместе с тем, только будучи поставленным в жесткие рамки, Пекин прислушается к выражаемой Брюсселем серьезной обеспокоенности «долговой ловушкой», которую создает китайское присутствие в Центральной Азии, а также к требованию соблюдать принципы рыночной экономики и международные нормы открытости, транспарентности и устойчивого развития при реализации любого совместного проекта.

Обе стороны должны найти в себе силы сопротивляться очевидным соблазнам. Китай – соблазну воспользоваться текущими проблемами и слабостями Евросоюза для достижения тактических преимуществ в отношениях с Брюсселем. Европа – соблазну в очередной раз продемонстрировать свою неизменную лояльность Вашингтону, механически продублировав американскую позицию на торгово-экономических переговорах с Пекином.

Разумеется, в ближайшие месяцы или даже в ближайшие годы едва ли удастся снять все элементы напряженности в европейско-китайских отношениях. Но даже символические позитивные сдвиги в этих отношениях стали бы важным сигналом для всех. И для администрации Д. Трампа, которая должна осознать, что

она не сможет больше в одиночку диктовать всем окружающим правила игры в мировой экономике⁷.

Заключение

По мнению ряда исследователей, будущее глобальной политики будет определяться взаимодействием между блоками, а не державами, что приведет к созданию нескольких международных порядков. Евросоюз сам является в Европе субрегиональным актором. Это становится все более очевидным благодаря процедуре принятия им решений, а также ограничениям, которые налагаются его институциональной структурой на проведение внешней политики. Разворачивающаяся дискуссия будет касаться того, как он распорядится своей властью в процессе укрепления доминирующей позиции на территории Европы. России следует стремиться к оказанию конструктивного влияния на этот процесс с тем, чтобы он отвечал ее долгосрочным интересам и закреплял логику позитивного сотрудничества в отношениях между Москвой и Брюсселем.

Эта парадигма может также помочь очертить контуры отношений Москвы с Пекином в Центральной Азии. Хотя нарративы о том, что Россию в этом регионе потеснит Китай, зачастую слишком сгущают краски, утверждение здесь отдельного порядка в рамках Большой Евразии может помочь Москве закрепить определенный набор принципов и практик. Они позволят обеспечить поддержание сотрудничества и сохранение доверия между всеми сторонами, даже если в ближайшие годы и десятилетия геополитические конфигурации и баланс сил на евразийском суперконтиненте претерпят изменения.

⁷ Кортунов А., Европейский союз и ветер с Востока, 11.03.2019. Российский Совет по международным делам. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/evropeyskiy-soyuz-i-veter-s-vostoka/> (дата обращения: 20.09.2019).

Независимо от того, решит ли российская элита руководствоваться этой новой парадигмой открыто, или использует ее в качестве неафишируемого концептуального руководства, она тем самым может концептуально расширить свое видение внешней политики. Российскую сторону часто обвиняют в том, что через выдвижение абстрактной идеи интегрированного Большого евразийского пространства она старалась просто выиграть время в условиях набирающего силу Китая. Тем не менее, стало уже совершенно очевидным то, что, в ответ на отказ Вашингтона и Брюсселя признать законность российских интересов, у России не оставалось иного выхода, кроме как решительно отреагировать на события в Украине. Наполнение концепции Большой Евразии дополнительным контентом поможет Москве не только расширить взаимодействие с другими ведущими державами на своих условиях, но и усилить свое влияние на формирование будущего мирового порядка путем консолидации существующих нормативных рамок и расширения круга партнеров по диалогу.

Более того, после тщетных усилий на протяжении четверти века найти себе место в Европе, Россия занялась выработкой новой стратегии и формированием новой идентичности на северной оконечности Евразии. Работа по созданию множества взаимодополняющих друг друга евразийских инициатив поможет ей интегрировать свои территории в соответствующие регионы по всему суперконтиненту. Это укрепит основы многовекторной внешней политики России и ее влияние на динамику событий, что является ключом к поддержанию статуса великой державы в долгосрочной перспективе.

Пауль Алексеевич Калининченко

Принципы прямого действия и верховенства: от права ЕС к праву ЕАЭС

Abstract: This article aims to provide a comparative analysis of the formation process of direct effect and supremacy principles in the European Union's and the Eurasian Economic Union's legal orders. This study deals with the theoretical aspects of these principles' specifics in the case law of the EU Court of Justice and the EAEU Court. Finally, it also focuses on the European standards and approaches which directly influence the supremacy principles formulated in the EAEU law and on the separate Eurasian integration legal order as a whole.

Keywords: direct effect, primacy, principles, EU, EAEU, integration, EU law, EAEU law, EAEU Court.

Вводные замечания

Правила о прямом действии и верховенстве норм права, выкристаллизовавшиеся из национальных правопорядков, стали одними из основополагающих принципов права Европейского Союза (ЕС) – крупнейшего интеграционного объединения Европы. Выработанные практикой Суда ЕС, эти принципы определяют соотношение наднационального права с правовыми системами государств-членов. Доктрина «прямого действия и верховенства»

постепенно проникает в интеграционные правовые порядки, функционирующие на постсоветском пространстве. Несмотря на то, что в Договоре о Евразийском экономическом союзе 2014 г. принципы прямого действия и верховенства не были отражены изначально, в праве Евразийского экономического союза (ЕАЭС) их формулирует прецедентная практика Суда ЕАЭС.

Настоящая статья ставит своей задачей проведение сравнительного анализа процессов становления и закрепления принципов прямого действия и верховенства в правовых порядках Европейского Союза и Евразийского экономического союза. Исследование затрагивает как теоретические аспекты, так и специфику отражения указанных принципов в практике Суда ЕС и Суда ЕАЭС. В заключении делается вывод о том, что принципы прямого действия и верховенства являются важнейшей характеристикой современного обособленного интеграционного правового порядка.

1. Прямое действие права и верховенство права: генезис

Говоря о принципах прямого действия и верховенства, следует отметить, что, как и любые принципы права, они представляют собой основные начала правовой системы, которые определяют содержание правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности.

Концепции прямого действия и верховенства были сформулированы и получили свое развитие в нормативистских концепциях теории права, теории международного права, в теории конституционного права и теории прав человека¹. Благодаря практике Суда Европейских сообществ (ныне Суда Европейского Союза), они были привнесены в теорию европейского права, в качестве

¹ Vauchez A., Keeping the Dream Alive: the European Court of Justice and the Transnational Fabric of Integrationist Jurisprudence // European Political Science Review, 2012. № 4 (1). P. 52.

принципов функционального характера, определяющих соотношение права Сообщества с правовыми системами государств-членов². Позднее эти категории получили распространение в других интеграционных правовых порядках, что позволило сегодня их рассматривать в качестве функциональных принципов интеграционного права³.

В международном праве идея прямого действия норм берет свое начало в доктрине «Данцига», сформулированной в решении Постоянной палаты международного правосудия в 1928 г. в отношении юрисдикции суда вольного города Данциг⁴. Впервые в истории правило о прямом действии конституционных норм, было закреплено в Основном законе Федеративной Республики Германия 1949 г. В соответствии с его ч. 3 ст. 1: «основные права обязательны для законодательной, исполнительной и судебной власти как непосредственно действующее право». Очевидно, что германский законодатель имел в виду не только действительность, но и обязательность реализации нормативных положений всеми субъектами власти. Подобный подход нашел свое отражение в конституциях значительного числа европейских государств.

Иллюстрацией закрепления принципов прямого действия и верховенства также является Конституция Российской Федерации 1993 г. Ч. 1 ст. 15 Конституции устанавливает, что она обладает верховенством и прямым действием на территории Российской Федерации. Кроме того, права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими в Соответствии с Конституцией РФ (статья 18).

В российской доктрине выделяют несколько подходов к определению сущности принципа прямого действия. Так, Б.С. Эбзе-

² *Rasmussen M., Revolutionizing European Law: A History of Van Gend and Loos Judgment // International Journal of Constitutional Law, 2004. № 12. P. 136-163.*

³ *Tino E., Settlements of Disputes by International Courts and Tribunals of Regional Integration Organisations / Virzo R.I., Vallo I. (eds.) // Evolutions in the Law of International Organizations. Leiden: Brill, 2015. P. 468-508.*

⁴ *Jurisdiction of the Courts of Danzig, Advisory Opinion, 1928 P.C.I.J. (ser. B) No. 15 (Mar. 3).*

ев указывает, что «любая конституционная норма независимо от занимаемого ею места в Конституции, выполняемых функций и преследуемых целей является действующей правовой нормой, а сама Конституция – такой частью законодательства, которая оказывает прямое регулирующее воздействие на общественные отношения, ограничивает государство и его органы правом, закрепляет права и свободы человека и гражданина в качестве субъективных прав, возлагающих на государство вполне определенные обязанности и подлежащих судебной защите»⁵. А.Б. Венгеров отмечал, что «прямое действие Конституции означает, что впервые у суда, органов исполнительной власти появилась возможность на законной основе применять нормы Конституции для решения конкретных споров, использовать эти нормы для издания обоснованных управленческих актов, рассмотрения жалоб и заявлений граждан»⁶. В свою очередь, О.Е. Кутафин прямое действие Конституции определял шире, выделяя две формы прямого действия конституционных норм: непосредственное и опосредованное. Непосредственным является такое действие конституционных норм, которое осуществляется только конституционными средствами, а также совместными с другими правовыми актами, которые обычно определяют процедуру реализации конституционных норм. Опосредованным считается такое действие конституционных норм, которое осуществляется после их предварительной конкретизации в иных законодательных актах. Такая конструкция обеспечивается нормами отраслевого законодательства⁷.

В отношении использования понятия «верховенства» в теории ситуация немного сложнее. В частности, в силу сложившейся традиции и устоявшейся терминологии в отечественной право-

⁵ Эбзеев Б.С., Прямое действие Конституции РФ (некоторые методологические аспекты) // Правоведение, 1996. № 1. С. 8.

⁶ Венгеров А.Б., Прямое действие Конституции: правовые, социальные, психологические аспекты // Общественные науки и современность, 1995. № 5. С. 48-55.

⁷ Кутафин О.Е., Источники конституционного права Российской Федерации. М.: Юристъ, 2002. С. 47.

вой науке, категория «верховенство» используется в разных значениях. Во-первых, термин «верховенство права» используют для обозначения правовой концепции *rule of law*, отражающей важнейший элемент идеи правового государства⁸. Во-вторых, «верховенство» может пониматься, как свойство конституции (*supremacy*), выведенное впервые в конституционном праве США⁹ и отразившееся в упомянутой выше ч. 1 ст. 15 современной Конституции России 1993 г.¹⁰ В-третьих, под «верховенством» понимают функциональный принцип, обеспечивающий примат одних норм над другими в случае их коллизии (*primacy*)¹¹. Эти три значения «верховенства» не исключают друг друга и могут пересекаться в практическом наполнении.

2. «Правовая механика» прямого действия и верховенства для интеграции

Принцип прямого действия как категория, обеспечивающая воз-
действие интеграционного правопорядка на правовую систему
государства-частника интеграционного объединения, имеет два
асpekта. Первый аспект связан с признанием обязательности

⁸ Баренбойм П.Д., Концепция Зорькина-Танчева о соотношении современных доктрин верховенства права и правового государства // Законодательство и экономика, 2011. № 10. С. 17-25; Лафитский В.И., Принцип верховенства права в этико-правовом измерении // Журнал российского права, 2007. № 9. С. 53-58.

⁹ В частности, ст. VI Конституции США устанавливает: «Настоящая Конституция и законы Соединенных Штатов, изданные в ее исполнение, равно как и все договоры, которые заключены властями Соединенных Штатов, являются высшими законами страны, и судьи каждого штата ими связаны, даже если в Конституции или законах любых штатов наличествуют противоречия». Принцип был выведен в практике Верховного суда США. См.: *McCulloch vs. Maryland*, 17 U.S. (4 Wheat.) 316 (1819).

¹⁰ Гаджиев Г.А., О судебной доктрине верховенства права // Сравнительное конституционное обозрение, 2013. № 4. С. 12-25; Грачева С.А., Доктрина верховенства права и судебные правовые позиции // Журнал российского права, 2014. № 4. С. 33-45.

¹¹ Например, в рамках концепции «примата международного права»: *Tunkin G.I., On the Primacy of International Law in Politics / Butler W. (ed.) // Perestroika and International Law. London: Springer, 1990. P. 5-6.*

норм для правоприменительных органов государства-члена, второй – с характером формулировки самих норм.

1. Нормы интеграционного права признаются правоприменительными органами государств-членов (в первую очередь национальными судами) в качестве действующих норм и обязательных к исполнению. Это проистекает из наличия производных от суверенных прав государств-участников публично властных начал в компетенции интеграционного объединения, реализация которых оказывает воздействие в равной степени, как на государства-члены, так и на их частных лиц.

2. Нормы интеграционного права непосредственно, в ясной, точной и безусловной форме, независимо от последующих действий интеграционного объединения и государств-членов наделяют физические и юридические лица конкретными правами или государственные органы полномочиями по их защите. В этом аспекте прямое действие имеют три ключевых условия: ясность и точность формулировок, безусловный характер предписаний, независимость действия нормы от последующих мер.

Во-первых, ясность и точность формулировок подразумевает, что норма содержит недвусмысленно выраженное конкретное полномочие определенного субъекта или круга субъектов, которое может быть закреплено как в позитивной, так и в негативной форме. Во-вторых, безусловность формулировки предполагает, что норма будет иметь прямое действие, если ее применение не увязывается ею самой или другой нормой с какими-либо сопутствующими юридическими фактами или составами. В-третьих, независимость действия нормы от последующих мер подразумевает, что сама норма не увязывает свою реализацию с изданием впоследствии на уровне интеграционного объединения или государств-членов специальных актов.

Соответственно, при сочетании рассмотренных двух аспектов прямого действия, если физическое или юридическое лицо государства-члена обратится в национальный суд с требовани-

ем о защите своих прав, предоставленных правом интеграционного объединения, суд государства-члена должен предоставить ему такую защиту.

Прямым действием, как правило, обладают нормы учредительных договоров интеграционного объединения, а также могут обладать нормы принимаемых интеграционным объединением нормативных актов и нормы международных соглашений, заключаемых интеграционным объединением.

Конечно же, не все нормы права имеют прямое действие. Признание прямого действия за теми или иными нормами права интеграционного объединения во многом зависит от позиции судебной инстанции интеграционного объединения, наделенной полномочиями по толкованию учредительных документов объединения. Как отмечает Т. Хартли: «Если положение пригодно для применения судом, оно почти наверняка будет квалифицировано как имеющее прямое действие; только когда прямое действие создает серьезные практические проблемы, положение, по всей вероятности, будет квалифицировано как не имеющее прямого действия»¹².

В зависимости от характера отношений, которые регулирует та или иная обладающая прямым действием норма права интеграционного объединения, различают вертикальное прямое действие (в отношениях власти-подчинения) и горизонтальное прямое действие (в отношениях между равными субъектами). Кроме того, концептуально прямое действие соответствующих норм охватывает и случаи опосредованного действия, когда норма по своей сути не может обладать прямым действием, но предопределяет реализацию принятых на ее основе норм (косвенное действие)¹³.

¹² Hartley T.C., *The Foundations of European Community Law: An Introduction to the Constitutional and Administrative Law of the European Community*. London: OUP, 2004. P. 192.

¹³ Engle E., *Third Party Effect of Fundamental Rights (Drittwirkung)* // *Hanse Law Review*, 2009. № 5 (2). P. 165-173.

Принцип верховенства норм права интеграционного объединения означает приоритет этих норм при коллизии с положениями национальных правовых предписаний государств-членов. Принцип верховенства и принцип прямого действия тесно связаны. Поскольку коллизию с положениями национального законодательства государств-членов создают лишь нормы, обладающие прямым действием, то и верховенство возможно только в отношении норм прямого действия.

Верховенство норм интеграционного правопорядка обладает потенциальным эффектом, не нужно постоянно ждать и искать коллизий с национальным правом, положения национального права, противоречащие норме интеграционного права, не могут применяться с момента появления такой нормы. Конечно, это верховенство отличается от клаузулы верховенства, известной в теории конституционного права и по своей природе ближе к верховенству в форме примата, известного в теории международного права¹⁴. Смысл категории верховенства для интеграционного правопорядка заключается в обеспечении сбалансированности взаимодействия систем наднационального и национального права¹⁵. Норма интеграционного права, обладая приоритетом, не делает норму национального права ничтожной, национальная норма просто неприменима в силу принципа верховенства, ее устранение является прерогативой национального законодателя.

Как уже подчеркивалось выше, прямое действие и верховенство сегодня известны различным интеграционным правопорядкам, благодаря деятельности специфических судебных учреждений интеграционных структур, эти принципы были сформулирова-

¹⁴ См.: Tanchev E., Primacy or Supremacy of International and EU Law in the Context of Contemporary Constitutional Pluralism, Report for the European Commission for Democracy Through Law // CDL-JU (2013) 010. Strasbourg, 16 September 2013.

¹⁵ Avbelj M., Supremacy or Primacy of EU Law – (Why) Does it Matter? // European Law Journal, 2001. № 6 (17). P. 744-763.

ны в праве Европейского Союза¹⁶, в праве Андского сообщества¹⁷, в праве Карибского сообщества¹⁸, в праве Центральноамериканской интеграционной системы¹⁹, в праве Экономического и денежного союза Западной Африки²⁰, правопорядке Общего рынка Восточной и Южной Африки²¹ и в правопорядке МЕРКОСУР²².

3. Прямое действие и верховенство в праве ЕС

Заключенные в 50-е гг. XX в. международные договоры, учредившие Европейские сообщества²³ определили цели, принципы и сферы деятельности, создаваемых интеграционных организаций. Реализация этих целей и принципов была возложена на главные органы Сообществ – институты, которые договоры наделили властными полномочиями, в том числе, полномочиями по изданию юридически обязательных актов в сферах интеграции и заключению международных договоров с третьими странами и международными организациями. Этот шаг породил новый специфический правопорядок – «право Сообществ», который

¹⁶ Case 26/62 van Gend en Loos vs. Nederlandse Asministratie der Berlastingen [1963] ECR 1; Case 6/64 Costa vs. Enel [1964] ECR 585.

¹⁷ TJCA Proceso 30-AI-96, Junta c. Venezuela, 24 Mar. 1997, GO 261 29.04.1997; TJCA Proceso 1-IP-87, Volvo, 3.12.1987, GO 28 15.02.1988.

¹⁸ Case Shanique Myrie vs. Barbados [2013] CCJ 3 (O), sections 51-69).

¹⁹ CCJ Expediente no. 10-5-11-96, Demanda por desconocimiento del Convenio sobre el ejercicio de profesiones universitarias..., Coto Ugarte c. El Salvador, 5.3.1998; CCJ Expediente no. 25-05-29-11-1999, Estado de Nicaragua por medio del Señor Ministro de Relaciones Exteriores, Lic. Eduardo Montealegre Rivas c. Estado de Honduras, 27.11.2001.

²⁰ Сформулирован только принцип верховенства: CJ UEMOA Avis 2/2000, Avis de la Cour de Justice de l'UEMOA du 2 février 2000 relatif à l'interprétation de l'article 84 du Traité de l'UEMOA.

²¹ Сформулирован только принцип прямого действия: Polytol Paints and Adhesives Manufacturers Co. Ltd. contre la République de Maurice, Référence n 1/2012, Jugement, à 5 (COMESA-CJ, 31 août 2013).

²² TPR Laudo no. 1/2005 iniciada por Uruguay, 25 Apr. 2008. Принцип прямого действия сформулирован в практике национальных судов стран МЕРКОСУР, Аргентина: CSJN, 7/7/92, Ekmekjian, Miguel A. c/ Sofovich, Gerardo y otros, LL 1992. C. 543; Бразилия: Medida cautelar no. 2. 663-RS (2000/0034980-1) Leben Representações Comerciais LTDA c. Estado do Rio Grande do Sul.

²³ В первую очередь, Договор, учреждающий Европейское экономическое сообщество 1957 г., имеющий сегодня название «Договор о функционировании Европейского Союза».

«оттолкнувшись» от современного международного права приобрел собственное своеобразие, выражающееся в собственной системе принципов, источников и действии в пространстве и по кругу лиц. После того, как прекратило существование ЕОУС, а Европейский Союз стал правопреемником Европейского сообщества, «право Сообществ» стало существовать как «право Европейского Союза».

Право Европейского Союза родилось в результате интеграции, прежде всего экономической, развивается с ростом многообразия областей интеграции и все более прямо и непосредственно используется в качестве инструмента, эффективно обслуживающего интеграционные процессы. Л.М. Энтин особо подчеркивает, что право ЕС относится к категории интеграционного права²⁴. Этой же точки зрения придерживается и другой известный российский ученый – С.Ю. Кашкин, когда говорит о наднациональных чертах и особенностях права ЕС²⁵. Несомненно, сущность права Европейского Союза состоит в правовой интеграции, которая осуществляется между государствами-членами посредством применения методов гармонизации (сближения) и унификации (приведения к единообразию) национальных правовых норм. Вследствие реализации институтами ЕС наднациональной компетенции правопорядок Европейского Союза интегрирован в национальные правопорядки государств-членов. Вместе с тем, право Европейского Союза имеет много общего и с международным правом. Не может вызывать сомнений то, что первичное право Европейского Союза составляют нормы международного права, содержащиеся в учредительных договорах Европейского Союза.

²⁴ Энтин Л.М., Право Европейского Союза. Новый этап эволюции: 2009-2017 гг. М.: МГИМО(У), 2009. С. 35.

²⁵ Кашкин С.Ю., Тенденции к идеологизации права ЕС: сущность, этапы, перспективы // Материалы международной научно-практической конференции Государство и право: вызовы XXI века (Кутафинские чтения): сборник тезисов. М.: Проспект, 2010. С. 476.

Первые попытки констатировать самостоятельный характер и сформулировать другие специфические характеристики тогда еще права Сообществ, как правовой системы, были предприняты Судом в 1960-е гг. в решениях по делам «Van Gend» и «Costa vs. ENEL». Обобщив выводы, прозвучавшие в решениях по предыдущим делам, Суд констатировал особенности права Сообществ как самостоятельной специфической правовой системы в Решении по объединенному делу C-6/90 и C-9/90 «Francovich»²⁶ и в своем Заключении по делу 1/91 от 14 декабря 1991 г.²⁷

Конечно же, Суд всегда ставит во главу угла именно те особенности права ЕС, которые наиболее важны для деятельности самого Суда в процессах правотворчества, правоприменения и толкования права. Как уже было показано выше, важнейшими принципами права ЕС являются, по мнению Суда, своего рода специальные принципы конституционного права ЕС: верховенство и прямое действие. Именно эти принципы подчеркивают специфику права ЕС, как самостоятельной правовой системы.

Прямое действие никогда не закреплялось в положениях учредительных договоров. Принцип прямого действия права ЕС был определен Судом в упомянутом выше Решении по делу 26/62 «Van Gend». Дело рассматривалось в преюдициальном порядке по запросу голландского административного суда. Это была первая попытка применить частной компанией (в данном случае, транспортная и экспедиционная компания «Ван Генд эн Лоос») право Сообществ напрямую, правомерность чего была подтверждена Судом²⁸. Формулируя принцип прямого действия права Сообществ, Суд придерживался уже известной в теории концепции прямого действия права.

²⁶ Joint cases C-6/90 and C-9/90, *Francovich, Bonifaci and others vs. Italy* [1991] ECR I-5357.

²⁷ Opinion 1/91 [1992] ECR I-6079.

²⁸ *Weatherill S., Beaumont P.*, EU Law. London: Penguin, 2009. P. 392.

В Решении по делу «Van Gend» Суд изначально отошел от запутанной полемики, существующей в международно-правовой доктрине. Определяя прямое действие права Сообществ, Суд мотивировал его существующим самоограничением суверенных прав государств-членов в пользу наднациональных институтов, *inter alia*, относительно наделения правами частных лиц. Соответственно, признание европейских норм судами государств-членов в качестве обязательных к применению просто необходимо для эффективной защиты прав частных лиц. Прямым действием обладают нормы учредительных договоров ЕС, нормы нормативных и индивидуальных актов, издаваемых институтами (главными органами) ЕС в порядке ст. 288 ДФЕС, а также нормы соглашений ЕС с третьими странами.

Вместе с тем, решение вопроса о прямом действии в праве Европейского Союза существенно отличает право Европейского Союза от международного права. В международном праве прямое действие норм в качестве принципа не устанавливается, этот вопрос решается государствами индивидуально в их национальных правовых порядках. В праве Европейского Союза прямое действие сформулировано на уровне ЕС для всех государств-членов как основополагающая норма права ЕС, как функциональный принцип, отражающий интеграционный характер европейской правовой системы.

Принцип верховенства права Европейского Союза был сформулирован Судом в Решении по делу 6/64 «Costa vs. ENEL» и подробно развит в Решении по делу 106/77 «Simmenthal»²⁹. Принцип верховенства права Европейского Союза означает, что в случае коллизии норм права ЕС и норм национального права государств-членов, приоритет обеспечивается за нормами права ЕС. С точки зрения Суда принцип верховенства является логическим продолжением принципа прямого действия, приоритет в случае

²⁹ Case 106/77, Amministrazione delle Finanze dello Stato vs. Simmenthal SpA [1978] ECR 629.

указанной коллизии закрепляется только за положениями учредительных договоров и «имеющими прямое действие положениями институтов», а противоречащие положения национального права не становятся ничтожными, а просто «не применимы»³⁰.

В Декларации № 17 о примате, приложенной к Лиссабонскому договору 2007 г., подчеркивается, что «согласно устойчивой судебной практике Суда Европейского Союза Договоры и право, создаваемое Союзом на основании Договоров, обладают приматом над правом государств-членов на условиях, определенных упомянутой судебной практикой». К этой же декларации приложено специальное Заключение Юридической службы Совета, в котором подчеркивается внеконвенциональная природа принципа верховенства.

В дополнении к принципам прямого действия и верховенства Суд вывел еще два постулата, которые доктринально не признаются принципами, но имеют существенное значение в процессах применения национальными судебными органами норм и стандартов ЕС. Ими являются – косвенное действие права ЕС и ответственность государств за несоблюдение права ЕС перед частными лицами. Оба этих постулата являются логическим продолжением принципа прямого действия.

Постулат о косвенном действии права ЕС был сформулирован Судом в Решении по делу 14/83 «Von Colson»³¹. Смысл этого постулата в том, что положения права Сообществ, не имеющие прямого действия, должны учитываться национальными судами при применении и толковании национальных норм. Суд обязывает суды государств-членов толковать национальное право в духе европейского законодательства, даже если последнее не

³⁰ Хотя в соответствии с Решением по делу «French Merchant Seamen» должны быть отменены государством в последующем. См.: Case C-167/73, *Commission vs. France (French Merchant Seamen)* [1974] ECR 359.

³¹ Case 14/83, *Von Colson vs. Land Nordrhein-Westfalen* [1984] ECR 1891.

имеет прямого действия, но предусматривает появление толкуемых национальных правовых положений.

Постулат об ответственности государств перед частными лицами за несоблюдение права ЕС был провозглашен Судом в революционном во многом для европейского права Решении по делу «Francovich». Несоблюдение, о котором идет речь, может выражаться в неимплементации или неправильной имплементации норм права ЕС в национальное право государств-членов. В соответствии с Решением по делу «Francovich» при наличии такого несоблюдения, частные лица государств-членов имеют право обращаться в национальные суды с требованием признания тех их прав по законодательству ЕС, которые не обеспечиваются в национальном законодательстве, и требовать от государства возмещения ущерба, возникшего в результате этого.

4. Прямое действие и верховенство в праве ЕАЭС

В 2010 г. Россия, Беларусь и Казахстан создали Таможенный союз с общими таможенными правилами и наднациональными учреждениями. Это был первый серьезный опыт формирования подлинно интеграционного объединения на постсоветском пространстве на основе наднациональной модели. Государства-участники передали свою компетенцию в области технического регулирования и таможенных вопросов Евразийской экономической комиссии, созданной в рамках Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) в 2000 г. и привлеченной для осуществления амбициозной цели по формированию единого экономического пространства в русле создания таможенного союза трех стран. Другой орган ЕврАзЭС – Суд ЕврАзЭС, также был привлечен к реализации положений соглашений в рамках Таможенного союза, и внес свой специфический вклад в формирование первых правовых достижений евразийской интеграции, хотя и не был отмечен гром-

кими делами, формулирующими основы новой наднациональной правовой системы.

Новый уровень политического и экономического взаимодействия на постсоветском пространстве был обозначен в Астане (Казахстан) 28 мая 2014 г., когда Россия, Беларусь и Казахстан подписали Договор о Европейском экономическом союзе (ЕАЭС), к которому немного позже присоединились Армения и Кыргызстан.

Договор о ЕАЭС создал новую международную организацию региональной экономической интеграции с ее собственным правомпорядком, обозначенным через систему источников в ст. 6. Правовые рамки евразийской интеграции, которые связывают государства ЕАЭС, внушительны³². Они включают в себя Договор о ЕАЭС и международные договоры, которые были заключены в рамках ЕврАзЭС, а также Таможенного союза и Единого экономического пространства, решений Евразийской экономической комиссии и прецедентного права Суда ЕАЭС. Таким образом, со времени вступления в силу этого договора 1 января 2015 г. правовые системы государств-участниц ЕАЭС столкнулись с новыми вызовами в отношении внешнего влияния со стороны региональных объединений.

Ст. 6 Договора о ЕАЭС четко говорит о «праве Союза»³³ и указывает источники союзного права. В этом контексте положения Договора о ЕАЭС пошли дальше, чем нормы Римского договора, учреждающего ЕЭС 1957 г., который изначально не включал никаких специальных определений, касающихся «права Сообщества». При этом, Договор о ЕАЭС также не содержит таких формул, как «правовая система особого рода» или «новый порядок меж-

³² Karliuk M., Russian Legal Order and the Legal Order of the Eurasian Economic Union: An Uneasy Relationship // Russian Law Journal, 2017. № 5 (2). P. 35.

³³ При этом ст. 6 Договора о присоединении Армении к ЕАЭС и ст. 11 Договора о присоединении Кыргызстана к ЕАЭС содержат термин «право Евразийского экономического союза».

дународного права», известных по прецедентам Суда Сообществ «Costa vs. ENEL и Van Gend». Как известно, именно эти два дела стали поворотным моментом в развитии европейского права³⁴. Суд Сообществ определил базовые основы правовой системы Сообщества в этих решениях посредством концепций «прямого действия» и «верховенства». Точно также Договор о ЕАЭС не содержит эти принципы в своем тексте.

Несомненно, что содержащееся в ст. 6 Договора о ЕАЭС определение «права Союза» требует дальнейшего толкования, в частности, в вопросе основных постулатов, обуславливающих взаимодействие между законодательством ЕАЭС и национальными правовыми системами государств-членов ЕАЭС. Очевидно, что ряд положений Договора о ЕАЭС теоретически способен иметь прямое действие и обладать верховенством. Например, нормы ст. 60 (2) Договора о ЕАЭС, наделяющие индивидуумов правами в сфере защиты потребителей. Кроме того, в соответствии с пар. 13 Приложения 1 к Договору о ЕАЭС, решения Евразийской экономической комиссии обязательны для государств-членов и «подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов». Это важное свойство данной правовой формы, свидетельствующее о потенциальной возможности прямого действия содержащихся в ней норм.

Суд ЕАЭС обладает полномочиями по толкованию Договора о ЕАЭС, других основополагающих договоров и других источников «евразийских *acquis*»³⁵. При этом, компетенция Суда ЕАЭС была урезана по сравнению с полномочиями его предшественника – Суда ЕвразЭС, который обладал полномочиями, аналогичными полномочиям Суда Европейского Союза³⁶. Тем не менее,

³⁴ Craig P.P., *Once upon a Time in the West: Direct Effect and the Federalization of EEC Law* // Oxford Journal of Legal Studies, 1992. № 4 (12). P. 453-479.

³⁵ Diyachenko E., Entin K., *The Court of the Eurasian Economic Union: Challenges and Perspectives* // Russian Law Journal, 2017. № 5 (2). P. 53-74.

³⁶ Petrov R., Kalinichenko P., *On Similarities and Differences of the European Union and Eurasian Economic Union Legal Orders: Is There the "Eurasian Economic Union Acquis"?* // Legal Issues

Суд ЕАЭС свои решения основывает на судебной практике Суда ЕвразЭС в качестве *stare decisis*³⁷.

4 апреля 2017 г. Суд ЕАЭС вынес решение по одному из самых важных дел в своей истории. Суд ЕАЭС сформулировал принцип «прямого действия» в своем Консультативном заключении по запросу Министерства юстиции Республики Беларусь, касающемся толкования положений Договора о ЕАЭС в области конкуренции³⁸. Вопрос, стоявший перед Судом ЕАЭС, касался интерпретации положений Договора о ЕАЭС относительно правила *de minimis* для вертикальных соглашений между компаниями ЕАЭС (ст. 74-76 Договора о ЕАЭС определяют, что картель на основе вертикальных соглашений допустима, если не занимает свыше 20 процентов соответствующего рынка). Белорусский законопроект предусматривал сокращение правила *de minimis* ЕАЭС для вертикальных соглашений до 15 процентов на национальном рынке (что сопоставимо с правилами ЕС).

В своем заключении Суд ЕАЭС особо подчеркнул, что Евразийская экономическая комиссия обладает наднациональной компетенцией в области конкуренции³⁹. Кроме того, Суд ЕАЭС рассмотрел компетенцию ЕАЭС в области конкуренции в соответствии с учредительным договором и заявил, что правила конкуренции для рынка ЕАЭС охватываются общей политикой или, другими словами, наднациональным регулированием⁴⁰. Что касается национальных рынков, то Суд ЕАЭС указал, что ЕАЭС

of Economic Integration, 2016. № 43 (3). P. 295-308.

³⁷ Отступ 10 раздела «Применимое право» Решения Суда ЕАЭС от 4 апреля 2016 года по делу No CE-1-2/2-16-КС «ЗАО Джэнерал Фрайт». <https://courteurasian.org/doc-15423> (дата обращения: 10.10.2019).

³⁸ Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 4 апреля 2017 г. по делу CE-2-1/1-17-БК, «Вертикальные соглашения» (Далее: «Консультативное заключение»). <http://courteurasian.org/doc-18093> (дата обращения: 10 октября 2019 г.); См. Также комментарий: Kalinichenko P., A Principle of Direct Effect: The Eurasian Economic Union's Court pushes for more Integration // VerfBlog, 16.05.2017. <http://verfassungsblog.de/the-principle-of-direct-effect-the-eurasian-economic-unions-court-pushes-for-more-integration> (дата обращения: 10.10.2019).

³⁹ «Консультативное заключение...» Отступ 10. Пар. 1. Раздел IV.

⁴⁰ «Консультативное заключение...» Отступ 11. Пар. 1. Раздел IV.

и его государства-члены осуществляют согласованную политику, в которой институты ЕАЭС определяют общие подходы к достижению целей Договора о ЕАЭС. В этой связи Суд ЕАЭС отверг возможность для государств-членов пересматривать общие правила ЕАЭС, в частности, положения учредительного договора, касающиеся минимальных критериев для вертикальных соглашений. Более того, в первый раз Суд ЕАЭС применил доктрину «прямого действия» для общих правил ЕАЭС. Он пришел к выводу, что общие правила конкуренции имеют прямое действие и должны применяться государствами-членами непосредственно в качестве положений международных договоров⁴¹.

Указание на принцип «прямого действия» в деле о вертикальных соглашениях можно рассматривать как настоящий прорыв в раскрытии в практике Суда ЕАЭС наднационального характера права ЕАЭС. Тем не менее, при всей очевидности параллели с решением «Van Gend», Суд ЕАЭС в деле о вертикальных соглашениях избегал любых цитат и ссылок на соответствующий прецедент Суда ЕС. Это не было сделано, возможно, потому что дело о вертикальных соглашениях представляется менее амбициозным в своих выводах и влиянии на правовой порядок ЕАЭС, чем случай «Van Gend en Loos» в его влиянии на правовой порядок Европейских сообществ и Союза.

Отсутствуют ссылки на дело Van Gend и в последующих решениях Суда ЕАЭС, развивающих принцип прямого действия. В частности, в Консультативном заключении от 7 декабря 2018 г. по делу об армянских спортсменах, суд не просто указывает, что положения ст. 97 (1-2) Договора о ЕАЭС обладают прямым действием, но и определяет критерии прямого действия (закрепление прав,

⁴¹ Там же. Отступ 1. Пар. 2 Раздел IV.

четкая и ясная форма изложения нормы, нормы не требуют имплементации в национальное законодательство)⁴²,

В отношении закрепления принципа верховенства в праве ЕАЭС ситуации несколько иная. Однако в том, как походило закрепление этого принципа в праве ЕАЭС, определенно чувствуется влияние практики и подходов, заданных Судом ЕС.

Впервые решение по делу «Costa vs. ENEL» и развивающее его положение дело «Simmenthal», вынесенные Судом ЕС в 1964 и в 1978 году соответственно, были упомянуты в Особом мнении судьи К.Л. Чайки по делу № СЕ-1/1-16-БК, «Россия vs. Беларусь», представленное 25 февраля 2017 г. в подтверждении его доводов о невозможности принятия государствами-участниками актов, противоречащих положениям права ЕАЭС⁴³.

10 июля 2018 г. в своем Консультативном заключении по делу о толковании положений Договора о ЕАЭС и определении места решений некогда существовавшей Комиссии Таможенного союза среди источников права ЕАЭС, Суд ЕАЭС сформулировал приоритет права Союза над национальными правовыми актами и заключил, что государства-члены обязаны воздерживаться от принятия национальных правовых актов, противоречащих нормам права Союза⁴⁴. Кроме того, в этом же Консультативном заключении Суд ЕАЭС определил, что «содержание понятия «право Союза» подлежит разъяснению в контексте рассмотрения системы права, призванной обеспечивать наднациональный характер правового регулирования функционирования Союза» (отступ 2 пар. 1).

⁴² Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 7 декабря 2018 г. по делу № СЕ-2-2/5-18-БК, «Армянские спортсмены», Отступ 9 пар. 2. <http://courteurasian.org/doc-22543> (дата обращения: 10.10.2019).

⁴³ Особое мнение судьи К.Л. Чайки 25 февраля 2017 г. по делу № СЕ-1/1-16-БК, Россия vs. Беларусь, Отступ 4. Пар. 3.1. <http://courteurasian.org/doc-17993> (дата обращения: 10.10.2019).

⁴⁴ Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 10 июля 2018 г., по делу № СЕ-2-1/2-18-БК, «статус решений Комиссии ТС». Отступ 5. Пар. 5. <http://courteurasian.org/doc-21263> (дата обращения: 10.10.2019).

Вместе с тем, существуют некоторые сомнения в том, сможет ли стремиться ли Суд ЕАЭС развивать и продвигать принципы «прямого действия» и «верховенства» в качестве фундаментальной части правопорядка ЕАЭС. Прежде всего, неясно, считают ли государства-члены ЕАЭС себя связанными подобными решениями Суда ЕАЭС, в частности, его консультативными заключениями. Во-вторых, позиция судей Суда ЕАЭС в деле о вертикальных соглашениях не была единодушной⁴⁵. В-третьих, в последние годы Конституционный суд России в своих решениях придерживается весьма строгого подхода в отношении влияния решений международных органов на российский правопорядок. В деле «ООО Авангард Агро-Орел» в 2015 г. Конституционный суд РФ определил свою юрисдикцию для проверки соответствия решений органов ЕАЭС, затрагивающих права человека, закрепленных в Конституции России 1993 г.⁴⁶

Тем не менее нельзя недооценивать важность судебных прецедентов Суда ЕАЭС по признанию принципов «прямого действия» и «верховенства» положений Договора ЕАЭС. Право ЕАЭС способно динамично развиваться вместе с дальнейшей экономической интеграцией на пространстве бывшего СССР. С одной стороны, Суд ЕАЭС определенно был вдохновлен прецедентным правом Суда ЕС. С другой стороны, Суд ЕАЭС был вынужден формализовать принципы «прямого действия» и «верховенства», поскольку уровень экономической интеграции в ЕАЭС все еще далек от стандартов европейской интеграции.

⁴⁵ Особого мнения судьи Айриян к Консультативному заключению Суда ЕАЭС от 4 апреля 2017 г. по делу СЕ-2-1/1-17-БК, «Вертикальные соглашения». Пар. 1.2. <http://courteurasian.org/doc-18153> (дата обращения: 10.10.2019).

⁴⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 3.03.2015. № 417-О Авангард-Агро-Орел // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации, 2015. № 3.

Заключение

В том, как протекает закрепление принципов прямого действия и верховенства в правовом порядке ЕАЭС, отчетливо наблюдается влияние подходов, апробированных в рамках европейской интеграции. Во-первых, сходство предопределено тем, что, как и в случае с Римским договором, учредительный акт ЕАЭС не содержит данных принципов, их формулирование для целей права ЕАЭС ложится на плечи судебной инстанции интеграционного объединения. Во-вторых, Суд ЕАЭС не скрывает в целом влияние примера Суда ЕС на формулирование собственных правовых позиций и, может быть с долей осторожности, но все же ссылается напрямую в своих решениях на прецедентную практику Суда ЕС.

Очевидно, что появление принципов прямого действия и верховенства в практике Суда ЕАЭС отражает общую тенденцию европеизации права ЕАЭС. Несмотря на то, что ЕС официально даже не признает евразийские структуры⁴⁷, которые, справедливости ради надо отметить, всегда выражали заинтересованность в открытии некоего «экономического диалога»⁴⁸, в этом процессе нет ничего удивительного. Европейский Союз, его правовая система и правовая модель являются успешной моделью и ориентиром для оформления процессов экономической интеграции. Именно Европейский Союз был назван в Декларации о евразийской экономической интеграции 2011 г.⁴⁹, в качестве желаемого партнера для сотрудничества. Декларация о дальнейшем разви-

⁴⁷ Van Elsuwege P., Overcoming Legal Incompatibilities and Political Distrust: the Challenging Relationship between the European Union and the Eurasian Economic Union // The EU-Russia: the Way out or the Way Down? M.: Institute of Europe, 2018. P. 34-39.

⁴⁸ Kembraev Zh., Regional Integration in Eurasia: The Legal and Political Framework // Review of Central and East European Law, 2016. Vol. 41. P. 157-194.

⁴⁹ Декларация о евразийской экономической интеграции из 2011 г. <https://kremlin.ru/supplement/1091> (дата обращения: 10.10.2019).

тии интеграционных процессов, подписанная 6 декабря 2018 г.⁵⁰, подтверждает эту позицию евразийских структур.

Кроме того, вопрос о соотношении с национальными правовыми системами стран-участниц заложен в самой природе интеграционных правопорядков. Именно поэтому формулирование принципов прямого действия и верховенства в праве ЕАЭС было ожидаемо и явилось что называется «делом времени». Появление этих принципов в праве ЕАЭС свидетельствует о небывалом для постсоветского пространства развитии интеграционных процессов.

---

⁵⁰ Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС 2018 г. https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420213/ms_10122018 (дата обращения: 10.10.2019).

Роман Николаевич Лункин

Россия и Беларусь в контексте церковной политики: тихая гавань бурных страстей

Abstract: The article analyses the situation in Belarus in the light of the Russian church policy as a part of the soft power policy. The author made a conclusion that the future church situation in Belarus will be more problematic than that in Ukraine in 2018–2019 after the split between the Russian Orthodox Church (ROC) and Constantinople. The reasons for it lie in the difference of the perception of the Ukraine and Belarus in Russia and in Russian Church. The political clashes, the pluralism and the independent Church are common things for Ukraine. In Belarus, political stratification is an ongoing project. There is also a possibility of raising anti-Moscow elements in the society and opposition, also of the church movements and jurisdictions that are alternative to the ROC. Special attention is paid to several factors: religious pluralism, inside-church divisions, political request for the Orthodoxy, the split between the ROC and Constantinople and national self-identification.

Keywords: Orthodoxy, Eurasian space, Russian Orthodox Church, Russian-Belorussian relations, national identity

Белоруссия рассматривается в России как самый верный союзник практически во всех вопросах, в том числе и в церковном. Религиозная ситуация внутри Белоруссии представляется самой благоприятной для России на фоне происходящего в Украине. Белорусская православная церковь (БПЦ, Минский Экзархат) является составной частью Русской православной церкви, а государство в лице пре-

зидента Александра Лукашенко признает и поддерживает именно БПЦ (патриарший экзарх с 2013 г. – митрополит Павел). Внешне отсутствует какая-либо почва для неблагоприятного развития событий, раскола БПЦ, использования религиозного фактора против России, как это пытаются сделать в Украине.

Однако, как это ни странно, белорусская ситуация таит в себе намного больше опасностей, чем украинская. В Украине, несмотря на реально существующую, в отличие от Беларуси, конкурирующую православную церковь (Киевский патриархат), расколоть Украинскую церковь Московского патриархата (УПЦ) не удалось. Украинские политики по главе с П. Порошенко действовали грубо, как и сам Вселенский патриархат, чем напугали даже тех сторонников автокефалии от Москвы, которые были в УПЦ¹. Соперничество двух значимых, но не равнозначных церковных юрисдикций, в Украине предопределено, но позиции РПЦ (УПЦ) это уже радикально не подорвет. Белорусская почва в этом отношении является «окном возможностей», где может произойти если не все, то многое из числа неприятных для РПЦ неожиданностей.

Белорусский «ящик Пандоры» показывает, насколько важно внутреннее развитие как Церкви, так и гражданского общества, анализ религиозной ситуации в широком политическом контексте. Такой взгляд позволяет увидеть ту конфессию, которую мы считаем монолитной и традиционной, совершенно с другой стороны. Можно выделить несколько факторов. Они определяют тренды, которые будут иметь воплощение в ближайшем и отдаленном будущем.

Фактор религиозного плюрализма. В отличие от России в белорусском Законе о свободе совести «традиционными религиями»

¹ Подробнее см.: Лункин Р.Н., Политическая ситуация в Украине в свете церковного раскола // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН, 2018. № 6. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran62018196202>.

признается несколько христианских конфессий – это православие, католицизм, лютеранство. По данным Министерства иностранных дел Беларуси, верующими считают себя 58,9% населения страны. Из них 82% – православные, 12% – католики, 6% – представители других 23 конфессий, в том числе мусульман, протестантов, иудеев, униатов и других². Законодательно подтвержденный религиозный плюрализм изначально поместил БПЦ в конкурентную среду в постсоветский период. Католическая церковь занимает в Беларуси активную политическую позицию, отстаивая свои права и интересы (к примеру, на приглашение иностранных священнослужителей в качестве руководителей религиозных организаций). На втором месте по числу зарегистрированных общин в Беларуси стоят протестантские евангельские церкви (баптисты, пятидесятники, адвентисты). И протестанты, и католики позволяют себе открыто критиковать БПЦ, власти и лично президента А. Лукашенко (баптисты и пятидесятники, например, выступали против введения «Основ православия» в школах, против изменения Конституции РБ в 2000-х гг. и новых сроков Лукашенко). Даже если сейчас глава государства поддерживает отношения, в основном, с БПЦ, любая новая власть покажет свою открытость и будет выстраивать отношения с целым рядом христианских конфессий, а также с иудаизмом и исламом (тоже упомянутыми в Законе о свободе совести РБ).

Фактор внутрицерковных разногласий. Митрополит Павел так и не сумел стать абсолютно «своим» церковным лидером в Беларуси. Президент РБ периодически напоминает главе БПЦ, что он не гражданин страны, демонстративно встречается с бывшим главой экзархата митрополитом Филаретом (Вахrameевым), поддерживает движение к полной независимости БПЦ. Из заявлений

² Смирнов А., Будет ли у белорусов свое православие? DW, 10.01.2017. <https://p.dw.com/p/2VYWd> (дата обращения: 24.11.2019).

Лукашенко ясно, что он не исключает, по крайней мере, такого варианта. По словам Лукашенко, нынешние отношения с РПЦ белорусов устраивают, но «жизнь все расставит на свои места». Общее отношение к Церкви как части государственной системы можно оценить по выступлению Лукашенко 7 января 2016 г. на рождественском богослужении в Свято-Духовом кафедральном соборе в Минске. Тогда президент Беларуси заявил, что не понимает тезиса об отделении церкви от государства и что БПЦ должна отдавать себе отчёт, что действует «в суверенном и независимом государстве», и церковь должна приспосабливаться к этому.

Реальным администратором (это означает, что значительная часть кадровых вопросов, хозяйственных дел епархии находится в руках не митрополита, а известного и всю жизнь служащего в республике священника) в Экзархате считается духовник А. Лукашенко протоиерей Федор Повный, которого президент хотел видеть экзархом (по сообщениям медиа) и который крестил сына президента. Косвенным подтверждением высокого административного положения прот. Федора является то, что он довольно свободно раздает интервью для СМИ. И несмотря на все слухи о влиянии, митрополит его не трогает. Негативно на репутации митрополита Павла сказалось участие Экзархата в процессе над бывшим главой издательства БПЦ Владимиром Грозовым. В частности, в 2018 г. владыка Павел был вызван на допрос на судебное заседание, где вынужден был отвечать на вопросы, в том числе и о своем имуществе (о подаренном на 65-летие «Майбахе» и т.д.). Представить себе вызов на допрос патриарха или любого епископа в России вряд ли возможно. Несмотря на то, что суд над В. Грозовым был инициирован самим Павлом, митрополит просил власти помиловать бывшего главу издательства, но власти не прислушались к мнению главы Экзархата (Грозовой получил семь лет за хищение и неуплату налогов).

Относительная слабость фигуры нынешнего митрополита Павла и наличие сильных внутрицерковных кланов позволяет

говорить о том, что церковная власть и в будущем не будет столь монолитной. Если сменится митр. Павел или отец Федор власть церковного лидера, присланного из Москвы, не будет абсолютной и решающей. Следующий экзарх, назначенный Синодом РПЦ не из числа белорусов, только расшатает ситуацию с церковным управлением и даст козыри в руки новых белорусских властей для критики БПЦ. Поэтому новым главой БПЦ сразу или после кризиса (связанного с назначением из Москвы) будет национальный лидер. Думаю, что БПЦ движется к назначению своего белорусского руководителя. В рамках первого сценария такой руководитель может прийти на смену митр. Павлу сразу – патриарх Московский назначит епископа-белоруса по согласованию с властями и самой БПЦ. В рамках второго сценария Московский патриархат назначит ставленника из Москвы, что вызовет недовольство в Беларуси, которая уже психологически готова к назначению или выборам своего лидера. При этом назначение россиянина из Москвы, если это произойдет при А. Лукашенко, пройдет без серьезных эксцессов. Если же произойдет смена власти, то назначенец из Москвы сразу обратит на себя внимание, и появятся требования смены церковной власти, что скорее всего произойдет. Третий и худший сценарий – церковный раскол, когда при поддержке светской власти избирается белорусский лидер РПЦ, а РПЦ его не признает, появляется две церкви с двумя руководителями. Но это произойдет только в том случае, если РПЦ не пойдет ни на какие компромиссы.

Фактор политического запроса на православие. Православная вера является основным элементом белорусской идентичности (что подтверждается опросами, где большинство называет себя православными и общей церковной славянской историей), наряду с католицизмом и лютеранством. Однако в силу своего общественного влияния именно православие используется различными политическими силами в качестве маркера своих цен-

ностей и интересов. Член Белорусской социал-демократической партии «Грамада» и кандидат на пост президента от демократической оппозиции Татьяна Короткевич (известная своей кампанией «Говори правду!») высказывалась за равенство всех конфессий. Короткевич представляет либеральный взгляд на религию как «частную сферу» и выступает против использования властью православия: «В Бога верю, но считаю это дело очень личным. Я за светское государство и за то, чтобы Церковь была от него отделена. Для меня главное в Христианстве — это милосердие и умение прощать».

Самым процерковным политиком является лидер Либерально-демократической партии Сергей Гайдукевич. Он в своих интервью называл митрополита Павла своим духовным отцом. С. Гайдукевич — единственный из кандидатов в президенты РБ 2015 г., с кем митр. Павел встречался лично. Лидер незарегистрированной Белорусской социал-демократической партии (Народная Громада) Николай Статкевич публично объявляет себя православным из рода православной шляхты и является довольно набожным политиком. После своего освобождения из заключения он отметил пятилетие разгона Площади-2010 молебном у Свято-Духова кафедрального собора в Минске. 7 апреля 2019 г. Н. Статкевич организовал молебен на площади Свободы против сноса крестов в Куропатах, установленных правозащитниками в память о жертвах сталинских репрессий (также участвовали активисты движения «Европейская Беларусь», Белорусской христианской демократии, против сноса крестов выступили и католики).

Самым критически настроенным по отношению к БПЦ является лидер Белорусского народного фронта (БНФ), глава Консервативно-Христианской Партии Зенон Позняк (из католической семьи, внук лидера христианско-демократического движения Беларуси 1920-х гг. Яна Позняка). Для БНФ независимость Белорус-

ского православия от Москвы является непреложным условием существования Беларуси как суверенного государства и нации.

В белорусском информационном пространстве достаточно экспертов и порталов, которые критично настроены по отношению к БПЦ. Требования отделения БПЦ от РПЦ звучат на страницах газеты «Наша нива», на портале «Хартыя`97», «Белорусская оппозиция». Телеграм-канал «Баста» утверждает, что среди священников БПЦ много скрытых сторонников национального самоопределения. Периодически звучат заявления о том, что связь БПЦ с Москвой – это угроза суверенитету Беларуси (об этом говорил политолог Владимир Мацкевич). Сопредседатель партии «Белорусская христианская демократия» Павел Северинец подвел идеологическую базу под «будущее отделение БПЦ от РПЦ: «православие здесь более старое, более демократическое и открытое для других вероисповеданий, чем российский вариант, склонный к ксенофобии и шовинизму».

Как это часто бывает в ходе политических трансформаций, именно такого рода голоса будут звучать наиболее громко. В политической сфере существует определенный плюрализм мнений о церкви. Вместе с тем за редким исключением фактически у каждой политической силы есть свои претензии к БПЦ (как и в России, все хотят быть православными по-своему, но для Церкви важно не скатиться на «поиск врагов» среди этих людей). В том числе и в выступлениях самого Лукашенко есть намеки на такого рода претензии к БПЦ. То церковь слишком государственная, то недостаточно независимая, то вообще не соответствует своим целям и задачам, поскольку не проявляет себя только как источник милосердия и «связана с Москвой».

Фактор церковного раскола и национального самоопределения.

Как подчеркнул в одном из своих интервью после разрыва РПЦ с Константинополем протодьякон Андрей Кураев, РПЦ уже потеряла Белоруссию, только этого не заметила. Осенью 2018 г.

Вселенский патриархат решением своего Синода признал недействительным решение XVII в. о передаче Киевской митрополии Московскому патриархату. Таким образом, и белорусские земли, состоявшие в Киевской митрополии того времени, перешли формально под руководство Константинопольского патриарха. В ходе Минского Синода РПЦ 2018 года А. Лукашенко (на встрече с патриархом и епископами БПЦ) поддержал позицию РПЦ в конфликте с Константинополем и «единство церкви». По крайней мере, с точки зрения Вселенского патриархата и раскольников внутри Белоруссии, белорусское православие вполне может попросить «полную независимость» или автокефалию, но уже не у Москвы, а у Константинополя.

Раскольников или альтернативное православие представляет Белорусская автокефальная православная церковь (БАПЦ)³. Центр этой церкви находится в Нью-Йорке, на территории Беларуси существует несколько приходов (БАПЦ возникла в 1920-е гг., подверглась репрессиям, возрождена во время оккупации, с 1944 г. в эмиграции). В 2018 г. глава БАПЦ архиепископ Святослав Логин поддержал предоставление томоса УПЦ. Владыка Святослав является членом Белорусского народного фронта (БНФ). Кроме того, когда лидер оппозиции Николай Статкевич устраивал молебен на площади Свободы в знак протеста против сноса крестов в Куропатах, пригласив туда протоиерея Леонида Акуловича, настоятеля прихода св. Ефросинии Полоцкой в Минске (БАПЦ). В июне 2019 г. другой священник БАПЦ отец Викентий (Ковальков) был оштрафован за участие в несанкционированном шествии оппозиции «Чернобыльский шлях», прошедшем 26 апреля 2019 г. Клирик БАПЦ был задержан тогда вместе с председателем оргкомитета Белорусского христианского движе-

³ Пойдёт ли Белорусская православная церковь по украинскому пути? EADaily, 8.10.2018. <https://eadaily.com/ru/news/2018/10/08/poydyot-li-belorusskaya-pravoslavnaya-cerkov-po-ukrainskomu-puti> (дата обращения: 24.11.2019).

ния Ольгой Ковальковой, зампредседателем партии «Зеленые» Дмитрием Кучуком и др.

Риторика противников РПЦ мало отличается от того, что говорят украинские националисты. Член ЦК Белорусской социал-демократической партии «Грамада» Павел Знавец, к примеру, с удовлетворением отметил, что украинцы получили «независимость от наследников Золотой Орды – Московии», а Минский Экзархат остался от советских времен.

В пользу БПЦ говорит то, что никакие другие юрисдикции православия, даже если им разрешат регистрироваться, не будут иметь никакого влияния в Беларуси, сравнимого с Минским Экзархатом РПЦ. БАПЦ в будущем может выступать только в качестве раздражающего фактора.

Микроскопическую автокефальную церковь (БАПЦ) можно назвать символом радикальной демократической оппозиции, но реальной угрозы для БПЦ она не представляет. Однако внутри Экзархата есть яркие оппозиционные руководящие фигуры, которым многие священники симпатизируют. Это прежде всего бывший клирик Михайловского храма в Минске отец Александр Шрамко. В 2015 г. он поддерживал стремление БПЦ к обретению статуса самоуправляемой и вообще независимой церкви, известен своими демократическими взглядами, тем, что одним из первых ввел богослужение на белорусском языке. В 2018 году после того, как опубликовал в «Фейсбуке» пост про пышную встречу патриарха Кирилла в Минске и его кортеж, А. Шрамко был отстранен от служения и фактически уволен (отправлен за штат). Петицию в защиту А. Шрамко подписали многие, в частности, поэт Дмитрий Строчев, сопредседатель Белорусского христианского движения Виталий Римашевский⁴.

---

⁴ Приймак А., Белорусские националисты просят томос и для себя // Независимая газета, 18.09.2018. http://www.ng.ru/ng_religii/2018-09-18/10_16_tomos.html (дата обращения: 24.11.2019).

Настроение белорусского населения, особенно молодого поколения, будет зависеть от политической ситуации. Если позволят обстоятельства, то большинство выскажется за демократизацию церкви и свою национальную церковь с максимальной самостоятельностью (об этом позволяет говорить, как просьба Минской епархии о статусе самоуправяемой церкви в 2015 г., так и независимое развитие БПЦ постсоветского времени). Самым оптимальным будет сохранение тесной связи с РПЦ, так как полный разрыв отношений, как показал пример Украины, ни к чему хорошему не приводит. Показательно, что в марте 2018 г. критике со стороны пророссийских публицистов подвергся глава информационного отдела БПЦ прот. Сергей Лепин, который ярко выступил на 100-летнем юбилее провозглашения Белорусской народной республики (БНР), закончив свою речь возгласом «Слава Христу! Жыве Беларусь!» (аналог лозунга «Слава Украине! Героям Слава!»), который использует «русофобствующая оппозиция». Важен контекст, в котором прозвучали слова о. Сергия Лепина. Дело в том, что митр. Павел отказался устраивать какие-либо церковные мероприятия в честь столетия БНР, чтобы не «политизировать молитву». При этом, католическая Минско-Могилевская архиепархия устроила специальную «молитву за Беларусь»⁵.

Экспертный опрос, проведенный автором статьи среди наиболее видных религиоведов и публицистов, выявил единодушное мнение о невозможности изменений в БПЦ до смены политического курса страны и практическом отсутствии сторонников автокефалии внутри БПЦ. Лукашенко не заинтересован ни в каких политических (в отличие от экономических) изменениях в стране, и это вполне можно спроецировать на церковь. Кажется, что Лукашенко, возможно, хотел бы прославиться, как человек, при

---

⁵ Российский шовинист Аверьянов-Минский набросился на пресс-секретаря БПЦ, который выступал на Дне Воли, – и получил отпор. Наша Нива, 3.04.2018. <https://nn.by/?c=ar&i=207485&lang=ru> (дата обращения: 24.11.2019).

котором БПЦ повысила бы статус, но в этом случае символическая роль церкви и ее нового главы может вызвать ревность у президента. Тем не менее оказывается, что даже в такой ситуации проблемных точек достаточно. Петр Петровский, сопредседатель редакционного совета портала «Евразия. Эксперт», научный сотрудник Института философии НАН Беларуси, подчеркивает недовольство своим статусом в БПЦ, отсутствие социальных лифтов для иерархии, «недоверие со стороны Москвы». Ведущий религиовед Беларуси Светлана Карасёва, доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета, подчеркивает, что церковь воспринимается обществом через призму лояльности и сохранения стабильности, а для А. Лукашенко религия не является существенным фактором, поэтому и митр. Павла А. Лукашенко может иногда поддевать в своих выступлениях, как и любого другого чиновника. Российский социолог и политолог Анастасия Митрофанова полагает, что белорусы «менее склонны выражать социальные противоречия через религию, потому что значительная часть населения современной РБ – приехавшие туда в советское время и их потомки, то есть традиций сельской религиозности там нет». Политолог Алексей Макаркин также отметил ограниченный протестный потенциал белорусов: «После Лукашенко ничего не запрограммировано – разве что обратил бы внимание на желание многих молодых белорусов дистанцироваться от России. Но дистанцироваться – это не всегда идти на жесткий конфликт». Известный белорусский блогер и теолог Наталия Василевич (во многом единомышленница отца Александра Шрамко) считает, что если политическому режиму будет выгодно, то и независимая церковь появится, а «сейчас церковь практически не имеет субъектности и собственной суверенности vis-a-vis режим». Высказывания экспертов свидетельствуют о том, что БПЦ, по крайней мере, есть, о чем просить Москву. Внутри Экзархата зреет внутренняя дискуссия о путях развития церкви, и этот путь будет не похож на русский вариант РПЦ.

Вполне может так получиться, что белорусское православие будет меняться намного более динамично, чем сам Московский патриархат. Молодое духовенство намного более европеизировано и свободно в своих взглядах (большую известность приобрел священник блогер и рэпер из Минска – отец Александр Кухта). Отличием от России является то, что в Белоруссии существует заметное христианское демократическое движение как политическая сила (это и Белорусская христианская демократия, и более радикальная и маргинальная сила – Консервативно-христианская партия, по сути, христианские демократы – это и отдельные оппозиционеры типа отца Александра Шрамко). Аналогичные процессы социального развития и изменения форм миссии, смены поколений происходят и в российском православии (но не приобретают пока политических форм).

В рамках церковного национального самоопределения может быть выдвинут, в том числе и светскими политическими силами, целый ряд требований: 1. Митрополита из своей церковной среды, гражданина Беларуси. 2. Повышения статуса Экзархата. В декабре 2014 г. была предпринята попытка духовенства Минской митрополии попросить предоставления более высокого по сравнению с экзархатом статуса самоуправляемой церкви (как у Латвии, Молдавии, Эстонии, но ниже, чем УПЦ, имеющей статус самоуправляемой церкви с расширенными полномочиями). Самоуправляемая церковь сама решает все внутренние вопросы на своем Синоде без утверждения в Москве. В начале 2015 г. митр. Павел неожиданно (поскольку это было уже личное решение митрополита, а не духовенства Минской митрополии, и реакции из РПЦ также не было до этого) заявил о несвоевременности такого статуса и о том, что в ближайшие 25 или 50 лет к этому вопросу возвращаться не следует. 3. Требования внутренней демократизации БПЦ, как условие выхода Церкви из-под опеки государства (развитие приходского самоуправления, введения элементов выборности духовенства, ограничение власти епископата) и раз-

вития приходов, творческих инициатив духовенства, близких к нуждам прихожан.

Пример УПЦ показывает, как быстро меняется мировоззрение церкви в новых политических условиях. После 2018 г. приоритетами для украинского духовенства стали независимость от государства, взаимодействие с европейскими институтами, защита свободы совести. БПЦ в рамках общеевропейского тренда также будет дрейфовать в сторону отделения от государства. Ни украинские, ни белорусские епископы не хотят быть «слугами государевыми», особенно, у таких политиков как П. Порошенко или В. Зеленский (и их будущих белорусских аналогов – любой политик, пришедший на смену А. Лукашенко захочет самоутвердиться не только на противоречиях России и Евросоюза, России и Украины, но и за счет церковного вопроса – национализации церкви, противопоставления ее Москве. В Белоруссии возможен и более мягкий вариант – критики в адрес РПЦ и требований более высокого статуса самоуправяемой церкви). Как и в случае с Украиной возникает вопрос по поводу позиции РПЦ в Беларуси – пойдет ли она во главе процесса или будет ему препятствовать, пытаясь контролировать ситуацию, назначая своих митрополитов, не давая статуса самоуправяемой церкви. Но ответ на этот вопрос непредсказуем. Ясно только то, что РПЦ всегда поддержит любого президента Беларуси, если он не будет затрагивать статус БПЦ, а процесс предоставления более широких полномочий самоуправления национальной церкви будет затягиваться настолько, насколько это возможно.

Будущая церковная ситуация в Белоруссии может быть намного более болезненной, чем то, что произошло в Украине в 2018-2019 гг. между РПЦ и Константинополем. И для этого есть свои причины. К Украине российское общество и РПЦ в каком-то смысле привыкли – политические разделения и конфликты, большая де-факто независимая УПЦ – это уже обычные вещи. В Белоруссии политическая стратификация общества только грядет,

и в ней будет значителен (пока неясно насколько) антимосковский элемент с поддержкой церковных юрисдикций, альтернативных РПЦ, активных и недовольных руководством священников в самой БПЦ (а такие всегда есть в большой церковной структуре). Церковно-политическая турбулентность в Белоруссии наверняка будет чем-то снова неожиданным, острым и ярким, а вот представить российскому обществу все в таких же красках и объяснить теми же причинами, что и в случае с Украиной, будет сложнее. Если и Белоруссия когда-либо займет в новостях место Украины, то в этом случае сама Россия будет подрывать основы славянского братства, но стоит надеяться на то, что в ближайшем будущем это будет не нужно ни самим гражданам, ни политикам обеих стран.

Каныбек Ажекбарович Ажекбаров
Толубек Кадыралиевич Камчыбеков

Перспективы сотрудничества Кыргызской Республики и Европейского Союза в рамках евразийской экономической интеграции

Abstract: The article discusses the stages of development of Eurasian economic integration and the state of cooperation between the European Union and the Eurasian Economic Union. The relevance of the cooperation between the European Union and the Kyrgyz Republic, as a member of the Eurasian Economic Union, is determined.

Keywords: integration, Customs Union, single economic space, Kyrgyz Republic, European Union, Eurasian Economic Union

В настоящее время интеграция является основным трендом современного развития мировой экономики. Развитию сотрудничества и углублению региональных интеграционных связей содействуют глубокие структурные изменения и системные кризисные явления в мировой экономике.

Современная евразийская экономическая интеграция имеет более чем 20-летнюю историю, начало которой на заре 90-х XX в. положили первые, тогда еще не во всем успешные попытки сохранить в новой форме многообразные хозяйственные связи, десятилетиями связывавшие республики советского государства.

Важной вехой в начале этого сложного пути стала выдвинутая первым президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым в ходе его выступления в Московском университете в феврале 1994 г. инициатива формирования Евразийского союза государств¹, ставшего, в итоге, прообразом Евразийского Экономического Союза (далее – ЕАЭС, Союз).

Стартовая попытка создать на постсоветском пространстве таможенный союз была предпринята Беларусью, Казахстаном и Россией в начале 1995 г., а в 1996 и 1998 гг. к ним присоединились Кыргызстан и Таджикистан. Созданный «таможенной пятеркой» союз в те годы не заработал, но, благодаря координация действий, уже в конце двадцатого века сложилось то «интеграционное ядро» государств, активное взаимодействие которых впоследствии обеспечило прогресс евразийской интеграции.

В 2000-х гг. работа по формированию Таможенного союза (далее – ТС) и Единого экономического пространства (далее – ЕЭП) осуществлялась в рамках Евразийского Экономического Сообщества (далее-ЕврАзЭС, Сообщества) – интеграционного объединения пяти сопредельных евразийских государств, послужившего «инфраструктурной базой» дальнейшей экономической интеграции. В его состав вошли пять сопредельных евразийских государств; еще три постсоветских государства – Армения, Молдова и Украина – получили статус наблюдателя при ЕврАзЭС и были в той или иной степени вовлечены в деятельность Сообщества.

ЕврАзЭС стал своего рода «трамплином» к более высокому уровню интеграции. В его рамках было успешно завершено поэтапное многостороннее согласование условий функционирования Таможенного союза первоначально с участием Беларуси, Казахстана и России как наиболее подготовленных к этому государств, с аперспективой последующего присоединения других

¹ Мансуров Т., 25 лет Евразийскому проекту Нурсултана Назарбаева. 1994-2019. М.: Институт экономических стратегий, 2019. С. 115.

государств-участников евразийской интеграции. Итогом этого процесса стало подписание в 2007 г. Договора о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза.

Таможенный союз «тройки» заработал с 1 января 2010 г. На его территории начали действовать единый таможенный тариф, система тарифного и нетарифного регулирования и единый Таможенный кодекс². В июле 2011 г. был полностью снят таможенный контроль на внутренних границах Беларуси, Казахстана и России и завершилось формирование единой таможенной территории. Таким образом, на всей таможенной территории «тройки», где действует единый механизм таможенного и внешнеторгового регулирования, было в основном обеспечено беспрепятственное движение товаров.

Одновременно с «отладкой» действующего Таможенного союза шел процесс подготовки договорно-правовой базы ЕЭП, завершившийся к концу 2011 г. подписанием пакета 17 базовых соглашений, формирующих ЕЭП. Соглашения вступили в силу с 1 января 2012 г. и эта дата стала «точкой» старта нового этапа евразийской интеграции – функционирования ЕЭП Беларуси, Казахстана и России с рынком в более чем в 170 млн. потребителей, унифицированным законодательством, свободным передвижением товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

Успешное развитие таможенного союза и ЕЭП позволило в сжатые сроки завершить работу по формированию принципиально нового интеграционного объединения ЕАЭС – международной организации экономической интеграции, ставшей институциональной основой Таможенного союза и ЕЭП.

При подготовке Договора о Евразийском Экономическом Союзе (далее – Договор) была осуществлена кодификация действовавшей нормативно-правовой базы как Таможенного союза

² Глазьев С.Ю., Экономика будущего. Есть ли у России шанс? («Коллекция Изборского клуба»). М.: Книжный мир, 2017. С. 308.

и ЕЭП, так и всего ЕврАзЭС – то есть, актуальных документов, касавшихся всей «интеграционной пятерки». Эта работа не была простым, «механическим» сведением разнообразных нормативных актов в единый правовой документ, поскольку кодификация предусматривала, во-первых, создание институциональных основ функционирования принципиально нового интеграционного объединения и, во-вторых, систематизацию заключенных ранее международных договоров, т.е., устранение отсылочных норм, исключение противоречий, оптимизацию действующих норм, восполнение пробелов и формирование единого понятийного аппарата, а также приведение норм Таможенного союза и ЕЭП в соответствие с правилами и нормами ВТО³.

Договор был подписан главами государств Беларуси, Казахстана и России 29 мая 2014 г. в Астане. Документ успешно прошел процедуру ратификации в национальных парламентах и вступил в силу 1 января 2015 г. Это – объемный документ на более чем тысячу страниц, состоящий из четырёх частей, включающих в себя 28 разделов, 118 статей и 33 приложения.

Структурой, обеспечивающей деятельность ЕАЭС, является Евразийская экономическая комиссия (далее – ЕЭК). В соответствии с Договором, ЕЭК обеспечивает условия функционирования и развития ЕАЭС, разработку предложений по дальнейшему развитию интеграции с учетом интересов каждой страны.

В настоящее время в составе ЕЭК представлены все пять государств – членов ЕАЭС: Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация. В 2018 г. наблюдателем в ЕАЭС стала Молдова.

Все решения в ЕЭК принимаются коллегиально на основе консенсуса. Коллегия ЕЭК формируется из представителей государств-членов исходя из принципа равного представительства государств-членов Союза.

³ Там же. С. 310.

Деятельность ЕЭК структурирована по функциональным направлениям, которые курируют Члены Коллегии (Министры). Каждое направление представляет собой блок из отраслей и сфер экономической деятельности. По состоянию на 1 сентября 2019 г. в структуре ЕЭК функционируют 23 департамента. При них созданы более 20 Консультативных комитетов. Председателями комитетов являются Члены Коллегии (Министры) ЕЭК.

В своей работе Комиссия поддерживает постоянный и всесторонний диалог с ключевыми партнерами. Первый уровень диалога – межгосударственный, предусматривающий выстраивание эффективного взаимодействия с национальными органами власти в процессе выработки и принятия решений. Второй уровень диалога – прямая форма работы с бизнес-сообществом. Основные направления деятельности ЕЭК охватывают более 20 отраслей и сфер экономического взаимодействия.

Договором также предусмотрено, что в Союзе осуществляется скоординированная (согласованная) политика в приоритетных секторах экономики. Определены конкретные сроки начала проведения согласованной секторальной политики в чувствительных сферах, также определен алгоритм работы в этом направлении: на старте формулируются концептуальные подходы, далее составляется план действий и подписывается международный договор, вступающий в силу в установленные сроки. Таким путем последовательно и системно устраняются разного рода ограничения и барьеры, так или иначе препятствующие свободному взаимному доступу хозяйствующих субъектов на рынки государств – членов ЕАЭС, которые сохранились к 1 января 2015 г.

Устранение ряда изъятий предусматривается в Договоре, в том числе путем установления переходных периодов; по остальным продолжается конкретная работа. Определен и крайний срок устранения барьеров – это 2025 г. Общий рынок лекарственных средств и медицинских изделий начал функционировать с 2018 г. Общий электроэнергетический рынок, общие рынки

газа, нефти и нефтепродуктов должны заработать к 1 января 2025 г. Также к 2025 г. должен быть создан наднациональный орган по регулированию финансового рынка, который разместится в Республике Казахстан.

Следует отметить, что Договор открыт для присоединения новых членов. Так, например, в октябре 2014 г. был подписан договор о присоединении Армении к Договору, который вступил в силу 2 января 2015 г. А 23 декабря 2014 г. главами государств был подписан договор о присоединении Кыргызской Республики к Договору⁴. Президенты государств-членов ЕАЭС подписали 8 мая 2015 г. три протокола к Договору о присоединении, а также решения об отмене таможенного и иных видов контроля на кыргызско-казахстанском участке границы. 12 августа 2015 г., после ратификации договора о присоединении и протоколов к нему национальными парламентами пяти государств, Кыргызская Республика также стала полноправным членом ЕАЭС.

Как свидетельствуют статистические данные⁵, валовой внутренний продукт Кыргызстана начиная с 2015 г. растет темпами, превышающими увеличение ВВП в целом по ЕАЭС. В течение 2016-2017 гг. данная тенденция сохранилась.

При этом в 2016 г. в структуре ВВП отмечалось увеличение доли сферы услуг (до 47,5%), промышленности (до 18,2%) и строительства (до 8,4%). Существенен вклад сельского хозяйства – 12,8%. При этом вклад сферы услуг в прирост ВВП в 2016 году составил плюс 1,7%, промышленного производства – плюс 1,0%. Все другие секторы экономики в 2016 г. также внесли положительный вклад в рост ВВП страны.

Вступление в ЕАЭС отразилось и на объемах внешней торговли страны. Улучшение внешнеэкономической конъюнктуры

⁴ Кыргызская Республика в Евразийском Экономическом Союзе. Первые результаты. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2018. С. 31.

⁵ Там же. С. 40.

способствовало росту экспорта, а подъем внутреннего спроса – увеличению импорта. Начиная с 2016 г. растет внешнеторговый оборот Кыргызстана с третьими странами. В 2016 г. его объемом вырос на 10,7%, в т.ч. экспорт – на 5,0%, а импорт – на 13,7%. В 2017 г. товарооборот продолжил увеличиваться и его прирост составил 10,1%, в т.ч. экспорт вырос на 8,6%, а импорт – на 10,8%.

Структура экспорта Кыргызстана в государства-члены ЕАЭС является диверсифицированной или более «здоровой», нежели экспорт в третьи страны. Удельный вес машин и оборудования во взаимной торговле выше, чем во внешней, также значительно выше удельный вес товаров с более высокой добавленной стоимостью – текстиля, текстильных изделий и обуви.

К тому же, по сравнению с внешней торговлей с третьими странами торговля Кыргызстана с партнерами по Союзу растет более быстрыми темпами. В 2016 г. прирост взаимной торговли (прирост объема экспортных операций) составил 9% (увеличение до 447,2 млн. долл. США), а в 2017 г. – 27% (до 568 млн. долл. США). При этом экспорт в третьи страны увеличился на 5% в 2016 году и на 8,6% в 2017 г.

В 2017 г. позитивные тенденции, связанные с ростом и диверсификацией торговли Кыргызстана с другими государствами-членами ЕАЭС, получили дальнейшее развитие. Удельный вес торговли с государствами-членами ЕАЭС в общем объеме торговли Кыргызстана в 2017 г. составил 38,6%, по итогам 2016 г. он был равен 37,2%. Наибольшую долю во взаимной торговле Кыргызстана со странами ЕАЭС заняли Казахстан (52,3% – в экспорте, 31,7% – в импорте) и Россия (46,2% – в экспорте, 63,8% – в импорте).

Интеграционные ожидания Кыргызстана формировались на фоне относительно стабильной динамики основных макроэкономических показателей. Вместе с тем уровень таких показателей в количественном измерении оставался низким в сравнении с аналогичными данными в государствах «тройки».

Существенный разрыв с другими членами ТС у Кыргызстана наблюдался и по производству ВВП на душу населения. В Кыргызстане этот показатель составлял в 2010 г. 920 долл. США, в то время как: в Беларуси – 6 000 долл. США (выше, чем в Кыргызстане, в 6,5 раза), в Казахстане – 9 071 долл. США (выше в 9,8 раза), в России – 10 678 долл. США (выше в 11,6 раза).

Объемы промышленного и сельскохозяйственного производства также были невелики по сравнению с объемами производства в России, Казахстане и Беларуси. В 2010-2014 гг. значения данных показателей в Кыргызской Республике характеризовались меньшей волатильностью по сравнению с указанными тремя странами.

Несмотря на то, что присоединение страны к ЕАЭС пришлось на непростой с экономической точки зрения период, Кыргызстан с первых месяцев членства ощущает позитивные эффекты от интеграции.

Позитивная динамика в промышленном производстве (динамика роста с 2016 г. опережает показатель в ЕАЭС в целом) обусловлена наращиванием объемов производства в обрабатывающей промышленности. В 2016 г. траектория спада в обрабатывающей промышленности (-7,8% в 2015 г.) сменилась устойчивым ростом (+5,9% в 2016 г.). В 2017 г. росло ускоренными темпами производство мяса и мясных субпродуктов (+11,1%), сливочного масла (+31,6%), круп (+13,1%), автомобильного бензина (+38,3%), топочного мазута (+19,1%). Фактически в стране восстановлено производство сахара (рост в 1,5 раза). В 2017 г. к лучшему поменялась ситуация в части производства молока (+6,5%) и муки (+23,1%)

Существенный рост наблюдается в легкой промышленности, при этом основными потребителями данной продукции являются жители Казахстана и России. В связи с увеличением продаж в республике существенно выросла потребность в квалифицированных кадрах.

По данным Национального статистического комитета Кыргызстана, в 2015 г. после длительного периода спада возобновился

рост среднегодовой численности работников, занятых в промышленности (на 2,1%, в т.ч. в добыче полезных ископаемых – на 17,4%, в обрабатывающих производствах – на 1,7%), и достиг 129 тыс. человек. Позитивная динамика наблюдается в сельскохозяйственном производстве.

В 2016 г. значительно сократилась доля населения, проживающего за чертой бедности (до 25,4%). В течение последнего десятилетия этот показатель не опускался ниже 30,6%. Уровень безработицы в 2016 г. снизился на 0,4 процентных пункта по сравнению с уровнем 2015 г. и составил 7,2% от экономически активного населения. Экономический рост обеспечивается всеми секторами экономики, и темпы роста по отраслям выше среднего по Союзу, что объясняется открывшимися для кыргызского бизнеса возможностями свободно работать на евразийском экономическом пространстве. Одним из благоприятных факторов, повлиявших на показатели роста экономики, стало восстановление экономического роста в странах ЕАЭС – основных торговых партнерах Кыргызстана.

Таким образом, евразийский проект стал восприниматься как ключ к модернизации экономики и гарантия поступательного развития в долгосрочной перспективе. При этом, преимущества от участия в нем Кыргызстана становились еще более заметными по мере развития и углубления интеграционных процессов внутри самого объединения. Безусловно, вхождение в Союз открыло Кыргызстану ещё более широкие возможности, в первую очередь, связанные с повышением конкурентоспособности национальной экономики и ростом благосостояния граждан.

Сделав выбор в пользу евразийской экономической интеграции, Кыргызстан связывает свое экономическое развитие с перспективами углубления интеграции в рамках Союза. Как полноправный участник объединения, Кыргызская Республика имеет равные с другими государствами-членами Союза права и возможности реализовывать собственные инициативы и вли-

ять на будущее всего Экономического союза. В случае же возникновения спорных ситуаций по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, Кыргызстан имеет возможность разрешения таких проблем в Суде Евразийского Экономического Союза. Так, кыргызская сторона активно участвует в работе по внесению изменений в Договор. Инициирован ряд поправок в части трудовой миграции, транспорта, транзита товаров, в сфере регулирования государственных закупок.

Конкретные преимущества для экономики Кыргызстана будут еще более заметными по мере обеспечения четырех свобод (товаров, капиталов, услуг, рабочей силы) в рамках Союза, устранения сохраняющихся изъятий и ограничений, и формирования общих рынков товаров, которые пока ещё регулируются национальными правилами. В части свободы движения товаров, помимо первоочередных шагов по снятию ветеринарного контроля на границе с Казахстаном и совместной с партнерами по Союзу работы по устранению изъятий и ограничений на внутреннем рынке, перспективным направлением развития ЕАЭС, которое в дальнейшем способно оказать позитивное влияние на экономический рост и экономику Кыргызстана, станет формирование общих рынков энергетических ресурсов (электроэнергии, газа, нефти и нефтепродуктов) Союза.

Как отмечают эксперты, с 1 января 2015 г. после вступления в силу Договора, ЕЭК получил международную правосубъектность и имеет право по согласованию с государствами-членами осуществлять международное сотрудничество путем заключения международных договоров по вопросам, отнесенным к его компетенции, включая международные договоры Союза, устанавливающие режим свободной торговли

За время функционирования ЕЭК подписано более 25 меморандумов о сотрудничестве и взаимодействии, включая международные организации, представительства, как иностранных

государств, так и таких структур, как СНГ, Европейская экономическая комиссия ООН, ЮНКТАД и др.

Следует отметить, что руководство ЕЭК в сентябре 2015 года направило письмо на имя председателя Европейской Комиссии (далее – ЕК), в котором подтверждена заинтересованность ЕЭК в активизации контактов и развитии взаимовыгодного равноправного сотрудничества с ЕК.

Этим же письмом представлена памятная записка «Евразийский Экономический Союз – Европейский Союз: контуры сотрудничества» (далее – Памятная записка), одобренная главами правительств государств-членов нашего Союза.

В Памятной записке⁶ отмечено следующее:

- «Государства-члены Евразийского Экономического Союза (далее – ЕАЭС) выступают в поддержку поступательного развития взаимовыгодного равноправного сотрудничества между ЕАЭС и Европейским Союзом (далее – ЕС), с учетом компетенции ЕАЭС.
- В качестве основных целей сотрудничества государства-члены ЕАЭС рассматривают:
- укрепление конкурентоспособности экономик государств-членов ЕАЭС и ЕС в глобальном масштабе, повышение благосостояния граждан;
- сопряжение и взаимный учет процессов экономической интеграции в ЕАЭС и ЕС («интеграция интеграции»);
- содействие развитию взаимной торговли, облегчение условий внешнеэкономической деятельности хозяйствующих субъектов;
- создание устойчивого диалогового механизма для урегулирования возникающих спорных вопросов, относящихся к компетенции ЕАЭС.

⁶ Письмо председателя Коллегии ЕЭК от 17 сентября 2015 года. Приложение. С. 2-4.

- Сотрудничество между ЕАЭС и ЕС будет способствовать постепенному формированию общего экономического пространства от Атлантического до Тихого океана.

Реализация указанных целей требует практического сотрудничества по следующим основным направлениям:

- применение мер внешнеторговой политики, снижение тарифных и нетарифных барьеров в торговле;
- сближение систем технического регулирования;
- привлечение прямых инвестиций;
- взаимодействие в вопросах санитарного, ветеринарно-санитарного и карантинного фитосанитарного регулирования;
- совместное изучение вопроса заключения в будущем соглашения о свободной торговле;
- сотрудничество по вопросам охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности.

Перечень направлений сотрудничества не является исчерпывающим и может быть расширен в ходе консультаций между Евразийской Экономической Комиссией и Европейской Комиссией (в формате, определяемом каждой из сторон), на которых предлагается согласовать совместный документ, не имеющий юридической силы, содержащий общее понимание целей, направлений и механизмов сотрудничества между ЕАЭС и ЕС».

Однако в 2016 г. вышеуказанные инициативы ЕАЭС были отложены от рассмотрения ЕС в дипломатичной форме «...решение будет приниматься с учетом более широкого политического контекста».

Несмотря на это, продолжаются контакты не только на уровне подразделений указанных интеграционных структур, но и в рамках ЕС и отдельных стран Союза, в том числе с Кыргызской Республикой.

Так, Кыргызская Республика и ЕС являются партнерами с момента обретения страной независимости в 1991 г. Политические основы партнерства ЕС с Кыргызской Республикой заложены

в Соглашении о партнерстве и сотрудничестве 1999 г. (далее – СПС). Это соглашение было направлено на укрепление связей между Кыргызской Республикой и ЕС.

Кыргызская Республика также участвует на партнерских началах в инициативе «ЕС и Центральная Азия: стратегия нового партнерства в действии» (далее – Стратегия). В выводах Совета от июня 2017 г. по вышеуказанной Стратегии подчеркивается особая важность Центральной Азии для ЕС. В Стратегии также содержится призыв к лидерам построить прочные и стабильные отношения со странами Центральной Азии. В связи с этим в декабре 2017 г. ЕС и Кыргызская Республика начали переговоры по новому расширенному Соглашению о партнерстве и сотрудничестве.

Этим же решением Совет поручил Верховному представителю по иностранным делам и ЕК разработать проект новой региональной Стратегии к 2019 г. При этом Стратегия также является еще одним стимулом для экономического роста, поскольку сотрудничество в области торговли и инвестиций является одной из ключевых целей Стратегии. Кроме этого, ЕС выделяет средства на различные проекты как в регионах, так и на национальном уровне.

Необходимо отметить, что Кыргызская Республика использует преимущества Всеобщей системы преференций ЕС (ВСП). ВСП обеспечивает привилегированный доступ на свой рынок для развивающихся стран и территорий. Кроме этого, решение ЕС от января 2016 г. о предоставлении Кыргызской Республике статуса ВСП+ позволило стране диверсифицировать экспорт и укрепить свою экономику.

В настоящее время экономическая активность между ЕС и Кыргызской Республикой переживает подъем. Согласно источнику⁷, экспорт товаров Кыргызстана в ЕС только за первое полугодие 2019 г. составил 425,8 млн. долларов США, т.е. рост составил 41,1%

⁷ Департамент статистики ЕЭК. ИС «Шлюз 3», 2019 г.

по сравнению с 2018 г. Общий товарооборот увеличился на 23 % и составил 564,6 млн. долларов США, из них продукция горно-добывающей промышленности составила 71%. Этот рост в значительной степени обусловлен действием СПС.

6 июля 2019 г. в Бишкеке состоялось подписание нового Соглашения о расширенном партнерстве и сотрудничестве (далее – Соглашение) между Кыргызстаном и ЕС. В новое Соглашение закладываются основы сотрудничества в тех сферах, в развитии которых заинтересованы обе стороны. Это – продвижение политики цифровизации и развития регионов в рамках национальных программ. Кыргызстану будет оказана соответствующая техническая и иная поддержка для достижения целей устойчивого развития ООН.

Соглашение будет способствовать развитию отношений в сфере экономики, права, в секторе образования, труда и социального развития. Эксперты отмечают, что Кыргызстан является особенным регионом для Европейского Союза. А отношения с Кыргызстаном являются самым важным инструментом укрепления ситуации в регионе из-за положительных тенденций – таких, как улучшение взаимоотношений с соседями, повышение экономического развития, создание возможностей для граждан. Это новое Соглашение укрепит основу для углубления дальнейших отношений.

Таким образом, в настоящее время идет взаимное обогащение сотрудничества не только в рамках вышеуказанных интеграционных структур, но и государств, входящих ЕАЭС и ЕС. По мнению экспертов, двухсторонняя интеграция – вертикальная и горизонтальная – и дальше будет оказывать большое и положительное воздействие на отношения партнеров по сотрудничеству.

Для стимулирования развития взаимной торговли в рамках двухсторонней интеграции необходимо проводить совместную работу по вопросам гармонизации и взаимного сближения интеграционных процессов в Евразии.

Как уже выше отмечалось, в 2012 г. была предложена идея создания единого экономического пространства от Атлантики до Тихого океана. Реализация этой грандиозной идеи, которая позволит воплотить в жизнь создание столь обширного рынка, живущего по единым правилам – только в интересах граждан и бизнеса.

Укрепление и развитие сотрудничества ЕАЭС и ЕС образуют в будущем качественно новый уровень экономического взаимодействия государств, открывающий широкие перспективы экономического роста, формирующий для всех государств-членов, входящих в состав вышеуказанных региональных интеграционных структур, перспективные конкурентные преимущества, и создадут новое евразийское единство в современном глобальном мире.

Игорь Ярославович Тодоров
Наталия Юрьевна Тодорова

Украинский выбор в контексте российской агрессии

Abstract: The paper examines the objective relationship between the real significance of Ukraine's independence and the implementation of its European and Euro-Atlantic integration. It is emphasized that this choice is the only possible means of effective modernization of the Ukrainian society, which is a result of its historical, geopolitical, geographical, sociocultural and mental characteristics. The Constitution of Ukraine stipulates the choice of the Ukrainian people in favour of the irreversibility of the European and Euro-Atlantic course of Ukraine. The implementation by Ukraine of its European choice is hindered by many internal and external factors. The main one is a direct aggression of the Russian Federation against Ukraine. The role of common European values in repelling Russian invasion is shown. Attention is focused on Moscow's hybrid methods, which are aimed at the disintegration of the European Union through political corruption, interference in elections and referenda to disseminate misinformation and provoke social conflicts. It is concluded that the choice made by Ukraine in favour of European and Euro-Atlantic integration more than twenty years ago has become irreversible since 2014 under the conditions of the Russian aggression.

Keywords: European integration of Ukraine, Constitution of Ukraine, Russian aggression, European values, hybrid war, interference in elections, Russian propaganda

Процессы государственного строительства, которые развернулись в Украине с начала 1990-х годов, сопровождались значительным ростом общественной заинтересованности внешнеполитическим

курсом. Сложилась объективная зависимость между реальным наполнением независимости Украины и реализацией европейской и евроатлантической интеграции. От тождественности приоритета европейского вектора национальным интересам, от качества межгосударственных отношений, особенно со странами-соседями, зависит будущее Украины.

В Преамбуле Конституции Украины с февраля 2019 г. зафиксировано, что Верховная Рада Украины от имени Украинского народа – граждан Украины всех национальностей подтверждает европейскую идентичность Украинского народа и необратимость европейского и евроатлантического курса Украины¹.

Европейское и евроатлантическое призвание для Украины было и остается стратегическим направлением и магистральным путем решения внутренних и внешнеполитических, экономических и социокультурных проблем общественного развития, утверждения ее в мире как независимого, авторитетного и конкурентоспособного государства. По существу – это единственно возможное средство эффективной модернизации украинского общества. Этот выбор обусловлен историческими, геополитическими, географическими, социокультурными и ментальными характеристиками, продиктован потребностями развертывания общей динамики пост-тоталитарного и постиндустриального развития, глобализации и евроинтеграционных процессов, с которыми человечество вступило в XXI в.

Сотрудничество Украины с государствами европейского и евроатлантического сообщества позволяет осуществить «мягкое вхождение» Украины в интеграционные процессы. Предоставляется возможность наработать новые модели ведения хозяйства, освоить принятые в Европе формы межгосударственных взаимоотношений, культурного обмена, туризма, осуществить

---

¹ Конституція України. <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80> (дата обращения: 25.10.2019).

ряд превращений внутри государства согласно нормам, за которыми осуществляются аналогичные процессы в Европе и в мире.

К преимуществам, которые получает Украина в результате сотрудничества со странами ЕС и НАТО, можно отнести: привлечение финансовых ресурсов, расширения рынка сбыта украинских товаров; технико-технологическое обновление производства; более интенсивное использование потенциала Украины как транзитного государства; освоения европейского опыта формирования переходных механизмов к рыночной экономике; рациональное распределение ресурсов; прозрачные механизмы ведения бизнеса; стабилизация и постепенное повышение благосостояния населения; демократические преобразования. Весомое значение сотрудничества Украины с европейскими и евроатлантическими нациями не должно создавать иллюзий о роли этого сотрудничества как единственного средства вхождения Украины в евроинтеграционные процессы. Базовыми приоритетами являются внутренние факторы: укрепление дееспособности государства, решительное ограничение теневой деятельности и олигархизации, укрепление позиций национального капитала, институциональное обеспечение реформ, развитие конкурентных преимуществ отечественных товаропроизводителей, макроэкономическая стабилизация, эффективная региональная политика. В тоже время, ключевыми и первоочередными внутренними проблемами остаются преодоление бедности, утверждение доступной каждому медицинской помощи; осуществление пенсионной реформы; создание надлежащих возможностей для получения каждым гражданином качественного образования.

Анализ европейского опыта убеждает, что выбор интеграционных приоритетов не должен быть альтернативным, поскольку участие в одном интеграционном объединении не исключает возможность участия в другом. Правомерность последнего положения подтверждает широкая практика функционирования существующих региональных интеграционных объединений, таких,

например, как Центральноевропейская зона свободной торговли (CEFTA), Европейская ассоциация свободной торговли (EFTA), большинство стран-членов которой являются в то же время членами ЕС и др. Важно подчеркнуть, интеграционные проекты на постсоветском пространстве (Содружество Независимых Государств, Единое Экономическое Пространство, Таможенный союз, Евразийский союз) доказали свою несостоятельность, на наш взгляд, прежде всего из-за доминирования Российской Федерации. Собственно первопричиной конфликта с Российской Федерацией на современном этапе истории стала попытка Украины окончательно выйти из-под геополитического давления России путем подписания Соглашения об ассоциации с ЕС.

Примерно с середины 1990-х гг. начинается практическая реализация европейской политики Украины. Она осуществлялась вместе с формированием законодательной базы, призванной урегулировать эти процессы. Институализация европейской политики как стратегического направления внешнеполитического курса была осуществлена уже «Основными направлениями внешней политики Украины» в июле 1993 г. В этом документе определяется, что перспективной целью украинской внешней политики является членство Украины в Европейских сообществах, а также других западноевропейских или общеевропейских структурах². Правовой базой отношений между Украиной и Европейским Союзом стало подписанное в 1994 г. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве³. На протяжении более чем двадцати лет евроинтеграционный курс оставался неотъемлемой частью общественно-политического и экономического развития Украины. После вступления в силу Соглашения о партнерстве

² Про Основні напрями зовнішньої політики України. Постанова Верховної Ради України від 2 липня 1993 р. <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/3360-12> (дата обращения: 10.11.2019).

³ Угода про партнерство і співробітництво між Україною та Європейськими Комісіями. Міжнародні угоди. https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/en/998_012 (дата обращения: 10.11.2019).

и сотрудничестве появился первый принципиальный украинский нормативный акт относительно европейской интеграции. 11 июня 1998 г. Президент Украины Л. Кучма своим Указом утвердил Стратегию интеграции Украины в ЕС, которой были определены приоритеты деятельности органов исполнительной власти. Эта Стратегия определила основные направления сотрудничества Украины с Европейским Союзом – организацией, которая в процессе своего развития достигла высокого уровня политической интеграции, унификации права, экономического сотрудничества, социального обеспечения и культурного развития. Основными направлениями интеграционного процесса были определены: адаптация законодательства Украины к законодательству ЕС, обеспечение прав человека, экономическая интеграция и развитие торговых отношений между Украиной и ЕС, интеграция Украины в ЕС в контексте общеевропейской безопасности, политическая консолидация и укрепление демократии, адаптация социальной политики Украины к стандартам ЕС, культурно-образовательная и научно-техническая интеграция, региональная интеграция Украины, отраслевое сотрудничество, сотрудничество в области охраны окружающей среды⁴.

Роль и место Украины новой архитектуре Европы определялось способностью максимально использовать новые возможности и найти адекватные ответы на вызовы расширения ЕС. Именно поэтому оценка перспектив и последствий этого процесса, их эффективное использование, усиление политического и экономического диалога с Евросоюзом ради обеспечения национальных интересов Украины были определены основными задачами на ближайшую перспективу. В законе Украины «Об основах национальной безопасности Украины» в июне 2003 г. среди приоритетов национальных интересов была четко и однозначно

---

⁴ Стратегія інтеграції України до ЄС. Указ Президента України від 11 червня 1998 р. <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/615/98> (дата обращения: 12.11.2019).

указана интеграция Украины в европейское политическое, экономическое, правовое пространство и в евроатлантическое пространство безопасности⁵.

Впрочем, реализация европейского призвания сдерживалась процессами, которые происходили как внутри государства, так и на европейской арене. Для реализации европейского курса Украины нужно время, с одной стороны для осуществления политических и социально-экономических преобразований в соответствии с требованиями Сообщества; с другой – для осознания преимуществ вхождения в единую семью европейских народов большинством населением страны.

Следует заметить, что протяжении этих всех лет в украинском обществе преобладало позитивное отношение к европейской интеграции. Впрочем, необходимо признать наличие одного парадокса, связанного с европейской интеграцией Украины. Его в наименьшей мере понимают западные дипломаты и аналитики. Для украинского менталитета со всеми его противоречиями, Запад и СССР – два известных комфортных состояния. СССР – в прошлом, Европа – в будущем. Для большинства граждан нет противоречия в том, что они жалеют о распаде СССР и поддерживают «интеграцию в Европу»⁶. В определенной степени, широкая народная поддержка евроинтеграции обусловлена именно этим. Кардинальные изменения в массовом сознании могут произойти только за счет передачи молодежи культурных традиций и ценностей европейской жизни средствами политики, образования, культуры и воспитания. Необходимой предпосылкой реализации эффективной европейской политики Украины может быть скоординированная работа как законодательной, так и исполнительной

⁵ Закон України: Про основи національної безпеки України. <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/964-15> (дата обращения: 22.10.2019).

⁶ Золотарьов В., Європейська інтеграція України – найзвичайнісінький міф. Офіційний сайт Представництва Європейських комісій в Україні, 31.01.2003. <https://www.delukr.cec.eu.int> (дата обращения: 22.10.2019).

власти с привлечением к этому процессу ведущих украинских ученых. Особое место здесь занимают общие европейские ценности. Маастрихтский договор указывает, что ценностями, на которых основан Союз, являются уважение человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, верховенства закона и уважения прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Эти ценности являются общими для совокупности государств-членов ЕС, которые характеризуются плюрализмом, недискриминацией, терпимостью, справедливостью, солидарностью и равенством между женщинами и мужчинами⁷.

Большинство сторонников концепции европейских ценностей в настоящее время относят к ним следующие:

- общность исторической судьбы и наследия народов Европы и, шире, Запада;
- право наций на самоопределение;
- парламентаризм, демократическое устройство государства и общества, включающее особое внимание к соблюдению прав меньшинств, их поддержке;
- верховенство права, правовую культуру;
- рыночную экономику, базирующуюся на частной собственности;
- социальную справедливость, опирающуюся на социальное партнёрство;
- приоритет прав человека, либеральный индивидуализм;
- светскость общества и культуры, во многом основанную на христианском наследии;
- толерантность и мультикультурализм.

Именно приверженность Украины этим ценностям и неприятие этого факта Россией, по сути, находятся в основе современного конфликта. Своей международной политикой Россия

⁷ Treaty on European Union. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:11992M/TXT> (дата обращения: 22.10.2019).

демонстративно бросила вызов системе демократических ценностей, которая была закреплена на международно-правовом уровне по итогам Второй мировой, а также Холодной войны. В мире с 2014 г. появилась новая геополитическая ситуация, обусловленная прежде всего удачными попытками разрушения устойчивой системы международных отношений и международного права. Российская Федерация, в попытке помешать стремлению Украины к европейскому будущему, присоединила часть территории Украины – Автономную Республику Крым, город Севастополь, поддерживает отдельные регионы Донецкой и Луганской областей стремящиеся к отделению от Украины, что на наш взгляд, является попыткой разрушить единство демократического мира, подорвать основы международной безопасности.

Современная геополитическая ситуация имеет устойчивую тенденцию к ухудшению: нарушение Россией международного права, ее экспансионистские планы по отношению к Украине, ряд региональных вооруженных конфликтов негативно влияют на общий уровень международной безопасности. Среди главных вызовов и угроз международной безопасности можно выделить три группы: 1) агрессивные экспансионистские внешнеполитические стратегии России; 2) кризисные явления в Европейском Союзе (Брекзит, неконтролируемая миграция, экономические проблемы, популизм и евроскептицизм) и 3) непредсказуемость политики США.

Современную политику РФ необходимо рассматривать сквозь призму советских представлений о геополитической структуре мира в целом и европейского региона в частности, поскольку нынешняя верхушка российской власти представляет бывшую партийную номенклатуру и выходцев из спецслужб. По нашему мнению, для этих людей окончание Холодной войны ассоциируется с национальным поражением и воспринимается, как личная трагедия. Тоже касается и потери чувства собственного величия результате распада СССР. Для бывших советских «силовиков»,

которые сейчас руководят Россией, характерно восприятие мира в качестве арены для потенциальных боевых действий. Согласно этому подходу, существуют четко очерченные «сферы влияния», или «зоны жизненных интересов», а военная сила выступает основным критерием определения значимости государства.

Почти во всех странах ЕС происходит мощная пропагандистская деятельность РФ. Основные месседжи пропаганды – это создание враждебного образа США, несостоятельности ЕС решать насущные вопросы и распространение дезинформации о «нацистской» власти в Украине.

Видение общего врага сближает позиции Украины, стран Балтии, Польши и Румынии. Размещая американские военные базы на своей территории, эти страны стараются защитить себя от вторжения. Польша и Румыния принимают на себя роль региональных лидеров, которых поддерживает США. Эти государства берут на себя ответственность за укрепление демократии на постсоветском пространстве с тем, чтобы гармонично влиться в Европу и занять там свою, соответствующую новой Европе нишу.

9 мая 2019 г. во время председательства Румынии в ЕС в городе Сибиу прошел неформальный саммит глав ЕС. По итогам саммита было принято совместную декларацию, которая включает 10 пунктов. Принципиально важно, что в документе политики задекларировали обязательства выступать единой Европой в качестве ответственного глобального игрока, принимать совместные и единые решения, ставить людей превыше политики, защищать граждан ЕС, европейский уклад жизни, демократию и верховенство права⁸.

Демократические ценности стали результатом длительного пути человечества к самоуважению. Их институционное закре-

⁸ Саммит в Сибиу: лидеры ЕС приняли декларацию о совместном будущем. <https://glavcom.ua/news/samit-v-sibiu-lideri-jes-uhvalili-deklaraciju-pro-spilne-maybutnje-592276.html> (дата обращения: 25.10.2019).

пление в начале современного времени (Билль о правах, или первые десять поправок к Конституции США и французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г.) стало основой всесторонних достижений человеческой цивилизации в течение последних двухсот лет. Процесс утверждения демократических ценностей не был прямым и однозначным. Приверженность Запада этим общим ценностям обеспечила его победу в «Холодной войне».

Однако с возвратом России к имперской политике усиливаются противоречия между демократическими ценностными принципами и желанием «понять Россию». Такое желание, на наш взгляд, обусловлено меркантильными интересами и влиянием российской пропаганды. Современная российская политика стала самым мощным за последние десятилетия фактором дестабилизации европейского проекта. Европейские политические и интеллектуальные элиты в большинстве своём не сдали в полной мере экзамена по приверженности демократическим либеральным ценностям.

Россия же с присущим ей эсхатологическим подходом считает, что это война за великую Россию и весь «русский мир». Гибридное воздействие применяется не только против Украины, но и против стран Запада и применяется успешно. Пострадавшие от «гибридной агрессии» не готовы признать, что они стали ее жертвами. Польский публицист З. Парафиянович обращает внимание на то, что, несмотря на аннексию Крыма и части Донбасса, вмешательство в Сирии на стороне обвиняемого в военных преступлениях Башара аль-Асада, вмешательство в выборы в США и применения химического оружия в Великобритании, изоляция российского президента остается фикцией⁹.

Адекватность реакций европейской безопасности на российские угрозы тесно связана с пониманием и имплементацией такой

⁹ Parafianowicz Z., Umizgi do Putina na rocznicę diabelskiego paktu. <https://www.gazetaprawna.pl/artykuly/1426519,putin-rosja-ukraina-nato.html> (дата обращения: 25.10.2019).

категории как толерантность. Генеральный директор лондонского Международного института стратегических исследований Джон Чипман считает действия РФ фактической войной толерантности. Россия использует слабые места западных демократий, направляет усилия на проверку их слабых мест, отстаивает собственные права в одностороннем порядке нарушать устоявшиеся правила, лишает инициативы других и получать системное преимущество над противоречивыми противниками. Это становится благоприятной стратегией для тех стран, которые не могут легко симметрично бросить вызов своим мощным соперникам. В. Путин стремится асимметрично получить преимущество в борьбе между толерантностью и войной¹⁰.

В странах ЕС и НАТО происходит мощная пропагандистская деятельность РФ. Механизмы реализации разные, по нашему мнению, это – собственно пророссийская дезинформация, искажение фактов войны в Донбассе, создание пророссийских организаций и соответствующих сайтов новостей, которые освещают новости в нужном ракурсе. Все страны Евросоюза и НАТО уязвимы к распространяемым Россией пропаганде и дезинформации и пытаются активизировать усилия, чтобы им противостоять. Россия использует различные каналы и средства, такие как кибератаки и распространение фейковых новостей. В то же время, Россия не всегда способна распространять напрямую дискредитирующие нарративы против Украины в других государствах. Однако в России есть немало сетей, коалиций, партнерств на различных уровнях, как на политическом, так и неправительственном, что позволяет Москве распространять нужные меседжи, которые потом подхватывают локальные акторы (политики, журналисты, эксперты). Чаще всего Россия делала и, очевидно, будет де-

¹⁰ Mcgrath C., World War 3: Putin's 'Tolerance Warfare' Could Spark Confrontation with West. <https://www.express.co.uk/news/world/1048753/World-War-3-vladimir-putin-tolerance-warfare-campaign-west-britain-usa-china> (дата обращения: 25.10.2019).

лать упор на трех главных идеях: в Украине ничего не изменилось в лучшую сторону со времен Революции Достоинства, украинская власть провоцирует и поддерживает право радикальные настроения в обществе; украинская власть не заинтересована в мире. Россия продолжает активно распространять информацию о том, что именно Украина виновата в войне на Донбассе, а также обвиняет Киев в отсутствии политической воли к установлению мира. Отчасти такое мнение разделяют даже отдельные политики и дипломаты в странах ЕС. Москва так же навязывает мнение о том, что Украина не желает воплощать т.н. «Минские договоренности», разжигает насилие на Востоке, чтобы избежать имплементации политической фазы урегулирования.

Все же определенная часть истеблишмента стран Запада пытается понять современные российские вызовы и усилить сопротивляемость ЕС и НАТО. Новый Высокий представитель ЕС по внешней политике и безопасности Хосеп Боррель подчеркнул, что лучший путь сопротивления российскому экспансионизму – это помогать Украине и усиливать ее, укреплять способность к сопротивлению, ее возможности для проведения реформ и для того, чтобы становиться полноценно демократической и процветающей державой. Санкции против России помогут этой цели¹¹.

Однако, к сожалению, доминирует другая тенденция. Министр иностранных дел Украины Вадим Пристайко считает, что разговоры о возвращении России к G7 свидетельствуют о дальнейшем ослаблении санкций против России. Парламентская ассамблея Совета Европы вернула России право голоса без выполнения ею своих обязанностей и даже извинений¹². Западные партнеры при-

¹¹ Сидоренко С., «У Євросоюзу немає великого кийка»: новий очільник дипломатії ЄС про санкції, Росію та Україну. <https://www.eurointegration.com.ua/articles/2019/10/8/7101657/> (дата обращения: 25.10.2019).

¹² Пристайко рассказал о трещине европейского санкционного фронта. <https://www.eurointegration.com.ua/news/2019/09/18/7100903/> (дата обращения: 25.10.2019).

ветствуют мирное урегулирование на Востоке Украины, которое очень похоже на капитуляцию.

Понятно, что ЕС и НАТО не хотят иметь в Европе горячий вооруженный конфликт или неурегулированный территориальный спор, который в любой момент может превратиться в горячий вооруженный конфликт. Поэтому все заинтересованы в мире, все хотят мира, любой ценой – прежде всего за счет Украины, и это ключевая позиция. Такая позиция, обусловлена тем, что европейское сообщество в принципе не способно решить эту проблему в силу ряда причин. В частности и потому, что в последнее время в Украине вместо установки на победу в войне господствует установка на мир в ситуации конфликта с Россией (пацификация защиты), установка на жертвенность, вместо установки на военное возмездие – установка на торговлю с противником, вместо установки на вооруженную силу – установка исключительно на дипломатические средства, вместо установки на воинскую доблесть – установка на конформизм.

Если война приведет к миру путем принудительной капитуляции, то такой мир будет неустойчивым. Поражение Украины в конфликте означает не просто потерю независимости, а прекращение существования Украины как исторической реальности (нации, народа, государства). Пророссийские СМИ в Украине создают удобный информационный фон для антигосударственных политических сил, одновременно готовя украинцев морально и психологически к капитуляции перед Россией во имя «мира любой ценой». Они распространяют болезненный пацифизм, настроения военной неполноценности, неприязнь, или даже ненависть к собственному государству и его реальным защитникам¹³.

Гибридные методы Москвы, на наш взгляд, направлены на развал Европейского Союза и НАТО, распространяют политическую

¹³ Лосев И., Внутренний враг не стесняется уничтожать Украину. <https://www.radiosvoboda.org/a/30093929.html> (дата обращения: 25.10.2019).

коррупцию и поддерживают организованную преступность. Все чаще можно встретить упоминания, что Москва стала напрямую вмешиваться в процессы выборов и референдумов в Украине, США, Великобритании, Черногории, ФРГ, Северной Македонии, Молдове и т.д., распространяя пропаганду, дезинформацию и провоцируя социальные конфликты.

По мнению экспертов аналитического центра Atlantic Council, Украине стоит объявить чрезвычайное положение на всей территории, разорвать дипломатические отношения с Российской Федерацией, ввести визовый режим, расторгнуть договор об Азовском море и другие соглашения с Россией политического характера, остановить передвижение российских граждан через украинско-российскую границу, прекратить импорт из России, нейтрализовать пятую колонну в Украине. Запад, в свою очередь, должен наконец консолидироваться и приостановить участие РФ в деятельности Совета Европы, усилить экономические санкции. Речь идет о внедрении не точечных санкций против отдельных лиц или институтов, а секторальных санкций. В частности, исключить Россию из финансовой системы SWIFT, запретить экспорт в РФ высокотехнологичной продукции, особенно для нефтегазовой промышленности и товаров двойного назначения, запретить полеты «Аэрофлота» в страны ЕС и НАТО, заморозить активы российских «Сбербанка», «ВТБ Банка», «Газпромбанка», ввести санкции на экспорт-импорт товаров из портов России в Черном и Азовском морях, запретить кораблям под флагами США и ЕС заходить в российские порты, а российским судам, которые дислоцируются там, заходить в порты ЕС и США, остановить строительство «Северного потока-2». Среди военных шагов должно быть усилено военное присутствие кораблей стран-членов НАТО в Черном море, введена для Украины широкомасштабная про-

грамма ленд-лиза для перевооружения ВСУ и обеспечения их самым современным военным вооружением¹⁴.

Смотря на конфликт между странами, через такую призму трудно не согласиться с украинским дипломатом и писателем Юрием Щербаком, который уверен: «Все, что произошло в Украине во время и в результате российской агрессии, – это событие не локального и регионального значения. Это – явление всемирно-историческое, глобальное. Это – столкновение двух цивилизаций: цивилизации прошлого, средневековых деспотий... и цивилизации будущего, основанной на уважении прав человека и прав народов на свободное существование»¹⁵.

Позиция Посла Украины в Сербии Александра Александровича и вовсе является крайне воинственной, по его мнению дезинтеграция России должна стать стратегической политикой международного сообщества. Это подтверждают более пяти лет войны России против Украины и остального демократического мира. Ведь, любые попытки утихомирить Россию и вернуться к привычному ведению дел приводят к еще большей наглости в ее международном поведении. Попытки цивилизованно договориться с РФ, как считает посол, обречены на неудачу, поскольку это противоречит базовым экспансионистским установкам кремлевского режима. РФ в ее нынешних границах и с ее нынешними ресурсами никогда не способна стать нормальным цивилизованным государством. В то время как Россия, уменьшенная до размеров ее нынешней европейской территории, лишенная оружия массового уничтожения и постоянного членства в Совете безопасности ООН, имеет все шансы стать ответственным региональным игроком, возможно даже стать членом ЕС и НАТО, мирно сосуществовать со своими соседями. А. Александрович отдельно подчеркивает, что средства

¹⁴ MinskMonitor: Russian Escalation in Kerch. <https://medium.com/dfrlab/minskmonitor-russian-escalation-in-kerch-d634bd7d6d98> (дата обращения: 28.10.2019).

¹⁵ Щербак Ю., Украина в эпицентре мирового шторма: оценки, прогнозы, комментарии. Киев: Ярославів вал, 2017. С. 12

развала РФ не требуют ведения военных действий. Он предлагает изолировать Россию, введя реальные экономические санкции¹⁶. К таким санкциям можно отнести персональные санкции против высших руководителей с замораживанием активов и запретом на въезд; ограничения для энергетического, банковско-финансового и военно-технического секторов, запрет на продажу высоких технологий, обвал цен на нефть¹⁷.

Перспектива остановки российского вмешательства и будущая победа Украины в конфликте с Россией возможны только путем консолидации Запада на основе общих либерально-демократических ценностей. Европейское сообщество должно избавиться от иллюзий в отношении России. В данный момент Россия, на наш взгляд, рассматривает Украину, да и Запад, как своего экзистенциального противника. Российская Федерация ставит под сомнение право Украины на существование как независимого государства и, надо полагать, преследует окончательную цель – полное ее уничтожение как субъекта международного права и геополитической реальности. Украина ответственна за демократические либеральные ценности перед Западом в целом. Она отвечает за это жизнями солдат, десятками тысяч смертей, двумя миллионами внутренних беженцев. При этом, с начала конфликта, украинская власть движется в узком кругу возможностей, которые обусловлены объективной слабостью страны и повесткой дня, которую навязывают ей Россия, как инициатор и промоутер сепаратистского движения, и Запад, как единственная сила, на которую она может надеяться в своем противостоянии российской инвазии. Как показывает практика, Российская Федерация скорее реагирует только на конкретные проявления силы своих оппонентов, а не на декларации, дипломатические демарши и тому подобное.

¹⁶ Посол Украины в Сербии призвал мир поставить конечную цель развал России. <https://www.eurointegration.com.ua/news/2019/09/18/7100919/> (дата обращения: 25.10.2019).

¹⁷ Александрович О., Единственный способ справиться с Россией. https://censor.net.ua/ua/resonance/3149122/yedynyui_s_posib_vporatysya_z_rosiyeyu (дата обращения: 25.10.2019).

Таким образом, выбор, сделанный Украиной в пользу европейской и евроатлантической интеграции более двадцати лет назад, с 2014 г. в условиях проявления российской агрессивной политики, приобретает необратимый характер.

Михал Словиговски

Исторический опыт строительства российско-белорусского федеративного государства

Abstract: Efforts to integrate have gained new momentum at the turn of 2018/2019. Throughout 2019, a series of meetings of high and medium level representatives of Russia's and Belarus' state bodies were held, which showed that the construction of a common state entered a new, intensive stage after a long break. The initiative behind this activity can be seen on the Russian side. Russia's efforts to draw Belarus closer were accompanied by attempts by Minsk to maintain "strategic autonomy". It included the intensification of contacts with both Western countries and with China and Kazakhstan. The prospects for further (or rather, real) building of a common state have important consequences from the point of view of the authoritarian nature of the Belarusian political regime, since the strategy of the regime's legitimacy in Belarus is largely based on moving away from Russia and asserting the sovereignty of Belarusian statehood. The aim of this work is a critical analysis of the latest proposals from the Kremlin regarding the integration of Belarus with Russia and a forecast of developments in this area. This analysis takes into account existing knowledge about the current state of bilateral relations, in particular, dubious achievements in the construction of the Union State, as well as trends and processes behind socio-political and economic problems arising in Belarus.

Keywords: Russian Federation, Belarus, integration

Несмотря на то, что 8 декабря 2019 г. исполнилось 20 лет со дня образования Союза России и Белоруссии, а 1 июня праздновалось 5-летие со дня подписания Соглашения о Евразийском экономическом союзе, можно отметить явные различия в восприятии

обоих проектов в двух государствах. Президент Беларуси Александр Лукашенко выражал критическое отношение к Союзу, заявляя, что: «Если откровенно, больших надежд не лелею в плане нашего Евразийского экономического союза. Слишком много настороженности, слишком много разногласий, и что, наверное, совсем неприемлемо, что ЕАЭС начинает все больше политизироваться»¹. Аналогичным был взгляд и на Союзное государство, мнения о котором явно расходятся, если Россия стремится укреплять экономические и политические отношения, Беларусь, похоже, удовлетворена текущим экономическим сотрудничеством и полученными от него доходами. Спорные финансовые вопросы и предложения по углублению интеграции воспринимаются Минском как шантаж и попытка «проглотить» Беларусь: «Я умею читать между строк. Я понимаю все намеки. Нужно просто сказать: получите нефть, но давайте разрушайте страну и вступайте в состав России. [...] Россия готова принять Беларусь областями или целиком в состав России?»².

К 2019 г. была реализована лишь небольшая часть *Соглашения об учреждении Союзного государства* от декабря 1999 г. Некоторые из них были реализованы с использованием форм многосторонней интеграции – речь идет об едином экономическом пространстве, которое было реализовано в форме Евразийского экономического союза (ЕврАзЭС). С точки зрения Беларуси, вышеупомянутая многосторонняя платформа экономической интеграции была достаточно привлекательной, поскольку она избавила бы ее от необходимости проведения утомительных двусторонних переговоров с Россией относительно цен на газ и нефть, а также предоставляла доступ на российский рынок для белорусских товаров. Однако сама Россия не спешила с инсти-

¹ Лукашенко заявил, что не питает больших надежд относительно ЕАЭС. РИА Новости, 1.03.2019.

² Соловьев А., Александр Лукашенко сказал между строк //Коммерсантъ, 15.12.2018. № 232. С. 1.

туционализацией единого правового пространства. Появление общего рынка газа и нефти в государствах-членах ЕврАзЭС отдалось, а российский рынок был чересчур «защищен» ветеринарными и фитосанитарными службами от белорусских товаров, в частности молока и мяса. Беларусь решила участвовать в этом российском геополитическом проекте, но она не приняла во внимание, что вскоре посредством налогового маневра Россия выведет энергетические вопросы за рамки ЕврАзЭС, и Беларусь снова должна будет решать их с Россией один на один. Беларусь была вынуждена начать переговоры (Москвой было предложено заключить новые соглашения на основе договора 1999 г.) в связи с все более растущей зависимостью от «экономического сотрудничества» с Россией, на котором была построена вся социально-экономическая структура Беларуси А. Лукашенко³.

А. Лукашенко использует ЕврАзЭС для торга с Россией, используя драматические жесты, касающиеся бойкота саммитов организации, угрозы покинуть структуры ЕврАзЭС, и даже призывы к сближению между ЕврАзЭС и Европейским союзом⁴, что, по сути, является знаком стратегического провала планирования отношений с Россией и переоценки потенциала ЕврАзЭС. Беларусь не может себе позволить покинуть структуры организации, поскольку это стало бы признанием ошибки в стратегическом планировании, и того факта, что ЕврАзЭС оказался дополнительной ловушкой для Беларуси. Отказаться вести переговоры о более глубокой интеграции также было бы невыгодно для Беларуси из-за ее экономической зависимости России, как и из-за

³ Крук Д., Два счетчика. Почему Минск считает, что уже заплатил за российские преференции. Московский Центр Карнеги, 7.11.2019. <https://carnegie.ru/commentary/80286> (дата обращения: 24.11.2019).

⁴ Shraibman A., The House That Lukashenko Built: The Foundation, Evolution, and Future of the Belarusian Regime. Carnegie Moscow Center, 12.04.2019. <https://carnegie.ru/2018/04/12/house-that-lukashenko-built-foundation-evolution-and-future-of-belarusian-regime-pub-76059> (дата обращения: 24.11.2019).

тесной связи между экономической стабильностью и цельностью политического режима А. Лукашенко.

По сравнению с «девяностыми» энтузиазм А. Лукашенко по поводу строительства федеративного государства значительно уменьшился, поскольку изменились политические и экономические условия, в которых идет дискуссия об интеграции России и Беларуси. А. Лукашенко приписывалось стремление взять под контроль власть в новом образовании. Некоторые политические обозреватели даже предполагали, что соглашение 1999 г. было набором решений, отражающим интересы обеих сторон и институционализировавшим модель российско-белорусского сотрудничества (подкрепленную рядом соглашений 1995–1996 гг.), в соответствии с которой российская сторона открыла свой рынок для белорусской продукции и гарантировала цены на белорусский газ, близкие к внутренней части России. В ответ на это: «...Минск брал на себя обязательства в военной сфере: сохранить на территории страны российские военные объекты (*радиолокационная станция в Хансевичах в Брестской области и пункт связи с российскими подводными лодками в Вилейце в Минской области* – прим. Авт.), обеспечить в случае необходимости доступ к своей военной инфраструктуре, участвовать в объединенной системе противовоздушной обороны стран СНГ и так далее. Кроме того, руководство Белоруссии перестало требовать компенсаций за последствия аварии на Чернобыльской АЭС»⁵.

1. Краткое описание актуальной стадии российско-белорусского переговорного процесса по созданию федеративного государства

В качестве предложения, который должен был убедить Беларусь пойти на уступки и предпринять усилия для принятия мер по реальному

⁵ Крук Д., Указ. соч.

сближению между двумя странами, российская сторона использовала финансовый аргумент, вытекающий из второго этапа так называемого налогового маневра. Он заключается в замене экспортных пошлин на экспорт нефти и нефтепродуктов за границу налогом на полезные ископаемые. Реализация этих решений означала бы значительные потери для белорусского бюджета, получающего доходы от экспортных пошлин на указанную продукцию⁶. В этом случае расходы белорусского бюджета должны были составить 300 000 долларов США в 2019 г., а через шесть лет – 2 миллиарда долларов США⁷. В связи с этим возникло мнение, что Россия желает таким образом не столько говорить о Союзном государстве, сколько заставить Минск продать нефтеперерабатывающие заводы в Мозыре и Новополоцке, стоимость которых оценивается в «не менее чем в 10 млрд. долларов, то есть примерно столько, сколько Минск хотел бы получить от Москвы в качестве компенсации за проведение налогового маневра»⁸.

13 декабря 2018 г. в Бресте состоялась встреча премьер-министров России и Беларуси, которая в основном была посвящена вопросу цен на газ для Беларуси, взаимному признанию виз и компенсации Беларуси за убытки, возникшие в результате налогового маневра. Российская сторона планировала обсудить последний вопрос с учетом «широкого круга тем, связанных со строительством Союзного государства, которое определено договором от 1999 года»⁹. В ходе встречи Д. Медведев предложил два сценария/варианта дальнейшей интеграции обеих стран с уче-

⁶ Białoruś czekają ciężkie rozmowy na temat cen ropy naftowej. Belsat TV, 10.08.2018. <https://belsat.eu/pl/news/bialorus-czekaja-ciezkie-rozmowy-na-temat-cen-ropy-naftowej/> (дата обращения: 24.11.2019).

⁷ Ibidem.

⁸ Białoruś sprzeda Rosji rafinerie? Kreml ma wiele do zyskania. PolskieRadio24.pl, 8.01.2019. <https://polskieradio24.pl/75/921/Artykul/2242613,Bialorus-sprzeda-Rosji-rafinerie-Kreml-ma-wiele-do-zyskania> (дата обращения: 24.11.2019).

⁹ Румас и Медведев прогулялись по Брестской крепости, но по нефти и визам не договорились. TUT.By, 13.12.2018. <https://news.tut.by/economics/619111.html> (дата обращения: 24.11.2019).

том соглашения 1999 г. Первый – был назван консервативным – и предполагал дальнейшее наполнение содержанием указанного соглашения, но без создания всех учреждений, которые оно предусматривало. Этот вариант должен был бы сопровождаться усилением работы для Евразийского экономического союза. Вторым вариантом – расширенный – должен быть направлен на повышение степени интеграции обеих стран на амбициозном уровне институционализации, предусмотренном в соглашении 1999 г., при одновременной интеграции экономики обеих стран. По словам Д. Медведева: «Россия готова и дальше продвигаться по пути строительства Союзного государства, включая создание единого эмиссионного центра, единой таможенной службы, суда, счетной палаты. В том порядке, который предусмотрен договором о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 года. В этом случае нужно проводить единую налоговую политику, политику в области ценообразования, тарифообразования в той части, которая сейчас не передана Евразийской комиссии»¹⁰.

11 декабря 2018 г. произошло еще одно событие, которое пролило свет на текущую дискуссию о финансовых расчетах между Минском и Москвой. Заместитель премьер-министра России, ответственный за топливно-энергетический сектор России, Дмитрий Козак поставил ультиматум вице-премьеру Беларуси Игорю Ласенко, согласно которому «вице-премьер не считает возможным обсуждать это до принятия принципиальных решений о движении в направлении дальнейшей интеграции России и Белоруссии в рамках Союзного государства»¹¹. Российский посол в Беларуси Михаил Бабич, заочно отвечавший белорусскому президенту о том, что тема создания союзного государства «неожиданно была поднята» в конце 2018 г., заметил, что Беларусь

¹⁰ Консервативный и продвинутый. Медведев рассказал о двух сценариях интеграции с Беларусью. TUT.By, 13.12.2018. <https://news.tut.by/economics/619120.html> (дата обращения: 24.11.2019).

¹¹ Козак не стал обсуждать с белорусской делегацией скидку на газ. Интерфакс, 11.12.2018.

ожидает от России удовлетворения определенного набора преференций: внутрироссийских цен на газ, компенсации налогового маневра – применения к белорусским нефтеперерабатывающим компаниям российских налоговых решений (отрицательный акциз), повышение уровня субсидирования белорусских предприятий из российского бюджета наравне с российскими, гарантия квот на белорусскую сельскохозяйственную продукцию на российском рынке, выдача дешевых бюджетных кредитов (в размере 1%). Для этого необходима «реализация положений Союзного договора о единой денежно-кредитной, налоговой, промышленной, аграрной, инфраструктурной, таможенной и прочей политики»¹². Беларусь не может рассчитывать на применение российской финансовой и юридической практики, в том числе, ввиду отсутствия совместных федеральных государственных исполнительных органов Союзного государства¹³.

В сентябре 2019 г. в российской газете «Коммерсант» появилась развернутая статья, раскрывающая фрагменты содержания документа под названием «Программа действий Беларуси и РФ по реализации положений договора о создании Союзного государства», которое было парафировано премьер-министрами обеих стран 6 сентября. Документ, по мнению автора статьи, предусматривал далеко идущую экономическую интеграцию России и Беларуси (глубоко асимметричную, учитывая тридцатикратную разницу в размерах экономик обеих стран – в 2018 г. ВВП Беларуси составлял 3,4% ВВП России), выходящую за рамки аналогичных решений, используемых в Европейском союзе, а в некоторых случаях напоминающую модель, используемую в конфедерациях или даже федерациях¹⁴. Документ предусматривал, в частности, создание

¹² Михаил Бабич: никто не предлагал Белоруссии вступить в состав России. РИА Новости, 14.03.2019.

¹³ Там же.

¹⁴ Бутрин Д., Дружба налогов. Россия и Белоруссия намерены в 2021 году перейти на единый Налоговый кодекс и не только // Коммерсантъ, 16.09.2019. № 167. С. 1.

единой налоговой системы – к 1 апреля 2021 г. должен быть принят совместный Налоговый кодекс. Таможенная политика (включая таможенную инфраструктуру и услуги) и энергетическая политика также должны будут стать общими с 2021 г. В содержании документа, все также по мнению автора в газете «Коммерсант», следует прямо использовать фразу: «создание единого регулятора рынков газа, нефти, нефтепродуктов и электроэнергии». О создании единой союзной структуры не упоминалось. Политика в области промышленности, сельского хозяйства, торговли, транспорта и связи, антимонопольного законодательства и защиты прав потребителей должна также быть подвергнута синхронизации. В документе указано, что произойдет синхронизация макроэкономической политики, унификация системы валютного контроля и подключение платежных систем. Центральные банки России и Беларуси с 2021 г. должны функционировать в рамках межгосударственного соглашения о единой системе банковского и финансового надзора. Тесное сотрудничество было также объявлено в области «особых экономических мер», то есть российских контрсанкций, которые Беларусь, по мнению российской стороны, не соблюдала¹⁵. Обе стороны приняли обязательства в области унификации гражданских кодексов, реализации общей трудовой и социальной политики. Вопросы обороны, национальной безопасности, судебной системы, а также политической системы, включая форму конституционного режима Союзного государства, были исключены из обсуждения вопроса о более глубокой интеграции в рамках «Программы действий». В связи с этим «по крайней мере до 2022 года говорить о «фактическом объединении» двух стран с последующим переходом в «надстроечную» структуру центральных властных полномочий России и Белоруссии исходя из «Программы действий» вообще нет оснований»¹⁶.

---

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

В ноябре 2019 г. «Коммерсант» представил информацию о том, что работа над «дорожными картами» для углубления экономической интеграции между Россией и Беларуссией, которая была частью программы по реализации «Соглашения о создании Союзного государства», должна завершиться 8 декабря саммитом Союзного государства с участием А. Лукашенко и В. Путина. Президенты, по информации издания, должны были утвердить весь пакет «дорожных карт». Их принятие проложило бы путь к углублению политической интеграции Союзного государства.¹⁷

2. Подход Беларуси к интеграции с Россией: отношение элиты и социальное измерение

Ответа со стороны Беларуси на предложения России и инсинуации российской прессы долго ждать не пришлось. В октябре 2019 г. министр иностранных дел Беларуси Уадзимир Макей дал интервью российской газете «РБК», в котором представил не только позицию Минска по переговорам о глубокой интеграции, но и «более широкий взгляд» на международный статус Беларуси¹⁸. Хотя ключевая формулировка касалась перспектив размещения российской военной базы в Беларуси, она отражала мнение белорусской стороны относительно переговоров об интеграции: «никогда Беларусь не будет принимать принципиальное решение под влиянием каких-то внешних сил. Если руководство Беларуси принимает решение, то только лишь исходя из анализа, соответствует ли это нашим национальным интересам или нет, — это основной принцип»¹⁹.

¹⁷ Соловьев В., Судьба Союзного государства поставлена на карты. После экономической интеграции Россия и Белоруссия займутся политической // Коммерсантъ, 9.11.2019. № 206. С. 1.

¹⁸ Атасунцев А., Макей – РБК: „Нет смысла подозревать Белоруссию в попытках уйти на Запад“. РБК, 1.10.2019. <https://www.rbc.ru/politics/01/10/2019/5d91ee289a79471f9a2390f1> (дата обращения: 24.11.2019).

¹⁹ Там же.

Отвечая на вопрос о предположениях относительно интеграции России и Беларуси и, в частности, о перспективе конфедерации обоих государств, У. Макей отметил, что он не видит никаких угроз с точки зрения Беларуси и ее суверенитета, поскольку с точки зрения белорусского общества идея создания федерации или конфедерации с другим государством вряд ли осуществима: «общество уже совершенно другое по сравнению с тем, которое было в 1990-х годах, когда только-только распался Советский Союз. Уже несколько поколений выросло в независимом государстве, и никто не готов положить на алтарь эту независимость»²⁰. Не предусматривалось, по словам министра, и никаких институциональных и политических нововведений, выходящих за рамки Соглашения об учреждении Союзного государства 1999 г., например, создание наднациональных структур (парламента, совета министров), которые предположительно обсуждались обоими президентами в ходе встречи в Санкт-Петербурге, но в итоге не попали в итоговую переговорную повестку. У. Макей подчеркнул также необходимость решения экономических проблем, в том числе компенсацию Беларуси за налоговый маневр до того, как будет подписана программа дальнейших интеграционных мероприятий. Интервью министра иностранных дел Беларуси очень хорошо отразило отношение белорусской стороны к сотрудничеству с Россией и, в более широком смысле, представление о месте и роли, которую Беларусь может (или, скорее, хочет играть) в регионе Центральной и Восточной Европы, являясь частью т.н. «унийно-российского спорного соседства»²¹.

С 2002 г. А. Лукашенко успешно начал разыгрывать карту защитника суверенитета и независимости Беларуси в процессе

²⁰ Там же.

²¹ Por. Delcour L., *The EU and Russia in Their "Contested Neighbourhood"*. London: Routledge, 2016.

легитимизации режима своей власти²². Интересно, что многие белорусские оппозиционные политики положительно отреагировали на такую риторику. На уровне политической элиты и контрэлиты был сформирован консенсус относительно необходимости сохранения суверенитета независимости Беларуси перед лицом «русского империализма», что соответствовало растущим социальным ожиданиям по защите этих ценностей. Кроме того, согласие было найдено и по поводу культивирования национальной идентичности белорусов как уникальной нации, культурно непохожей на любую другую, и дистанцирующуюся от идеи реконструкции Советского Союза и интеграции с Россией²³. С 2002 г. А. Лукашенко начал реализовывать стратегию объединения статократического подхода в построении национальной идентичности (утверждение идеи суверенитета и независимости государства как высших ценностей) с этнокультурными и политико-культурными элементами, которые до сих пор были полем действий оппозиционных сил. Абстрагируясь от внешнего давления, более или менее вынужденное изменение в подходе к созданию национальной идентичности считается значительным вкладом в стабилизацию авторитарного режима: «режим (А. Лукашенко – прим. Авт.) усилил свои притязания на легитимность и лишил оппозицию одного из потенциальных инструментов социальной мобилизации»²⁴. Кремль, вероятно, не предвидел такого поворота событий, надеясь, что подход, устоявшийся в России в 90-х и в начале XX в., что «в Беларуси все за Россию» является фактом, и достиг эффекта обратного намеченному «в Беларуси практически никого за Россию» – это укрепило позиции А. Лукашенко в пере-

²² Класковский А., «Мухи и котлеты»: Путин готовит Минску фирменное блюдо. Naviny.By, 26.09.2011. https://naviny.by/rubrics/politic/2011/09/26/ic_articles_112_175234 (дата обращения: 24.11.2019).

²³ Burkhardt F., Concepts of the Nation and Legitimation in Belarus / Brusis M., Ahrens J., Schulze Wessel M. (ed.) // *Politics and Legitimacy in Post-Soviet Eurasia*. London: Palgrave Macmillan, 2016. P. 163-165.

²⁴ Ibidem. P. 166.

говорах с Россией²⁵. Тем не менее, это все еще «бюрократический национализм», такой, как определял Энтони Смит, который идет на уступки для проявления патриотических настроений и решает, какие действия являются приемлемыми, а какие – раскольными и угрожают санкциями, кроме того в рамках такого типа национализма часть гражданской активности ограничена²⁶. Несомненно, и белорусский язык, и история Великого княжества Литовского, и Белорусской Народной Республики играют все более важную роль в публичном дискурсе, но введение в белорусскую модель национальной самоидентификации («тело народа») таких национальных героев, как Константин Калиновский / Кастуй Калиновский и Тадеуш Костюшко, проходило с большой осторожностью со стороны властей в Минске²⁷.

Само белорусское общество разделено по вопросам отношений с Россией. Несомненно, видение сотрудничества с Россией пользуется большей общественной поддержкой, чем с Европейским союзом, но «семя многовекторности» посеяно в белорусском обществе. Однако беспокойство у исследователей белорусской политики должно вызывать безразличие к перспективам углубления сотрудничества между Беларусью и Россией или Евросоюзом.

Один из последних опросов, касающихся отношения белорусов к международному положению Беларуси, был проведен Белорусская аналитическая мастерская (BAW), возглавляемой Андреем Вардамецким. Сентябрьское исследование ясно продемонстрировало, что большинство белорусов (54,5%) считают, что союз с Россией будет для них более выгодным, чем тот, который был построен с Евросоюзом, в чем убеждены 25%. По срав-

²⁵ Дракохруст Ю., Как Путин не стал белорусом. Перипетии сближения соседей. Радио Свобода, 5.09.2019. <https://www.svoboda.org/a/30142580.html> (дата обращения: 24.11.2019).

²⁶ Burkhardt F., *Op. cit.* P. 161.

²⁷ Tichomirow A., Konstanty Kalinowski: bohater, buntownik czy obcy? // Przegląd Bałtycki, 22.03.2019. <https://przegladbaltycki.pl/10587,konstanty-kalinowski-bohater-buntownik-czy-obcy.html?fbclid=IwAR3j3G2X4yQcEuiExWnVqOMo15Iok8jluKKEMSS2qoGTKX9VeacPykaNDOM> (дата обращения: 24.11.2019).

нению с 2018 г. число сторонников союза с Россией сократилось на 9%²⁸. В 2016 и 2017 гг. было около 64% сторонников альянса с Россией, 19% белорусов ожидали тесных отношений с Союзом в 2016 г. и только 14% в 2017 г.²⁹

Год	2016	2017	2019
Беларусь и Россия должны быть независимыми, но близкими друг к другу, с открытыми границами, без виз и пошлин	73%	72,7%	75,6%
Беларусь и Россия должны объединиться в одно государство	13,1%	12,5%	15,6%
Беларусь должна поддерживать с Россией такие же отношения как и с другими странами, с закрытыми границами, визами и пошлинами	6,6%	7,1%	4,9%
Беларусь должна войти в состав России	1,7%	4,6%	1,4%

Источник: Опрос: 7% белорусов хотят визы с Россией, каждый шестой хочет объединения двух стран. TUT.By, 17.05. 2017. <https://news.tut.by/economics/543469.html> (дата обращения: 24.11.2019).

Желание большинства белорусов сохранить альянс с Россией не означало автоматического согласия с интеграцией стран или согласие на аннексию Россией Беларуси, т.е. реализацию «крымской модели», заключающейся в принятии ее в состав Российской Федерации на правах субъекта.

В лице А. Лукашенко Беларусь не признала тот факт, что Крым стал де-факто (и де-юре в свете российского законодательства) частью Российской Федерации, в то время как в общественном восприятии присоединение Крыма было «правильным и справедливым». В свете исследования ВAW, большинство белорусов – до 64% – разделяют это мнение. Этот показатель остается стабильным, в 2017 г. он составлял 65,7%³⁰. Аналогичные выводы были сделаны Независимым институтом социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ), который наблюдал устойчивую тенденцию по этому вопросу в 2014-2016 гг. Аналити-

²⁸ В Беларуси падает число сторонников союза с Россией – минус 9 пунктов за год. TUT.By, 2.10.2019. <https://news.tut.by/economics/655706.html> (дата обращения: 24.11.2019).

²⁹ Опрос: «7% белорусов хотят визы с Россией, каждый шестой хочет объединения двух стран». TUT.By, 17.05. 2017. <https://news.tut.by/economics/543469.html> (дата обращения: 24.11.2019).

³⁰ См.: В Беларуси падает число [...]. Указ. соч.

ки НИСЭПИ особенно подчеркивали, При этом стоит заметить, что белорусская власть внятно свою позицию в этом вопросе не выражала, по крайней мере, ни формулировка «оккупация», ни формулировка «возвращение России русских земель» из уст главы государства и высших чиновников не звучали³¹.

Более того, это событие положительно сказалось на увеличении числа сторонников интеграции с Россией, и ВAW, и НИСЭПИ отмечали эту тенденцию. В 2013 г. геополитические предпочтения были стабильными, 53% белорусов были готовы поддержать тесный союз с Россией и 29% с Европейским союзом. После событий марта-мая 2014 г. социальные настроения по поводу перспектив интеграции Беларуси с Россией и Европейским союзом, изменились на 10 процентных пунктов, в пользу и недостаток соответственно. НИСЭПИ отметил аналогичное, довольно четкое изменение социальных настроений по перспективам интеграции с Россией или Европейским союзом в период с декабря 2013 г. по март 2014 г. Если в декабре 2013 г. идею интеграции с Россией поддерживали 36,6% опрошенных белорусов, что было самым низким результатом в 2007 - 2013 гг., то в марте следующего года это значение увеличилось до 51,5%. По интеграции с Европейским Союзом, фиксировались столь же драматические изменения. В декабре 2013 г. был зафиксирован рекордный показатель поддержки белорусами интеграции в Европейский Союз за шесть лет – 44,6%, а уже марте 2014 г. только 32,9% опрошенных белорусов заявили о своей приверженности европейской интеграции³².

Последний случай аналогичного изменения геополитических настроений у белорусов был зафиксирован в 2004 г.³³ Именно

³¹ Конфликт в Украине: Российский взгляд белорусскими глазами. НИСЭПИ, 5.03.2016. <http://www.old.iiseps.org/03-16-05.html> (дата обращения: 24.11.2019).

³² Чуть дальше от России. НИСЭПИ, 9.12.2014. <http://www.old.iiseps.org/12-14-09.html> (дата обращения: 24.11.2019).

³³ Дракохруст Ю., Формула народной геополитики: за Россию и независимость. TUT.By, 22.03.2017. https://news.tut.by/economics/544223.html?utm_source=news.tut.by&utm_medium=news-bottom-block&utm_campaign=relevant_news (дата обращения: 24.11.2019).

тогда баланс в предпочтениях белорусов по поводу интеграции с Россией или Европейским союзом был нарушен. Белорусские геополитические предпочтения приобрели явно пророссийский характер. Эти изменения пытались объяснить как расширением Европейского Союза на восток (в результате которого три соседа Беларуси стали членами ЕС), усилением антиевропейской риторики со стороны государственных СМИ Беларуси и России, а также, в большей степени, дестабилизацией украинской политической системы во время Оранжевой революции и ощущения что при В. Путине Россия становится страной с хорошим управлением и упорядоченностью³⁴. Стоит также учитывать, что этому событию предшествовал беспрецедентный рост напряженности в российско-белорусских отношениях.

Важную роль в изменении геополитических предпочтений, т.е. большей чем ранее готовности белорусов укреплять связи с Россией, играет убежденность в том, что Крым является русским, а присоединение Крыма, предпринятое Кремлем, было актом исторической справедливости. Интересно, что белорусы не боятся, что Россия повторит этот маневр по отношению к самой Беларуси. В 2017 г. перспектива аннексии Беларуси или ее части казалась невероятной 68,3% респондентов, допустивших такую возможность 14,1%³⁵. В 2019 г. вероятность такого сценария, по мнению белорусов, снизилась еще больше – 72% не допускало возможности, что Россия может быть агрессивна по отношению к Беларуси³⁶. Также важно, что Европейский Союз оказался беспомощным перед лицом действий России в отношении Украины, в то время как социально-политическое и экономическое положение Украины ухудшилось еще больше.

³⁴ Там же.

³⁵ Опрос: «7% белорусов хотят [...]». Указ. соч.

³⁶ Там же.

3. Позиция России в переговорном процессе с Беларусью

На самом деле трудно найти в Беларуси как на социальном уровне, так и на уровне политической элиты или даже военных, «слов» сближения с Россией, даже с учетом степени русификации белорусской политической системы. Белорусский *homo sovieticus* (к которому относится подавляющее большинство пенсионеров и работников государственного сектора) воспринимает Россию как очаг коррупции и преступности, социальной несправедливости и олигархии. Фетиш независимости не ставился под сомнение даже белорусскими коммунистами³⁷.

Минск пользовался некоторой свободой действий во время переговоров с Россией, что, по мнению некоторых комментаторов, стало результатом консолидации позиции белорусской стороны (и поддержки белорусским обществом идеи независимости, и статуса-кво в отношениях с Россией и Европейским союзом), но, прежде всего, было результатом разногласий в российской властной элите относительно будущего Беларуси. По мнению авторов статьи, в газете «Ведомости» — это не значило, что в российской элите есть сторонник независимости Беларуси. Разные люди иначе видят риски и имеют разные интересы. Михаил Бабич (в конце апреля 2019 г. освобождённый от обязанностей посла России в Белоруссии) и Владислав Сурков (связываемый с назначением в Минск) не отличаются в отношении к Беларуси, Беларусь является одним из направлений их внутрироссийской борьбы за власть³⁸. Напряженность в отношении белорусского направления российской внешней политики синтетически резюмировал руководитель фонда «Петербургская политика» Михаил Виноградов, по его мнению, российская элита не первый год разры-

³⁷ Shraibman A., A Brotherly Takeover: Could Russia Annex Belarus? Carnegie Moscow Center, 29.01.2019. <https://carnegie.ru/commentary/78226> (дата обращения: 24.11.2019).

³⁸ Ibidem.

вается между тремя тенденциями: подсознательным желанием проводить территориальную экспансию под видом более глубокой интеграции, относительно низкой мотивации для этого, более слабой, чем желание Беларуси освободиться от братских объятий, а также тревожным впечатлением, что стоимость удержания Беларуси в составе России будет большей, чем сейчас³⁹.

Безусловно, в этой асимметричной системе «создания видимости» интеграции, белорусская сторона долгое время была победителем. Пытаясь понять причины этого, нужно учитывать место, которое Беларусь занимает в стратегической культуре России⁴⁰. Определение ее контуров помогают нам понять, почему белорусский «танец с медведем» длился так долго. В случае России, «[...] традиции сверхдержавы связаны с высоким чувством страха и чувствительности», «обе категории взаимосвязаны, что проявляется в форме усилий по созданию буферной полосы вокруг своих границ, это является следствием отсутствия чувства безопасности, которая в свою очередь создает комплекс осажденной крепости»⁴¹. Вышеупомянутый буферный пояс также отождествляется с российской сферой влияния / интересов, на которую Россия имеет право, согласно ялтинским договоренностям, которые составляют основу порядка времени «холодной войны», который, хотя и ушел в прошлое, подчеркивал вклад России в победу над фашистской Германией. Россию можно охарактеризовать как консервативное государство, обеспокоенное явлением нестабильности, влияющим на изменение правил, регулирующих систему международных отношений. Эту нестабильность в основном создают западные страны, таким образом удовлетворяя свои геополитические амбиции. Отсюда и негативное отношение

³⁹ Бочарова С., Мухаметшина Е., Зачем Путин сменил посла в Белоруссии // Ведомости, 1.05.2019.

⁴⁰ Sinovets P., From Stalin to Putin: Russian Strategic Culture in the XXI Century, Its Continuity, and Change // Philosophy Study, 2016. Т. 6. № 7. Р. 422.

⁴¹ Ibidem.

к глобализации и фетишизация проблемы национального суверенитета. В то же время современная Россия хочет участвовать в оформлении международного порядка на основе нового «концерта держав»⁴².

4. Сценарий интеграции России и Беларуси

Что касается перспектив планов по интеграции России и Беларуси, можно предположить, что России придется прибегнуть к более радикальному репертуару, если она хочет достичь своих целей. Последние, похоже, выходят за рамки соглашения 1999 г., а также правил работы Евразийского экономического союза, поскольку, вопреки декларациям, не ограничиваются только экономическим измерением. Белорусская сторона, несмотря на явно худшую позицию на переговорах, отклоняла российские предложения.

Беларусь представляет ценность для Кремля как целое, особенно с точки зрения оборонных концепций (создание интегрированной системы противовоздушной обороны) и противодействия расширению политического, экономического и военного влияния Запада. На постсоветском пространстве нет другой страны, столь близкой к России с точки зрения культуры, политики, экономики и вооруженных сил, как Беларусь. Кремль, безусловно, устал от использования Беларусью экономического потенциала России, отсутствия лояльности и постоянной пропагандистской критики со стороны А. Лукашенко, но усиливая давление Россия рискует, что Беларусь превратится в «анти-Россию», вступит в ряды стран Балтии, Украины и Грузии, закрывая психологический и геополитический Балтийско-Черноморский буфер вокруг России.

В связи с этим Кремль примет решение об эволюционном варианте постепенной экономической интеграции, которая не при-

⁴² Галстян А., «Трампизм» vs «Путинизм». RIDDLE, 21.05.2019. <https://www.ridl.io/ru/trampizm-vs-putinizm/> (дата обращения: 25.11.2019).

ведет к падению А. Лукашенко. Однако она позволит с согласия президента Беларуси контролировать оставшиеся предприятия белорусского топливно-энергетического сектора, даст возможность расширить военное присутствие в Беларуси, позволит погасить Беларуси часть долга и предоставит время на реализацию Конституционного акта Союзного государства, который откроет в 2024 г. гипотетическую возможность расширения присутствия В. Путина в российской политике⁴³, при одновременном контролируемом открытии системы для соперничества между соперничающими группами российских политических элит.

---

⁴³ Вопреки распространенному и упрощенному мнению о структуре основных органов государственной власти Союзного государства и возможности того, чтобы В. Путин занял пост президента федерации Беларуси и России, а А. Лукашенко – председателя союзного парламента, следует отметить, что проект конституции союза России и Белоруссии такого института не предусматривал. Речь шла только о Председателе Высшего Государственного Совета, который фактически будет выполнять функции президента в соответствии с формулировкой статьи 26 проекта Конституционного акта. Однако этот пост будет занимать глава государства одного из субъектов на ротационной основе. «В ходе визита в Минск президента России Владимира Путина будет подписан конституционный акт, который провозглашает союзное государство России и Белоруссии». Эхо Москвы, 7.12.2007. <https://echo.msk.ru/news/411401.html> (дата обращения: 24.11.2019); Проект Конституционного акта Союзного государства. Постоянный Комитет Союзного государства, 14.04.2005. <https://www.postkomsg.com/news/various/170103/> (дата обращения: 24.11.2019).

Анджей Шабациук

Российская Федерация и европейский «миграционный кризис»

Abstract: The aim of the article is to present the position of the Russian Federation towards the migration crisis in Europe in the context of the Kremlin's foreign policy. In order to discredit the European Union and the United States, Russia uses a multidimensional propaganda machine, popularizing an alternative vision of international relations and painting in dark colours situation in the countries of Western Europe. The goal of Vladimir Putin and his entourage is, first of all, to push through the abolition of sanctions imposed on Russia and normalize relations with the West. The long-term goal should be the reformatting of the global system of international relations and the return of Russia to the world's leading world powers club.

Keywords: Migration crisis, European Union, Russian Federation, Propaganda

Введение

Дестабилизация обстановки на Ближнем Востоке и эскалация украинского кризиса привели к радикальному изменению политической ситуации на границах Евросоюза. Массовый приток беженцев и иммигрантов, а также конфликт России с Украиной представляют собой серьезный вызов для европейской элиты. Не секрет, что Российская Федерация пытается воспользоваться сложным положением объединенной Европы для укрепления

своих международных позиций и достижения конкретных целей во внутренней политике. Поддерживая группы евроскептиков и ксенофобов в правой или крайней правой части политической сцены, Россия пытается вернуться на европейскую политическую сцену, чтобы вернуть себе прежнее значение, которое она потеряла после присоединения Крыма¹.

Следует отметить, что, выдвигая эту модель политики, Российская Федерация опирается на существующем в российском политическом дискурсе антиоксидентализме в сочетании с неким идеализмом. По мнению части российской элиты, только ориентализация Европы может защитить ее от разрушительных последствий политкорректности, чрезмерной терпимости и культурного объединения. Только так можно остановить обостряющийся кризис Запада².

В заявлениях влиятельных российских политиков, журналистов и интеллектуалов мы также видим отголосок древней имперской мифологии, показывающей, что Россия является оплотом истинного христианства, а Москва – «третий Рим»³. При таком подходе сакрализованная «Святая Русь» распространяет свою материнскую защиту на «многолетнее русское и православное население» на западных границах постсоветского пространства, считая это религиозным и патриотическим долгом⁴. В новой ситуации эта защита распространяется на консервативные евро-

¹ Braghiroli S., Makarychev A., *Redefining Europe: Russia and the 2015 Refugee Crisis // Geopolitics*, 2018. Т. 23. № 4. Р. 842.

² Подробнее на эту тему можно в исследовании: *Eurasianism and the European Far Right. Reshaping the Europe-Russia Relationship / Laruelle M. (ed.)*. Lanham: Lexington Books, 2015. Много интересной информации по теме можно также найти в трех отчетах Atlantic Council: Polyakova A. et alii, *The Kremlin's Trojan Horses: Russian Influence in France, Germany, and the United Kingdom*. Washington D.C.: Atlantic Council, 2016; Polyakova A. et alii, *The Kremlin's Trojan Horses 2.0: Russian Influence in Greece, Italy, and Spain*. Washington D.C.: Atlantic Council, 2017; Hansen F.S. et alii, *The Kremlin's Trojan Horses 3.0: Russian Influence in Denmark, The Netherlands, Norway, and Sweden*. Washington D.C.: Atlantic Council, 2018.

³ Plokhy S., *Lost Kingdom. A History of Russian Nationalism from Ivan the Great to Vladimir Putin*. London: Allen Lane an Imprint of Penguin Books, 2017. P. 19-31.

⁴ Radzik R., *Rosyjski imperializm wspólnotowy. Trójjedyny naród ruski w badaniach socjologicznych*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2016. P. 87-152.

пейские общины, которым, как утверждается, угрожает наплыв мусульманских иммигрантов с юга, а также на христиан, преследуемых в Сирии и Ираке. Таким образом, Россия возвращается к известным со второй половины XIX – начала XX в. имперским мессианским и панславянским идеям в сочетании с постсоветскими сантиментами и неоевразийскими мечтами о глобальной власти. Для достижения своей цели Российская Федерация использует пропаганду, дезинформацию и другие инструменты, известные из холодной войны в серьезных масштабах. Таким образом, это способствует укреплению антииммиграционных и антиисламских стереотипов в Европе⁵.

1. Между противостоянием и сотрудничеством: Россия к Западу после распада СССР

Идея кризиса или даже падения Запада, возникшая у российских политиков и интеллигенции и столь активно используемая российской пропагандой, не родилась, как известно, в среде российских интеллектуалов, а присутствовала в европейской общественно-политической мысли не менее трех столетий. Среди ряда публикаций, в которых был представлен такой тезис, наибольшую известность получила монография Освальда Шпенглера «Закат Европы», в которой он рассматривал цивилизации как живые организмы, выделяя различные стадии их развития: от молодости, зрелости до упадка, который неизбежен для каждой цивилизаций, включая Запад⁶.

Подобные взгляды неоднократно появлялись в работах европейских мыслителей, особенно в эпоху постмодерна, хотя никто не получил такой известности. Среди публикаций по

⁵ Herpen M.H. van, *Putin's Propaganda Machine. Soft Power and Russian Foreign Policy*. New York-London: Rowman & Littlefield Publishers, 2016. P. 127-248.

⁶ Spengler O., *The Decline of the West*. T. 1-2. New York: Alfred A. Knopf, 1926.

политологии большой популярностью в научных кругах пользуется книга Сэмюэля П. Хантингтона «Столкновение цивилизаций ...», фундаментом этой работы стал тезис о неизбежном ослаблении международного значения Запада, что является следствием демографических процессов и широко понимаемой глобализации⁷.

По мнению Михала Бохуна, использующего тезис Исаии Берлина, специфическое течение европейского «катастрофизма», особенно заметное в немецкой философии, явилось следствием изменений, произошедших в немецком обществе на рубеже XVIII-XIX в. Тогда, после наполеоновских завоеваний и введения новых законов, включая Кодекс Наполеона, немецкая элита отреагировала на изменения, разоблачив аксиологическую оппозицию Германии и Франции, подчеркнув предполагаемые различия между двумя нациями. Франция являлась бы воплощением искусственности и механичности, рационализм здесь был холодным расчетом и инструментализацией разума. Эгоизму, индивидуализму, унификации, корыстной пустой жизни и т. д. противопоставлялся отличающий немцев богатый внутренний, духовной жизнь, смирение, которое её сопровождало, любви к истинным ценностям – простым, благородным и возвышенным⁸. Этот феномен описывается Исайей Берлином как «стремление к признанию», понимаемое как необходимость принятия со стороны развитого мира, возникающее практически во всех странах, лидеры и интеллектуалы которых испытывают комплекс неполноценности, обусловленный тем, что они являются представителями отдельных культур или даже цивилизационных кругов. Вот почему они требуют оценить свою самобытность,

⁷ Huntington S.P., *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster, 1996. P. 81-100.

⁸ Отметим, что с подобными дилеммами сталкивалась русская дворянская элита, в основном свободно владеющая французским языком, увлеченная французской культурой, которая в 1812 г. должна была столкнуться с наполеоновскими силами. См.: Łotman J.M., *Rosja i znaki: kultura szlachecka w wieku XVIII i na początku XIX*. Gdańsk: Słowo-Obraz-Teoria, 2010.

особую историю или заметить скрытый потенциал. Отсутствие принятия вызывает неохотное или даже враждебное отношение. Как отметил Исаия Берлин, такой подход ведет к четкой позиции: если они не хотят нас, они нам тоже не нужны, мы их презираем, ведь они обречены на гибель⁹. Примечательно, что во всех странах, в которых в настоящее время мы наблюдаем сильные антизападные тенденции, период нелюбви к Западу предшествовал моменту увлечения им.

Михал Бохун определяет подобный подход как цивилизационную обиду, попытку защитить от экономического, политического и культурного господства развитых стран. В этом случае ценности и предполагаемые черты доминирующих наций должны изображаться как анти-ценности или даже пагубные черты. Таким образом, типичные для Запада: богатство, комфорт жизни, потребительство, социальное обеспечение, либеральные права, гражданские свободы, порядочность, терпимость, эффективные политические институты, технологическое и научное развитие, возвышенная культура – это признак слабости. Привязанность к обществу развивающихся стран, привязанность к религии, бедность, склонность к насилию, авторитарная и родовая политическая система, примитивизм и варварство – рассматриваются как добродетели, которые свидетельствуют о жизнеспособности и силе. Как отмечает М. Бохун, такое манихейское восприятие реальности, противостоящее России и Западу, характеризовало наиболее консервативных и революционных мыслителей, что подтверждается, среди прочего, громкими произведениями Анджея Валицкого¹⁰ и Яна Кухажевского¹¹. По его мнению, такая позиция была следствием разочарования отсутствием успе-

⁹ Bohun M., Śmiertelna cywilizacja. Katastroficzny antyokcydentalizm rosyjski i europejskie paradoksy // Kultura i Wartości, 2014. T. 10. P. 48-51.

¹⁰ Walicki A., W kręgu konserwatywnej utopii. Struktury i przemiany rosyjskiego słowianofilstwa. Warszawa: PWN, 2002.

¹¹ Kucharzewski J., Od białego caratu do czerwonego. T. 1-7. Warszawa: PWN, 1998-2000.

ха в модернизации государства и представляла собой удобное оправдание неудач во внедрении современных и либеральных решений¹².

В случае с Россией компонентом, без которого трудно понять специфику российского антиоксидентализма, является религия – православие – находящееся в особом симбиозе со светскими властями. Основой этого видения является мессианская концепция Москвы – «Третьего Рима» – суммирующая религиозные и политические устремления зарождающейся империи¹³. Эта концепция приобрела новое значение с оформлением Московского Патриархата в 1589 г., благодаря чему русские цари стали защитниками последнего бастиона христианства, хранителями православия, считая себя преемниками византийских императоров, что нашло отражение в русских титулах и геральдике. Как следствие, мессианство стало неотъемлемым элементом российского империализма. Вера в необходимость выполнения особой миссии сопровождала всех правителей династии Романовых, позднее в совершенно ином контексте она также характеризовала советскую власть¹⁴.

Период распада Советского Союза был временем больших надежд и еще больших разочарований, в течение которых лицо региона радикально изменилось. Новое интеллектуальное течение, инициированное Михаилом Горбачевым и его соратниками, предполагало уход из милитаристской внешней политики, вестернизацию, возвращение в европейскую семью наций в рамках «мирного сосуществования», при этом больше внимания уделялось потребностям общества, уставшего от идеологизации

¹² Bohun M., Op. cit. P. 51-53.

¹³ Подробнее о ней: Lazari A. de, Czy Moskwa będzie Trzecim Rzymem?: studia o nacjonalizmie rosyjskim. Katowice: Śląsk, 1995. P. 9-15; Mazuś M., Koncepcje ideologiczne „Moskwa – III Rzym” oraz „Kijów – II Jerozolima” w ujęciu porównawczym // *Slavia Orientalis*, 2015. T. 64. № 3. P. 465-472.

¹⁴ Подробнее о проблеме см.: Duncan P.J.S., Russian Messianism. Third Rome, Holy Revolution, Communism and After. London-New York: Routledge, 2000. P. 13-110.

повседневной жизни. В конечном итоге сотрудничество с Западом должно было улучшить материальное положение широких социальных масс, способствуя повышению уровня жизни простых людей¹⁵.

Изначально российское общество с энтузиазмом приняло новое направление перемен. Однако провал экономических реформ, «унижение», являющееся следствием распада глобальной империи, а также растущий скептицизм в отношении истинных намерений Запада способствовали радикальному изменению настроений среди социальных элит, а также среди простых граждан. После 1993 г. ожили старые антизападные обиды, возникшие в результате возрождения евразийского движения, призывающего к реституции Российской империи и широко использующего геополитическую мысль XIX и XX вв. По мнению таких мыслителей, как Александр Панарин, Александр Дугин и Сергей Морозов, постсоветской России суждено создать империю, которая остановит зловещую экспансию Запада, подобно тому, как Россия однажды остановила монгольское нашествие, Наполеона и фашизм. Умеренные представители этой тенденции, такие как Сергей Станкевич, избегали конфронтационной риторики, но полагали, что обращение к Западу является ошибкой, и Российская Федерация должна максимально использовать свое геополитическое положение, чтобы стать мостом между Востоком и Западом, также извлекая выгоду из этой материальной выгоды¹⁶.

Русский антиоксидентализм в постсоветский период отличался от антизападных тенденций, известных со времен царской России. Годы конкуренции в рамках биполярной системы привели к тому, что он характеризовался гораздо большей антипатией

¹⁵ English R.D., *Russia and the Idea of the West. Gorbachev, Intellectuals, and the End of the Cold War*. New York: Columbia University Press, 2000. P. 228-234.

¹⁶ Laruelle M., *Russian Eurasianism. An Ideology of Empire*. Washington D.C.: Johns Hopkins University Press, 2008. P. 2-15, 209-222.

к новому геополитическому сопернику – Соединенным Штатам Америки. Европу часто игнорируют и изображают как инертный инструмент в руках американских империалистов¹⁷. Такое отношение было в какой-то степени связано с тем, что новые демократические российские власти рассчитывали на равную долю в формирующейся системе международных отношений. Однако оказалось, что биполярная система была заменена однополярной. Ход двух войн в Персидском заливе, конфликт в бывшей Югославии и, прежде всего, авиаудары НАТО по Сербии, наконец, расширение НАТО на восток, подорвали доверие российской элиты к Соединенным Штатам¹⁸.

По мнению многих россиян, время президентства Владимира Путина – это период «вставания с колен». В это время власти Кремля стремились использовать растущий военный и экономический потенциал, обусловленный значительным ростом цен на углеводородное сырье на мировых биржах, для проведения более активной внешней политики. Анализируя международную ситуацию во время президентства В. Путина, Андрей Цыганков пытается доказать тезис о том, что на протяжении веков Россия требовала признания со стороны Запада, стремилась присоединиться к кругу равных глобальных держав, имитируя образцы, взятые из данного культурного круга. Однако когда Запад попытался бросить ей вызов, нарушив жизненные интересы России, были задействованы защитные механизмы, следствием которых была более напористая внешняя политика, направленная на защиту своих собственных интересов. По словам А. Цыганкова, честь и лояльность требуют равной трактовки от партнеров по международным отношениям. Впрочем, не следует забывать, что независимая внешняя политика также определяется историче-

¹⁷ Neumann I.B., *Russia and the Idea of Europe. A Study in Identity and International Relations*. London-New York: Routledge, 2017. P. 126-130.

¹⁸ English R.D., *Op. cit.* P. 36-40.

скими условиями и обязательствами по отношению к союзникам и собственному народу¹⁹.

В анализе А. Цыганкова мы видим много общего с концепцией «стремления к признанию» И. Берлина, но также с тихим оправданием «напористой» внешней политики Кремля. Отсутствие признания, чувство неполноценности и комплексы означали, что Россия времен В. Путина пошла пути демонстрации собственной цивилизационной обособленности, претворив в жизнь установки новой, неоимперской политики Кремля, что частично явилось ответом на «цветные революции» в бывших советских республиках. Ее основная цель состояла в том, чтобы восстановить особенные позиции России на постсоветском пространстве и на международной арене. Следствием этого направления стали российско-грузинская война 2008 г.²⁰ и драматические события на Украине в 2014 и последующие годы. Особенно значимой были присоединение Крыма и конфликт на Донбассе, которые коренным образом изменили отношения Европы с Россией. В Российской Федерации они привели к консолидации националистических кругов, росту активности государственной пропаганды в советском стиле и конкретной политике в отношении Европейского Союза, которая направлена на углубление внутренних различий посредством программной поддержки антиевропейской, антииммиграционной и пророссийской среды²¹.

¹⁹ Tsygankov A.P., *Russia and the West from Alexander to Putin. Honor in International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 3-6.

²⁰ Asmus R.D., *A Little War that Shook the World. Georgia, Russia, and the Future of the West*. New York: St. Martin's Press, 2010. P. 19-230.

²¹ Larrabee S.F. et alii, *Russia and the West after the Ukrainian Crisis. European Vulnerabilities to Russian Pressures*. Santa Monica: RAND, 2017. P. 51-68.

2. «Миграционный кризис» и новый мировой порядок

Российская Федерация является одним из крупнейших иммиграционных и эмиграционных государств в мировом масштабе²². По этой причине ее опыт управления данными потоками отчетливо влияет на ее восприятие миграционных процессов в Европейском союзе. Российские власти хорошо знают, с какими проблемами сталкиваются современные европейские политические элиты, но это не мешает им использовать так называемый «миграционный кризис» в собственной политике в отношении европейских сообществ. Выражая свое несогласие с политикой ЕС в сфере предоставления убежища, Российская Федерация пытается переложить всю вину за ситуацию на брюссельскую элиту, демонстрируя солидарность с простыми гражданами ЕС.

Добавим, что вышеперечисленные действия Кремля являются отражением политики «разделяй и властвуй», хорошо известной с древних времен, которую Россия неоднократно применяла на постсоветском пространстве, дискредитируя политических противников и обращаясь к обществу. Например, после российско-грузинской войны президент Дмитрий Медведев недвусмысленно подчеркнул, что русские не будут вести никаких переговоров с Михаилом Саакашвили и его окружением, но также добавил, что они любят и уважают грузинский народ²³. Точно так же В. Путин прокомментировал отношение Кремля к «постмайданному» властям в Киеве, с пониманием относясь к украинскому народу, подчеркивая, что никогда не было серьезных недоразумений между русскими и украинцами²⁴.

²² По подсчетам ООН, в 2010 г. в России проживало 12,27 млн. иммигрантов, что составляло 8,7% от общей численности населения штата и ставило Россию на второе место в мире по количеству иммигрантов после США (42,81 млн.) и перед Федеративной Республикой Германия (10,75 млн.) См.: International Migration Report 2009: A Global Assessment. New York: United Nations, 2011. P. 263.

²³ Медведев Д.: «У меня нет желания разговаривать с Саакашвили». Civil.ge, 3.04.2009. <https://civil.ge/ru/archives/174765> (дата обращения: 10.11.2018).

²⁴ Путин: Русский и украинский народ никогда не ссорились. Regnum, 18.03.2019. <https://regnum.ru/news/polit/2593339.html> (дата обращения: 10.11.2019).

С точки зрения Кремля «миграционный кризис» на самом деле является лишь проявлением более серьезной проблемы, а именно кризиса Запада, о котором говорилось выше. Соответствующему разрешению этого вопроса способствует отсутствие единодушия среди европейской элиты относительно формы общей иммиграционной и гуманитарной политики. Как известно, вопрос о помощи беженцам и план их переселения, предложенный президентом Европейской комиссии Жаном Клодом Юнкером, который разделил европейские страны на два, проще говоря, политических лагеря: сторонники европейской солидарности и страны, которые делают акцент на проблемах собственной безопасности²⁵.

Первая группа включает большинство стран Западной Европы, которые одобрили «план Юнкера» и согласились принять определенное количество беженцев, которые в основном находились во временных лагерях в Италии и Греции. Стоит отметить, что усиление националистических кругов в Австрии и Италии немного ослабил единство Западной Европы. Вторая группа состоит в основном из так называемых стран «новой Европы», в первую очередь связанных с Вышеградской группой: Польша, Венгрия, Чехия и Словакия. Кроме того, разумеется, политика ЕС в сфере убежища оспаривается более или менее влиятельными популистскими группами, действующими практически в каждой стране, которые используют антииммиграционную и антиисламскую риторику в политических дискуссиях²⁶.

Явный рост интереса к этой среде со стороны России был замечен во второй половине 2000-х гг. В некотором смысле мы можем рассматривать это как реакцию Москвы на «цветные революции» на постсоветском пространстве и поддержку, оказываемую Западом продемократическим элитам в некоторых странах региона. Ссылаясь на эти события, Владимир Путин на Мюнхен-

²⁵ Braghiroli S., Makarychev A., Op. cit. P. 826-827.

²⁶ Ibidem. P. 827-830.

ской конференции по безопасности в 2007 году, подверг резкой критике несправедливую, по его мнению, однополярную систему международных отношений, в которой доминируют США, и одновременно обвинил западные страны в том, что они все больше и больше вмешиваются в внутренние дела России и других стран на постсоветском пространстве²⁷.

После российско-грузинской войны Д. Медведев призвал Запад принять участие в формировании новой архитектуры безопасности для создания «более справедливого и безопасного мира». В то же время, Европа считалась бы одним из партнеров, но не обязательно ключевым. Украинский кризис углубил это недоверие и резко ужесточил позиции обеих сторон²⁸. СМИ, контролируемые Кремлем, начали выдвигать прямые обвинения против Соединенных Штатов и их союзников, обвиняя их в провоцировании миграционного кризиса²⁹. В ответ аналогичные обвинения были выдвинуты против России. Например, американский генерал ВВС Филипп Бридлав во время слушаний в Сенате США заявил, что Россия вместе с президентом Башаром Асадом инструментально использует миграционный кризис для давления на европейские структуры, саботируя решения, которые они предлагают³⁰.

Помимо поддержки евроскептиков и антииммигрантов, важным инструментом в руках Российской Федерации является широкая пропагандистская деятельность. Его основная цель – создать альтернативное видение международной политики и внутренних отношений в Европейском Союзе. После эскалации украинского кризиса Россия активизировала свои действия, направив свое

²⁷ Foxall A., From Evropa to Gayropa: A Critical Geopolitics of the European Union as Seen from Russia // *Geopolitics*, 2019. Т. 24. № 1. P. 181-183; Shekhovtsov A., *Russia and the Western Far Right*. Milton: Routledge, 2017. P. 127-133.

²⁸ Foxall A., *Op. cit.* P. 182-186.

²⁹ Эксперт: Миграционный кризис в ЕС был намеренно устроен США. RT, 4.09.2015. <https://russian.rt.com/article/113281> (дата обращения: 11.10.2019).

³⁰ Elyatt H., Putin 'Weaponizing' Migrant Crisis to Hurt Europe. CNBC, 2.03.2016. <https://www.cnn.com/2016/03/02/putin-weaponizing-migrant-crisis-to-hurt-europe.html> (дата обращения: 11.10.2019).

послание, прежде всего, русскоязычным людям, живущим на постсоветском пространстве и в Европе, Канаде или США, а также евроскептикам, оспаривая нынешнюю политику предоставления убежища в объединенной Европе. Ключевыми инструментами этой политики являются пророссийские популярные русскоязычные государственные телеканалы, правительственные информационные агентства, а также многоязычные информационные платформы «Россия сегодня» и «Спутник». Кремлевские власти также вкладывают значительные средства в покупку влиятельных иностранных газет или платных статей, публикуемых в журналах, формирующих общественное мнение по всему миру. Они активизируют свою деятельность в Интернете, особенно в социальных сетях, используя людей, работающих на «фабриках троллей», для манипулирования информационными сообщениями в сети³¹.

Российская пропагандистская машина пытается представить конкретное видение ситуации в Европе, ввергнутой в хаос, вызванный неумелыми действиями либеральных политических элит, оторванных от повседневной жизни, сосредоточенных на проблемах гомосексуальных меньшинств и навязывающих либеральную миграционную политику. Миграционные процессы тесно связаны с вопросами безопасности: террористическими угрозами, преступностью и насилием в отношении женщин. С другой стороны, Российская Федерация представляется как государство, несправедливо принижаемое Соединенными Штатами и Западной Европой, а В. Путин – как сильный лидер, способный заботиться о своих гражданах, в том числе о тех, кто живет за пределами страны. Эти взгляды укрепляются пророссийскими экспертами со всего мира, в том числе использующими участие России в борьбе

³¹ Herpen M.H. van, *Op. cit.* P. 47-126; Edenborg E., *Politics of Visibility and Belonging. From Russians Homosexual Propaganda Laws to the Ukraine War.* Abingdon-Oxon: Routledge, 2017. P. 21-48.

против Исламского государства и ее обеспокоенность христианским населением на Ближнем Востоке³².

Между строк этих сообщений можно прочесть, что миграционный кризис имел бы совершенно иной курс, если бы Европа решила сотрудничать с Россией вместо того, чтобы искать конфронтацию любой ценой. Россия нужна и Европейскому Союзу, и Соединенным Штатам, чтобы решить ряд ключевых глобальных проблем, но к ней нужно относиться как к равному партнеру. Если нынешние политические элиты в Европе и США не понимают этого, то необходимо выбирать новые элиты. Добавим, что это не просто пустая риторика, и против России неоднократно выдвигались обвинения во вмешательстве в избирательный процесс в Соединенных Штатах, Германии, во время референдума по брекситу или отделению Каталонии³³.

Примечательным примером создания ложного повествования, сфабрикованного российской пропагандой, является «дело Лизы», предполагаемая тринадцатилетняя дочь русских эмигрантов из Берлина, которая подверглась нападению и изнасилованию со стороны «арабского» человека. История стала поводом для нападок на политику Германии в сфере миграции, которая представляет угрозу для простых граждан. Более того, в российской наррации оно имело и другой подтекст – под влиянием сообщений в СМИ русскоязычные граждане Германии должны были выйти на улицы и протестовать против миграционной политики правительства Ангелы Меркель. Некоторые даже заявили о своей готовности вернуться в Россию, в том числе поселиться в Кры-

³² Borenstein E., *Plots against Russia. Conspiracy and Fantasy after Socialism*. Ithaca: Cornell University Press, 2019. P. 160-163; Tsygankov A.P., *Russia's Foreign Policy. Change and Continuity in National Identity*. New York-London: Rowman & Littlefield Publishers, 2016. P. 239-250; Roxburgh A., *The Strongman. Vladimir Putin and the Struggle for Russia*. London: I.B. Tauris, 2012. P. 253-270.

³³ Путин: кризис с мигрантами в Европе вызван ошибочной политикой Запада. ТАСС, 4.09.2015; 'Trolls' get more attention. Oxford Analytica Daily Brief Service, 7.12.2017; Путин потребовал провести глубокий анализ миграционного кризиса в Европе. ТАСС, 11.03.2017.

му. Поэтому можно сделать вывод, что в Крыму безопаснее, чем в Германии. Это, однако, оказалось искусно сфабрикованным, и в реальности не имеющим ничего общего с информацией на российском государственном телевидении³⁴.

Политический альянс Кремля с крайне правыми европейскими группировками является чрезвычайно оригинальной операцией, особенно в случае государства, которое гордится освобождением Европы от фашизма. Однако за этими действиями стоит продуманная стратегия. Укрепление крайне популистских националистических группировок в долгосрочной перспективе ослабит европейскую солидарность и поможет Кремлю достичь своих политических целей. В настоящее время основной проблемой является снятие санкций, наложенных на Россию, признание законности присоединения Крыма и статус-кво на Донбассе. Благодаря разрешению этих вопросов Российская Федерация сможет в перспективе стать равноправным партнером Запада, от чего выиграют обе стороны. Новая система международных отношений будет более справедливой и предсказуемой. Отсутствие понимания этого якобы очевидного факта приведет к дальнейшему углублению миграционного кризиса и, в более широком смысле, к кризису западного мира³⁵.

Выводы

Европейский миграционный кризис вызвал один из самых серьезных кризисов в истории европейского сообщества и поставил под сомнение солидарность внутри ЕС. Российская Федерация попыталась воспользоваться возможностью усилить давление

³⁴ Borenstein E., Op. cit. S. 158-160; Бедная Лиза: история исчезавшей в Берлине девочки становится все загадочней // Московский комсомолец, 9.01.2016.

³⁵ EU Didn't Ask Russia to Help Resolve Migration Crisis – Russian Deputy Foreign Minister. Interfax, 11.11.2015; Путин допустил усугубление миграционного кризиса в Европе // Известия, 18.09.2017.

на западные политические элиты, чтобы договориться об определенных уступках, прежде всего об отмене жестких санкций и нормализации политических отношений. Деятельность российской пропаганды, направленная на основы существования Европейского сообщества и его международного авторитета, вызывает серьезную обеспокоенность европейских политиков.

Сомнительное с моральной точки зрения использование трагедии сотен тысяч людей в политике Кремля является серьезной проблемой, стоящей перед объединенной Европой. Миграционный кризис и предстоящий брексит требуют солидарности и широкого консенсуса между государствами-членами. Европейский Союз осознает угрозы, возникающие в связи с мобилизацией популистской и националистической среды в Европе и вовлечением Российской Федерации во внутренние дела стран-членов ЕС. Он даже принял конкретные меры по нейтрализации вредных последствий распространения российской пропаганды, но в настоящее время оценить их эффективность сложно.

Использование Россией кризиса Запада, эманацией которого является «миграционный кризис» и брексит – это попытка обосновать необходимость реформирования нынешней системы международных отношений. В новой реальности Россия должна стать одним из ключевых политических игроков, формирующих многополярный глобальный порядок. Ни для кого не секрет, что кремлевские власти добивались этого с момента распада СССР.

Статья является модифицированной и дополненной версией: *A. Szabaciuk, Federacja Rosyjska wobec europejskiego „kryzysu migracyjnego” // Wschodni Rocznik Humanistyczny, T. XV, 2018. № 4. Р. 9-24.*

Избранная библиография

Selected Bibliography

- Arel D.*, Orange Ukraine Chooses the West, but without the East / *Bredies I., Umland A., Yakushik V.* (eds.) // *Aspects of the Orange Revolution III: The Context and Dynamics of the 2004 Ukrainian Presidential Elections*. Stuttgart: Ibidem, 2007.
- Asmus R.D.*, A Little War that Shook the World. Georgia, Russia, and the Future of the West. New York: St. Martin's Press, 2010.
- Avbelj M.*, Supremacy or Primacy of EU Law – (Why) Does it Matter? // *European Law Journal*, 2001. 6 (17).
- Bajor P.*, „Operacja” Krym – aneksja półwyspu i jej konsekwencje // *Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej*, 2014. R. XII. Z. 2.
- Bohun M.*, Śmiertelna cywilizacja. Katastroficzny antyokcydentalizm rosyjski i europejskie paradoksy // *Kultura i Wartości*, 2014. T. 10.
- Borenstein E.*, Plots against Russia. Conspiracy and Fantasy after Socialism. Ithaca: Cornell University Press, 2019.
- Braghiroli S., Makarychev A.*, Redefining Europe: Russia and the 2015 Refugee Crisis // *Geopolitics*, 2018. T. 23. № 4.
- Brudny Y., Finkel E.*, Why Ukraine is Not Russia: Hegemonic National Identity and Democracy in Russia and Ukraine // *East European Politics and Societies*, 2011. Vol. 25. № 4.

- Buras P., Dylematy państwa status quo. Nowa kwestia niemiecka w Europie // Sprawy Międzynarodowe, 2014. R. LXVII. № 4.
- Burkhardt F., Concepts of the Nation and Legitimation in Belarus / Brusis M., Ahrens J., Schulze Wessel M. (eds.) // Politics and Legitimacy in Post-Soviet Eurasia. London: Palgrave Macmillan, 2016.
- Craig P.P., Once upon a Time in the West: Direct Effect and the Federalization of EEC Law // Oxford Journal of Legal Studies, 1992. № 4(12).
- Delcour L., The EU and Russia in Their "Contested Neighbourhood". London: Routledge, 2016.
- Diyachenko E., Entin K., The Court of the Eurasian Economic Union: Challenges and Perspectives // Russian Law Journal, 2017. № 5(2).
- Duncan P.J.S., Russian Messianism. Third Rome, Holy Revolution, Communism and After. London-New York: Routledge, 2000.
- Eberhardt A., Rewolucja, której nie było. Bilans pięciolecia „pomarańczowej” Ukrainy // Punkt Widzenia. OSW, 11.2009.
- Edenborg E., Politics of Visibility and Belonging. From Russians Homosexual Propaganda Laws to the Ukraine War. Abingdon-Oxon: Routledge, 2017.
- Elsuwege P. van, Overcoming Legal Incompatibilities and Political Distrust: the Challenging Relationship between the European Union and the Eurasian Economic Union // The EU-Russia: the Way out or the Way Down? Moscow: Institute of Europe, 2018.
- Engle E., Third Party Effect of Fundamental Rights (Drittwirkung) // Hanse Law Review, 2009. T. 5. № 2.
- English R.D., Russia and the Idea of the West. Gorbachev, Intellectuals, and the End of the Cold War. New York: Columbia University Press, 2000.
- Eurasianism and the European Far Right. Reshaping the Europe-Russia Relationship / Laruelle M. (ed.). Lanham: Lexington Books, 2015.
- Fiszer J.M., Stępniewski T., Świder K., Polska – Ukraina – Białoruś – Rosja. Obraz politycznej dynamiki regionu. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 2019.
- Fiszer J.M., Stępniewski T., Polska i Ukraina w procesie transformacji, integracji i wyzwań dla bezpieczeństwa Europy Środkowo-Wschodniej. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 2017.
- Fournier A., Patriotism, Order and Articulations of the Nation in Kyiv High Schools Before and After the Orange Revolution // Journal of Communist Studies and Transition Politics, 2007. Vol. 23. № 1.
- Foxall A., From Evropa to Gayropa: A Critical Geopolitics of the European Union as Seen from Russia // Geopolitics, 2019. T. 24. № 1.
- Hajduk J., Stępniewski T., Wojna hybrydowa Rosji z Ukrainą: uwarunkowania i instrumenty // Studia Europejskie, 2015. № 4(76).

- Hansen F.S. et alii, *The Kremlin's Trojan Horses 3.0: Russian Influence in Denmark, The Netherlands, Norway, and Sweden*. Washington D.C.: Atlantic Council, 2018.
- Hartley T.C., *The Foundations of European Community Law: An Introduction to the Constitutional and Administrative Law of the European Community*. London: OUP, 2004.
- Herpen M.H. van, *Putin's Propaganda Machine. Soft Power and Russian Foreign Policy*. New York-London: Rowman & Littlefield Publishers, 2016.
- Huntington S.P., *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster, 1996.
- International Migration Report 2009: A Global Assessment. New York: United Nations, 2011.
- Karliuk M., *Russian Legal Order and the Legal Order of the Eurasian Economic Union: An Uneasy Relationship* // *Russian Law Journal*, 2017. T. 5. № 2.
- Kembaev Zh., *Regional Integration in Eurasia: The Legal and Political Framework* // *Review of Central and East European Law*, 2016. Vol. 41.
- Kucharzewski J., *Od białego caratu do czerwonego*. T. 1-7. Warszawa: PWN, 1998-2000.
- Kuzio T., *Civil Society, Youth and Societal Mobilization in Democratic Revolutions* / Kuzio T. (ed.) // *Aspects of the Orange Revolution VI: Post-Communist Democratic Revolutions in Comparative Perspective*. Stuttgart: Ibidem, 2007.
- Larrabee S.F. et alii, *Russia and the West after the Ukrainian Crisis. European Vulnerabilities to Russian Pressures*. Santa Monica: RAND, 2017.
- Laruelle M., *Russian Eurasianism. An Ideology of Empire*. Washington D.C.: Johns Hopkins University Press, 2008.
- Lazari A. de, *Czy Moskwa będzie Trzecim Rzymem?: studia o nacjonalizmie rosyjskim*. Katowice: Śląsk, 1995.
- Łotman J.M., *Rosja i znaki: kultura szlachecka w wieku XVIII i na początku XIX*. Gdańsk: Słowo-Obraz-Teoria, 2010.
- Mazuś M., *Koncepcje ideologiczne „Moskwa – III Rzym” oraz „Kijów – II Jerozolim” w ujęciu porównawczym* // *Slavia Orientalis*, 2015. T. 64. № 3.
- McFaul M., *Ukraine Imports Democracy: External Influences on the Orange Revolution* // *International Security*, 2007. Vol. 32. № 2.
- Melnyk M., *Integracja Ukrainy z Europą Zachodnią jako wybór cywilizacyjny – katalog problemów i pytań* / Fijałkowski B., Żukowski A. (red.) // *Unifikacja i różnicowanie się współczesnej Europy*. Warszawa: Elipsa, 2002.
- Milczarek D., *Świat na rozdrożu – ewolucja międzynarodowego otoczenia Unii Europejskiej (część 2)* // *Studia Europejskie*, 2010. № 1(53).
- Moisis S., *Redrawing the Map of Europe. Spatial Formation of the EU's Eastern Dimension* // *Geography Compass*, 2007. Vol. 1. № 1.

- Neumann I.B., *Russia and the Idea of Europe. A Study in Identity and International Relations*. London-New York: Routledge, 2017.
- Onuch O., Hale H.E., *Capturing Identity: The Case of Ukraine* // *Post-Soviet Affairs*, 2018. Vol. 34. № 2-3.
- Petrov R., Kalinichenko P., *On Similarities and Differences of the European Union and Eurasian Economic Union Legal Orders: Is There the "Eurasian Economic Union Acquis"?* // *Legal Issues of Economic Integration*, 2016. № 43(3).
- Plokhly S., *Lost Kingdom. A History of Russian Nationalism from Ivan the Great to Vladimir Putin*. London: Allen Lane an Imprint of Penguin Books, 2017.
- Polyakova A. et alii, *The Kremlin's Trojan Horses 2.0: Russian Influence in Greece, Italy, and Spain*. Washington D.C.: Atlantic Council, 2017.
- Polyakova A. et alii, *The Kremlin's Trojan Horses: Russian Influence in France, Germany, and the United Kingdom*. Washington D.C.: Atlantic Council, 2016.
- Rácz A., *Russia's Hybrid War in Ukraine: Breaking the Enemy's Ability to Resist* // *FIIA Report*. № 43. Helsinki, 2015.
- Radzik R., *Rosyjski imperializm wspólnotowy. Trójjedyny naród ruski w badaniach socjologicznych*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2016.
- Rassmussen M., *Revolutionizing European Law: A History of Van Gend and Loos Judgment* // *International Journal of Constitutional Law*, 2004. Vol. 12.
- Revolution in Orange: The Origins of Ukraine's Democratic Breakthrough* / Aslund A., McFaul M. (eds.). Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2006.
- Reznik O., *From the Orange Revolution to the Revolution of Dignity: Dynamics of the Protest Actions in Ukraine* // *East European Politics and Societies*, 2016. Vol. 30. № 4.
- Rotfeld A.D., *Porządek międzynarodowy. Parametry zmiany* // *Sprawy Międzynarodowe*, 2014. № 4.
- Roxburgh A., *The Strongman. Vladimir Putin and the Struggle for Russia*. London: I.B. Tauris, 2012.
- Shekhovtsov A., *Russia and the Western Far Right*. Milton: Routledge, 2017.
- Shekhovtsov A., *The "Orange Revolution" and the "Sacred" Birth of a Civic-Republican Ukrainian Nation* // *Nationalities Papers*, 2013. Vol. 41. № 5.
- Sinovets P., *From Stalin to Putin: Russian Strategic Culture in the XXI Century, Its Continuity, and Change* // *Philosophy Study*, 2016. T. 6. № 7.
- Spengler O., *The Decline of the West*. T. 1-2. New York: Alfred A. Knopf, 1926.
- Stępniewski T., *Polityka bezpieczeństwa Ukrainy po 2010 roku* // *Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej*, 2013. R. XI. Z. 2.
- Stępniewski T., *The EU's Eastern Partnership and the Way Forward After Riga* // *International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs*, 2015. Vol. XXIV. № 1-2.

- Stępniewski T., Ukraina: niepewna przyszłość w cieniu przeszłości // *Wschodni Rocznik Humanistyczny*, 2017. T. 14. № 4.
- Stępniewski T., Wojna Ukrainy o niepodległość, pamięć i tożsamość // *Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej*, 2015. R. XIII. Z. 2.
- Świder K., Rosyjska świadomość geopolityczna a Ukraina i Białoruś (po rozpadzie Związku Radzieckiego). Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 2015.
- Szabaciuk A., Eurazjatycki projekt integracyjny Władimira Putina: szanse i zagrożenia // *Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej*, 2014. R. XII. Z. 5.
- Tanchev E., Primacy or Supremacy of International and EU Law in the Context of Contemporary Constitutional Pluralism, Report for the European Commission for Democracy Through Law // CDL-JU (2013)010, Strasbourg, 16 September 2013.
- Tino E., Settlements of Disputes by International Courts and Tribunals of Regional Integration Organisations / Virzo R., Ingravallo I. (eds.) // *Evolutions in the Law of International Organizations*. Leiden: Brill, 2015.
- Tsygankov A.P., Russia and the West from Alexander to Putin. Honor in International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- Tsygankov A.P., Russia's Foreign Policy. Change and Continuity in National Identity. New York-London: Rowman & Littlefield Publishers, 2016.
- Tunkin G.I., On the Primacy of International Law in Politics / Butler W. (ed.) // *Pe-restroika and International Law*. London: Springer, 1990.
- Ukraina po (Euro)majdanie. Od autorytaryzmu do protodemokracji / Stelmach A., Hurska-Kowalczyk L. (red.). Toruń: Adam Marszałek, 2016.
- Umland A., Domestic and Foreign Factors in the 2004 Ukrainian Presidential Elections / Bredies I., Umland A., Yakushik V. (eds.) // *Aspects of the Orange Revolution IV: Foreign Assistance and Civic Action in the 2004 Ukrainian Presidential Elections*. Stuttgart: Ibidem, 2007.
- Vauchez A., Keeping the Dream Alive: the European Court of Justice and the Transnational Fabric of Integrationist Jurisprudence // *European Political Science Review*, 2012. T. 4. № 1.
- Walicki A., W kręgu konserwatywnej utopii. Struktury i przemiany rosyjskiego słowianofilstwa. Warszawa: PWN, 2002.
- Weatherill S., Beaumont P., EU Law. London: Penguin, 2009.
- Wilson A., Ukraine's Orange Revolution. New Haven: Yale University Press, 2005.
- Yekelchik S., Ukraine: Birth of a Modern Nation. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Żakowski J., Ogniska choroby. Politolog Jan Zielonka o globalnym kryzysie demokracji // *Polityka*, 1.01-12.01.2016. № 1/2 (3041).
- Авакьян С.А., Конституционное право России: Учебный курс: Т. 2. М.: ООО Юридическое издательство Норма, 2005.

- Авакьян С.А., Размышления конституционалиста: Избранные статьи. М: Издательство Московского университета, 2010.
- Агасарян А., Евразийская интеграция как новая парадигма развития постсоветского пространства // Международная жизнь, 2014. № 4.
- Бабурин С.Н., Значение Великой Иранской революции для современного мира: духовно-ценностное измерение конституционализма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция, 2019. № 3.
- Багдасарян В.Э., Конституция Российской Федерации в сравнительном страновом и историческом анализе. М.: Духовное просвещение, 2019.
- Баранов Н.А., Политические процессы на Евразийском пространстве в условиях турбулентности мировой политики // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество, 2018. Вып. 1. Ч. 1.
- Баренбойм П.Д., Концепция Зорькина-Танчева о соотношении современных доктрин верховенства права и правового государства // Законодательство и экономика, 2011. № 10.
- Бачко Б., Как выйти из террора? М.: Baltrus, 2006.
- Берлин Й., Гердер и Просвещение // Подлинная цена познания. М.: Канон, 2002.
- Венгеров А.Б., Прямое действие Конституции: правовые, социальные, психологические аспекты // Общественные науки и современность, 1995. № 5.
- Виноградов П.Г., Очерки по теории права. М.: Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон, 1915.
- Гаджиев Г.А., О судебной доктрине верховенства права // Сравнительное конституционное обозрение, 2013. № 4.
- Гегель В.Ф., Политические произведения. М.: Наука, 1978.
- Гегель В.Ф., Феноменология духа. М.: Наука, 2000.
- Глазьев С.Ю., Экономика будущего. Есть ли у России шанс? М.: Книжный мир, 2017.
- Грачева С.А., Доктрина верховенства права и судебные правовые позиции // Журнал российского права, 2014. № 4.
- Джейкоб М., Масонство // Мир Просвещения. М.: Памятники исторической мысли, 2003.
- Зедльмайр Х., Утрата середины. М.: Прогресс-Традиция, 2008.
- Иванова К.А., Степанов А.А., Немчинова Е.В., Нравственность в сети: правовая и неправовая оценка информации при реализации пользователями права на свободу выражения мнения // Российское право. Образование. Практика. Наука, 2018. № 5.
- Интернационализация конституционного права: современные тенденции: монография / Варламовой Н.В., Васильевой Т.А. (ред.). М.: ИГП РАН, 2017.

- Кашкин С.Ю., Тенденции к идеологизации права ЕС: сущность, этапы, перспективы // Материалы международной научно-практической конференции Государство и право: вызовы XXI века (Кутафинские чтения): сборник тезисов. М.: Проспект, 2010.
- Клишас А.А., Юридический код государства: вопросы теории и практики. М.: Международные отношения, 2019.
- Кошен О., Малый народ и революция. М.: Айрис-пресс, 2004.
- Кутафин О.Е., Источники конституционного права Российской Федерации. М.: Юристъ, 2002.
- Кыргызская Республика в Евразийском Экономическом Союзе. Первые результаты. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2018.
- Ласки М., Утопия и революция // Утопия и утопическое мышление. М.: Прогресс, 1991.
- Лафитский В.И., Принцип верховенства права в этико-правовом измерении // Журнал российского права, 2007. № 9.
- Лихачёв В.М., Россия и Европейский союз в международной системе (дипломатия, политика, право) 1998-2004 гг. Казань: Центр инновац. технологий, 2004.
- Мансуров Т., 25 лет Евразийскому проекту Нурсултана Назарбаева. 1994-2019. М.: Институт экономических стратегий, 2019.
- Марченко М.Н., Глобализация и основные тенденции развития национальных и наднациональных государственно-правовых систем в XXI веке. М.: Проспект, 2019.
- Мейнеке Ф., Возникновение историзма. М.: РОССПЭН, 2004.
- Мутаххари М., Исламское мировоззрение. М.: Фонд исследований исламской культуры, 2010.
- Натаф А., Мэтры оккультизма. СПб.: Академический проект, 2002.
- Озуф М., Революционный праздник (1789-1799). М.: Научные монографии, 2003.
- Патриарх Алексий II, Служение делу христианского просвещения. М.: Отдел религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви, 2008.
- Рансьер Ж., На краю политического. М.: Праксис, 2006.
- Святитель Филарет, митрополит Московский. Меч духовный. М.: Институт русской цивилизации, 2010.
- Современное государство в эпоху глобальных трансформаций: аналитический доклад / И.М. Рагимов, С.Н. Бабурин, Ю.В. Голик [и др.] СПб., 2019.
- Станкевич З.А., Советский Союз. Обрыв истории. М.: Книжный мир, 2016.
- Старобинский Ж., 1789 г.: Эмблематика разума // Поэзия и знание. М.: Языки славянской культуры, 2002.

- Степун Ф., Религиозный смысл революции // Жизнь и творчество, 2008.
- Токвиль А., Старый порядок и революция. М., 1896.
- Фихте И.Г., Речи к немецкой нации / пер. А.А. Иваненко. СПб.: Наука, 2009.
- Фишер К., Гегель. М.: Соцэкгиз, 1940.
- Хоркхаймер М., Адорно Т., Диалектика Просвещения. М.: Медиум, 1997.
- Хоррамшад М.Б., Сарпарастсадат С.Э., Концепции религиозной демократии / Дунаева Е.В., Садра М. (ред.) // Иран в условиях новых геополитических реалий (к 40-летию Исламской революции). М: Садра, 2019.
- Шайо А., Возможности конституционного контроля в сфере социальных прав // Конституционный принцип социального государства и его применение конституционными судами: Сборник докладов. М.: Институт права и публичной политики, 2008.
- Шмитт К., Эпоха деполитизации и нейтрализаций // Социологическое обозрение, 2001. Т. 1. № 2.
- Шпанн О., Философия истории. СПб.: СПбГУ, 2005.
- Шпенглер О., Двойной лик России и немецкие восточные проблемы (1923) // Шпенглер О., Политические произведения: Сборник. М.: ИНФРА-М, 2015.
- Шульженко Ю.Л., Конституционный контроль в России. М.: ИГиП РАН, 1995.
- Щербак Ю., Украина в эпицентре мирового шторма: оценки, прогнозы, комментарии. Киев: Ярославів вал, 2017.
- Эбзеев Б.С., Прямое действие Конституции РФ (некоторые методологические аспекты) // Правоведение, 1996. № 1.
- Энтин Л.М., Право Европейского Союза. Новый этап эволюции: 2009-2017 гг. М.: МГИМО(У), 2009.

Об авторах

Ажекбаров Каныбек Ажекбарович – доктор экономических наук, почетный профессор Кыргызского экономического университета (Киргизская Республика).

Бабурин Сергей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ассоциации юридических вузов и Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры (Россия).

Гуселетов Борис Павлович – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН. Почетный член Всекитайской академии общественных наук (Россия).

Исаев Игорь Андреевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия).

Калиниченко Пауль Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, кафедра Жана Монне, профессор кафедры интеграционного и европей-

ского права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, заведующий кафедрой европейского права Дипломатической академии МИД России (Россия).

Камчыбеков Толобек Кадыралиевич – доктор экономических наук, профессор, ректор Кыргызского экономического университета (Киргизская Республика).

Лункин Роман Николаевич – доктор политических наук, руководитель Центра по изучению проблем религии и общества Института Европы РАН, главный редактор журнала «Современная Европа» (Россия).

Словиковски Михал – доктор (doktor habilitowany) политических наук, доцент Кафедры политических систем Факультета международных и политических исследований Лодзинского университета (Польша).

Станкевич Зигмунд Антонович – доктор юридических наук, действительный член (академик) Российской академии социальных наук (Россия).

Стемпневски Томаш – доктор (doktor habilitowany) политических наук, профессор, научный сотрудник Института политических наук и администрации Люблинского католического университета Иоанна Павла II. Заместитель директора Института Центральной Европы в Люблине по научно-аналитическим делам (Польша).

Тодоров Игорь Ярославович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных студий и общественных коммуникаций Ужгородского национального университета (Украина).

Тодорова Наталия Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры поликультурного образования и перевода Ужгородского национального университета (Украина).

Шабациук Анджей – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры восточных исследований Института политических наук и администрации Люблинского католического университета Иоанна Павла II. Сотрудник Института Центральной Европы в Люблине (Польша).

About the Authors

Azhekbayev Kanybek Azhekbayevich – Professor of Economics, Honorary Professor of the Kyrgyz Economic University (Kyrgyz Republic).

Baburin Sergey Nikolaevich – Professor of Law, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Honored Scientist of the Russian Federation, President of the Association of Law Universities and the International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture (Russia).

Guseletov Boris Pavlovich – Professor of Political Sciences, Leading Researcher at the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. Honorary Member of the All-China Academy of Social Sciences (Russia).

Isaev Igor Andreevich – Professor of Law, Head of the Department of History of the State and Law at the O.E. Kutafin Moscow State Law University. Honored Scientist of the Russian Federation (Russia).

Kalinichenko Paul Alekseevich – Professor of Law, Professor at the Department of Jean Monnet, and at the Department of Integration and European Law of the O.E. Kutafin Moscow State Law University. Head of the Depart-

ment of European Law at the Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs (Russia).

Kamchybekov Tolobek Kadyralievich – Professor of Economics, Rector of the Kyrgyz Economic University (Kyrgyz Republic).

Lunkin Roman Nikolaevich – Professor of Political Sciences, Director of the Center for Religious Studies at the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-chief of the Magazine “Contemporary Europe”. The member of the Russian Team of Keston Institute (UK) in the project “Encyclopedia of Religious Life in Russia Today”. Expert of the Woodrow Wilson Center and the Kennan Institute (Russia).

Stowikowski Michał – Ph.D. (doktor habilitowany) of Political Sciences, Associate Professor at the Department of Political Systems, the Faculty of International and Political Studies, University of Lodz (Poland).

Stankiewicz Zygmunt – Professor of Law, Full Member (Academician) of the Russian Academy of Social Sciences (Russia).

Stępniewski Tomasz – Ph.D. (doktor habilitowany) of Political Sciences, Professor at the Institute of Political Sciences and Administration, the John Paul II Catholic University of Lublin. Vice-Director of the Institute of Central Europe in Lublin for Research and Analytical Affairs (Poland).

Szabaciuk Andrzej – Ph.D. (doktor) of History, Assistant Professor at the Department of Eastern Studies, the Institute of Political Sciences and Administration, the John Paul II Catholic University of Lublin. Senior Analysts at the Central European Institute in Lublin (Poland).

Todorov Igor Yaroslavovich – Professor of History, Professor at the Department of International Studies and Public Communication of the Uzhgorod National University (Ukraine).

Todorova Natalia Yurievna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Multicultural Education and Translation of the Uzhgorod National University (Ukraine).

Цель представленной научной монографии – показать перспективы сотрудничества и соперничества двух ключевых интеграционных проектов, действующих на пространстве Европы и постсоветского пространства, с точки зрения исследователей из Российской Федерации, Польши, Кыргызстана и Украины. Здесь представлены статьи ученых, взгляды и подходы которых не просто различаются, а порой противоречат друг другу в принципиальном плане. Более того, в некоторых вопросах они просто непримиримы, что в определенном смысле является отражением нынешнего состояния отношений между Россией и Западом. Но это и повышает ценность данной публикации, поскольку читатель имеет уникальную возможность самостоятельно оценивать позиции разных авторов, выявлять все «про» и «контра», выбирать для себя то, что более всего подходит для выработки личного взгляда на современный мир. Пока возможно подобное уважительное научное общение людей разных мировоззрений, остается надежда, что европейцы когда-нибудь станут едины.

Из Вступления